

Г Е Н Р И Х
В О Л К О В

ПУТЬ ГЕНИЯ

Люди
Время
Идеи

Люди. Время. Идеи

Г Е Н Р И Х
В О Л К О В

ПУТЬ
ГЕНИЯ

*Становление
личности
и мировоззрения
Карла
Маркса*

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1976

ЗК 16
В 67

Оформление
Л. Зусмана

В 70803—558 50Р—76
М101 (03) 76

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА», 1976 г.

Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

В. И. Ленин

К моему молодому читателю

Книжка, которая у вас в руках, — не биография Карла Маркса и не популярное изложение марксистской теории. Она задумана как своего рода «введение» в марксизм, рассказ о том, как возникло и формировалось это грандиозное учение, оказавшее на судьбы человечества большее влияние, чем какое-либо другое. Автору хотелось увлечь читателя за собой в мир поисков, раздумий и страстей молодого Маркса, в его творческую лабораторию, в которой ковались огненные мысли, побудить его самому окунуться в этот мир, ибо ничто так не обогащает нас, как духовное общение с гением — пусть опосредованное, — как следование по путям его исканий.

Хорошо известно, что марксизм не догма, а руководство к действию. А раз это так, то и изучать марксизм следует в становлении, в движении, в действии, а не только как свод уже «готовых» истин, которые остаются только заучивать и воспроизводить.

Если мы знаем вкус готовых плодов, это еще не значит, что мы умеем их выращивать. Если мы «назубок» выучили выводы и положения марксизма, это значит лишь, что мы овладели «буквой» марксизма, но усвоили ли мы его «дух»?

Чтобы постигнуть живую душу марксизма, оценить то новое, что он внес в миропонимание, что отличает его от предшествующих философских и социально-экономических учений, для этого нужно самому мысленно пройти тот путь, который был пройден классиками марксизма. Для этого необходимо самому «повторить» и пережить те усилия творческой мысли, которые привели к новому мировоззрению, и прежде всего усвоить и критически переработать все наследие человеческой культуры, послужившее истоком марксизма. Для этого нужно овладеть умением применять марксизм в практической и теоретической деятельности.

Конечно, это очень сложно, требует огромных затрат энергии, усилий и времени. Но ведь «в науке нет широкой столбовой дороги, и только тот может достигнуть ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам» (Маркс).

Более простые пути, конечно, очень соблазнительны, но они обычно ведут к упрощенчеству и вульгаризации марксизма. Они фабрикуют, с одной стороны, догматиков, а с другой — «разочаровавшихся». Именно об этом говорил В. И. Ленин в своей знаменитой речи на Третьем съезде комсомола, предостерегая

против «облегченного» изучения марксизма (коммунизма) с помощью одних лишь готовых выводов и лозунгов, изложенных в учебниках и популярных брошюрах.

Сам Маркс все то, что человеческой мыслью было создано, переработал, подверг критике, проверив на рабочем движении, и сделал те выводы, которых ограниченные буржуазными рамками или связанными буржуазными предрассудками люди сделать не могли.

Если мы хотим понять, каким путем пришел Маркс к марксизму, как стало возможно одно из величайших достижений человеческого гения, если мы хотим это понять, чтобы постигнуть марксизм в самом процессе его зарождения и становления, то мы обращаемся, естественно, прежде всего к ранним произведениям Маркса, к юной поре его жизни и деятельности.

Почему именно Маркс смог совершить тот революционный переворот в мировоззрении, в результате которого человечество обрело «новые глаза» и перед ним раздвинулись новые горизонты? Какие личные, человеческие качества для этого потребовались? Понятно, что это отнюдь не второстепенные вопросы для тех, кто желает следовать в науке и жизни за Марксом.

Если верно, что человек есть то, что он делает, то в отношении Маркса это верно тем более, ибо он представляет собой удивительно цельную и целеустремленную личность.

Личность Маркса формировалась в той степени, в какой складывалось и развивалось его революционное мировоззрение. Анализ произведений Маркса — лучший ключ к тайникам его духовной лаборатории, к раскрытию его нравственного облика как ученого, как революционера, как гражданина.

Поэтому в этой кинжке становление личности Маркса и становление марксизма рассматривается как единый процесс.

Речь идет преимущественно о сравнительно небольшом отрезке жизненного пути основоположника научного коммунизма — это главным образом период с 1835 по 1844 год, то есть со времени окончания гимназии и до первых работ, в которых переход к материализму и научному коммунизму совершается окончательно.

Много ли значат десять лет в жизни человека? Но за это десятилетие бывший гимназист из мелкобуржуазного семейства достиг вершины духовного развития, далеко опередив свой век, свое время и своих современников. За это десятилетие он выработал основы того учения, которое ныне стало знаменем и орудием борьбы всего трудящегося человечества.

Достоинно удивления, что чем дальше человечество удаляется от эпохи, в которую жил Маркс, тем, можно сказать, ближе для него становится марксизм, тем все большее распространение и признание получают идеи научного коммунизма.

В 1867 году «Капитал» был издан на немецком языке тиражом в одну тысячу экземпляров. Ныне книги Маркса ежегодно издаются и переиздаются многомиллионными тиражами на всех континентах земного шара.

Вопреки измышлениям идеологов капитала об устарении идей марксизма они ежедневно приобретают себе новых и новых горячих приверженцев, становясь все более могучей материальной силой, преобразующей мир.

8 Пожалуй, никогда еще Маркс не был так современ-

нен, как в наш век великих социальных потрясений. Именно сейчас и обнаруживается в полной мере, как далеко он заглядывал в будущее.

Желая понять свое прошлое и настоящее, постигнуть будущее, каждое новое поколение обращается к наследию марксизма и открывает в нем новые горизонты.

Я не стремился дать всестороннюю и полную картину духовного развития молодого Маркса. Для целей этой небольшой работы достаточно остановиться лишь на магистральных направлениях, по которым шло формирование личности и мировоззрения Карла Маркса.

Задача моя заключалась не столько в том, чтобы излагать и комментировать содержание Марксовых произведений, сколько в том, чтобы побудить к ним интерес читателя, не столько навязывать свое мнение, сколько побуждать к раздумьям и самостоятельному поиску.

Вероятно, молодой читатель столкнется здесь с новым для него именами, терминами, проблемами, вероятно, не все покажется безусловно понятным. Многие заставит задуматься, и многое породит вопросы, желание более углубленно разобраться в них.

И если после этой книжки молодой читатель еще и еще раз захочет углубиться в мир мыслей Маркса, если он, следуя за Марксом, обратится также к философии Платона и Аристотеля, Канта и Фихте, Гегеля и Фейербаха, к сочинениям Сен-Симона, Фурье, Рикардо, а также к произведениям Шекспира и Бальзака, Гёте и Гейне, то в таком случае он окажется на верном пути к пониманию того, как возник марксизм и что он собой представляет.

Почему речь здесь идет и о художниках слова? 9

Дело в том, что в становлении марксизма большую роль сыграли не только философские и социально-экономические, но и художественно-эстетические предпосылки.

Мир свободолюбивого искусства был для молодого Маркса первой школой его убеждений. Именно искусство пробудило в нем критическое отношение к действительности, ненависть к благополучному и самодовольному филистерству. Развитие художественного самосознания Маркса вылилось в развитие его политического самосознания, его критика филистерства перешла в критику основ того общества, которое порождает филистерство.

Увлечение Маркса искусством, раннее становление его эстетических вкусов, его собственные поэтические и литературные опыты — все это самым благотворным образом отразилось впоследствии на его произведениях, сочетавших в себе глубокую научную мысль с блестящей художественной формой изложения.

* * *

В основу предлагаемой читателям работы легла моя книга «Рождение гения», изданная «Молодой гвардией» в 1968 году. Готовя ее для издательства «Детская литература», я подверг рукопись основательной переработке, внес многие дополнения и разъяснения в целях более популярного изложения, счел необходимым посвятить специальные главы Фридриху Энгельсу и «Капиталу», больше места отвести освещению личности Жени Маркс.

ГЕРМАНИЯ В „СВИНЦОВОЙ СПЯЧКЕ“

Это верно — старый мир принадлежит филистеру. Но не следует относиться к филистеру как к пугалу, от которого боязливо отворачиваются. Напротив, мы должны внимательно к нему присмотреться. Стоит изучить этого господина мира.

Карл Маркс

Да, стоит присмотреться к миру филистера уже потому, что именно в борьбе с ним оттачивался и развивался талант самого Маркса, его личность борца, мыслителя, революционера. Стоит хотя бы в нескольких штрихах охарактеризовать его, чтобы яснее было, на каком фоне расцветал гений Маркса.

Знаменитое немецкое филистерство! Знаменитое тем, что навеки пригвождено к позорному столбу острой иронией Гейне, убийственным сарказмом Маркса и Энгельса. Ничто не внушало Марксу такого отвращения, как самодовольное филистерство, в какой бы области и в какой бы форме оно ни выступало: в личных отно- 11

шениях, в быту, в науке, в поэзии, в политике, в практике революционной борьбы.

Филистерство (или, иначе говоря, мещанство, обывательщина) отнюдь не является национальным изобретением. Оно естественный продукт мелкобуржуазного хамства, ханжеской религиозной морали и рабской психологии вчерашнего холопа, который остался в душе холопом. Оно неизбежное порождение того строя, который осуществляет безжалостную эксплуатацию человека человеком под «гуманным» лозунгом: «Свобода, равенство, братство», который делает людей холоуями денежного мешка и объявляет это «достижение» величайшим приобретением человечества.

Мы хорошо знаем, что мещанство обильно рождала российская земля, о чем свидетельствуют произведения Островского, Салтыкова-Щедрина, Горького, Чехова, которые заклеили «рожденных ползать».

Филистерство в разных странах складывалось с учетом исторических условий и национального характера народа. Имело свой несравненный колорит и немецкое филистерство. На это были особые причины.

«Священная Римская империя германской нации», как она тогда пышно именовалась, состояла к началу XIX века из нескольких сот «суверенных» государств, от довольно крупных, как Пруссия и Австрия, до совсем ничтожных королевств, курфюршеств, княжеств, графств, баронств и вольных имперских городов. Все они обладали большой политической самостоятельностью и подчинялись только власти императора и сейма, подчас весьма иллюзорной. Вследствие этого всюду царили междоусобицы, неразбериха и величайший беспорядок.

12 Каждый князек был для своих подданных неогра-

ническим деспотом. Власть при дворе была в руках министров и правительственных чиновников, которые, согласно описанию Ф. Энгельса, получали полную свободу действий и полную безнаказанность, если только наполняли казну своих господ.

Сребролюбивые мещане, буржуа спокойно мирились с тем, что их притесняли и оскорбляли, полагая, что легче всего ловить рыбку в мутной воде, и ухитрялись находить в постоянном социальном беспорядке порядочные источники богатства. Соединившись с народом, они могли бы опровергнуть старую власть и преобразовать империю, как это отчасти сделала английская буржуазия между 1640 и 1688 годами и как это делала в то время французская буржуазия.

Но нет, буржуазия Германии никогда не обладала такой энергией, никогда не претендовала на такое мужество. Немецкие буржуа, как саркастически замечает Энгельс, знали, что Германия — это только навозная куча, но им было удобно в этом навозе, потому что сами они были навозом и потому, что окружающий навоз согревал их.

Крестьяне, ремесленники и предприниматели страдали вдвойне — от паразитического правительства и от плохого состояния дел. Дворянство и князья находили, что, хотя они и выжимали все соки из своих подданных, их доходы не могли поспевать за растущими расходами. Все было скверно, и во всей стране господствовало недовольство. Не было ни развитой сети образования, ни средств воздействия на сознание масс, кроме религии, ни свободы печати, ни общественного мнения, не было даже сколько-нибудь значительной торговли с другими странами. Народ был проинкрустирован раблепным духом.

Картина — очень похожая на ту «болезнь царства», 13

Город Трир (Германия, Рейнская провинция Пруссии). В этом городе 5 мая 1818 года родился Карл Маркс.

о которой докладывает канцлер своему императору в гётевском «Фаусте», сетуя, что кругом все стонет и страдает, одна беда другую порождает:

Из этой залы, где стоит твой трон,
Взгляни на царство: будто тяжкий сон
Увидишь. Зло за злом распространилось,
И беззаконье тяжкое в закон
В империи повсюду превратилось...
... Перед льстецом и лиходеем
Готов и честный ниц упасть:
Судья, свою утратив власть,
Примкнет в конце концов к злодеям.
Рассказ мой мрачен, но поверь,
Еще мрачнее все теперь.

И вдруг Французская революция, словно молнией, осветила это царство тяжелой дремоты и болотных миазмов. Уныние и безнадежность сменились всеобщим энтузиазмом. Либеральные буржуа решались даже на «отчаянно фрондерские» поступки: с воодушевлением пели в винных погребках «Марсельезу» и посылали приветственные адреса Национальному собранию Франции. Немецкие поэты единодушно слагали дифирамбы французскому народу. В Германии появились сторонники якобинцев, призывавшие к революции.

Но опьянение грозным ветром с Запада было недолгим. Якобинский террор привел немецкую буржуазию в ужас. Добропорядочные филистеры, размечтавшиеся было о свободе частного предпринимательства, о равенстве и братстве с самими герцогами и графами, теперь воспринимали вести из Франции о якобинской диктатуре с трусливой дрожью и злобой. Недавние столь восторженные друзья революции становились ее ярыми и фанатичными врагами.

16   А затем Наполеон обрушил свои армии на немецкие

земли. Объективно он был для Германии представителем революции, ибо он распространял ее принципы, разрушая старые феодальные порядки, он установил свой — несравненно более прогрессивный — кодекс законов, он разрушил прогнившую империю и сократил число мелких государств путем образования более крупных.

Тем не менее немцы не испытывали особого прилива благодарственных чувств к Наполеону. И это было понятно: их национальная гордость была уязвлена позором многолетних военных поражений, тем, что «узурпатор» одним ударом сапога выбросил многие обветшавшие пережитки феодализма, столь привычные обывательскому сердцу. Они готовы были скорее умереть, чем перестать повиноваться своим господам, которые попирали их ногами и били кнутом.

После разгрома Наполеона Германия получила долгожданную возможность вновь вернуться в состояние той «свицовой» спячки, из которой она была столь неделикатным путем выведена. Реакция повсюду праздновала победу. Один из немецких курфюрстов зашел даже так далеко, что восстановил у своих солдат косички, отрезанные «нечестивыми французами».

Были среди монархов и сторонники прогресса. Так, король Вюртемберга решил даровать своим подданным конституцию, которая предусматривала создание парламента. Для этой цели он созвал представителей сословий. Но случилось нечто такое, что могло быть лишь на немецкой земле. Представители сословий отклонили либеральные поползновения монарха и потребовали восстановления «доброго старого права». Совсем как у Гейне в его «Китайском императоре»:

Мятежный дух исчез совсем,
Кричат маньчжуры дружно:
«Нам конституция зачем?
Нам палку, палку нужно!»

Могло ли в таких условиях родиться сколько-нибудь радикальное политическое движение? Можно ли было рассчитывать на вмешательство народных масс в судьбы страны, на свободное волеизъявление народа?

Все свои надежды немецкое бюргерство возлагало на прусскую монархию, видя в ней единственную силу, способную осуществить экономическую и политическую концентрацию в стране. В условиях междоусобиц, распри и раздробленности идеал единого буржуазного государства стал для немецких филистеров предметом национальных устремлений, надежд. «Этим положением государства объясняется также нигде больше не встречающийся добропорядочный чиновничий образ мыслей и все иллюзии насчет государства, имеющие хождение в Германии», — писали Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии».

Немецкому филистеру мало раболепства перед властью предержащими. Он раболепствует и перед богом, которого «носит в своем сердце». Германия — родина религиозной реформации, протестантизма, и в ней силен был дух религиозного благочестия.

Законнорожденный отпрыск рабства (во всех его формах) и религии с ее ханжеской моралью, кодексом нравственных цепей, мещанин носит на своем медном лбу печать обоих родителей. Его можно было найти среди многих профессий. Он мог быть как господином, так и слугой, как торговцем обычной ветошью, так и поставщиком ветоши уцененных идей. В любом слу-

18 чае его отличает пресмыкательство и угодничество

перед вышестоящим — будь то хозяйчик, король или бог. Веками выработанное и закрепленное лакейство становится внутренней, неосознанной потребностью филистера, его психологией, его духовным миром. Его мысли и чувства вращаются в шорах догм, он носит кандалы в своем сердце и в своей голове, а потому чтит их. Он не мыслит свою жизнь вне определенных канонов, вне циркуляров и распоряжений свыше. Он чувствует себя неуютно, когда оказывается перед необходимостью сделать самостоятельный шаг. Имей он свободу выбора, он никогда не выберет свободу.

Прусский мещанин того времени тяготеет к дисциплине. Воспитываясь в казармах «его величества» — как в военных, так и в духовных, — филистер охотно привыкает к палочной дисциплине и искренне полагает, что на ней весь мир держится. Он чувствует поистине «собачью» привязанность к палке и готов, доказывая преданность хозяину, перегрызть горло каждому, кто попытается отнять ее. Он сам охотно выполняет роль дисциплинирующей палки, обрушиваясь на «смутьянов».

Филистер настолько упоен собственным благочестием, безукоризненной «моральностью» своего поведения, что почитает священным долгом своим всем «читать мораль», всех наставлять на путь истинный. Достоинство человека он видит в его невежестве относительно всего, что не идет на пользу сытому существованию. И в полном соответствии с этим собственное невежество он чванливо возводит в ранг величайшего достоинства.

Портрет одного из них Маркс описал весьма сочно: «Вчера из Грейфсвальда прибыл Хассе, который всегда приводил меня в удивление, — не чем-либо иным, как своими большими, как у деревенского священника,

сапогамн. Он н говорил совсем как сапог деревенского священника. Не зная ничего о том, что делается на божьем свете, он готовится издать многотомное сочинение о скучном Ансельме Кентерберийском, над которым корпел целых десять лет; он полагает, что теперешнее критическое направление представляет собой момент, который должен быть преодолен. Кроме того, он говорит о религиозности как продукте жизненного опыта, под которым, вероятно, понимает свое преуспевающее детоводство и свой толстый живот, ибо толстые животы проделывают всякого рода опыты, и, как Кант говорит: если это идет вниз, то получается непрстойность, если же вверх — религиозное вдохновение. Ох уж этот благочестивый Хассе с его религиознымн запорами!»

Филнстеры типа Хассе любят говорить красивые слова и не прочь выдать мир неизменных и ограниченнх своих потребностей за потребности «головы и сердца». Они не прочь также прослыть борцами, всегда, впрочем, оставаясь борцами не «на смерть», а «на живот» и «за живот».

Выдавая прекраснодушную болтовню за романтические блуждания в поисках истины, они хотят прослыть мыслителями, но обычно не идут дальше «промысла божьего», они изощряют свою тупость в тупиках давно заезженных плоских банальностей и душе-спасительной болтовни.

Теоретическим «родоначальником филнстеров» Маркс окрестил английского моралиста Иеремню Бентама (1748—1832) — этого трезво-педантичного и тоскливо-болтливого оракула пошлого буржуазного рассудка XIX века, этого «гення буржуазной глупости». С «наивной тупостью» Бентам объявляет филнстера, считающего свой эгонстический интерес ме-

рилом всего «полезного» в обществе, образцом человека вообще.

«Бейтам среди философов, — замечает Маркс в «Капитале», — то же, что Мартин Таппер среди поэтов». Будучи совершенно бездарным рифмоплетом, Таппер в середине прошлого столетия пользовался огромной популярностью в кругах английских обывателей: им пришлось по вкусу претенициозная пошлость и ложное глубокомыслие его стихов. В своей «Исповеди» — аикете, предложенной старшими дочерьми в 1865 году, Маркс, отвечая на вопрос «Ваша антипатия?», написал: «Мартин Таппер».

Из всей своры тупых, продажных писак, грязных политиканов, бездарных хвастунов, бесцеремонных и наглых «цепных псов» буржуазии, с ожесточением травивших Маркса на протяжении всей жизни, он безошибочно выбрал одно имя — имя человека, который не имел к нему лично никакого отношения, но который был в глазах Маркса олицетворением дешевого успеха, спекулирующего на низкопробных вкусах мещан, олицетворением литературного филистерства.

Такой филистер-«теоретик» обожает все возвышенное, романтическое, «идеальное» и презирует «грубый материализм». «Под материализмом филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения и тцдеславие, корыстолюбие, скупость, алчность, погоню за барышом и биржевые плутни, короче — все те грязные пороки, которым он сам предается втайне. Идеализм же означает у него веру в добродетель, любовь ко всему человечеству и вообще веру в «лучший мир», о котором он кричит перед другими, но в который он сам начинает веровать разве только тогда, когда у него голова болит с похмелья или когда он обанкротится, словом — ког-

да ему приходится переживать неизбежные последствия своих обычных «материалистических» излишеств. При этом он тянет свою любимую песню: «Что же такое человек? Он — полузверь и полуангел».

Не эту ли самую песню филистера имел в виду Генрих Гейне, когда писал:

Я не хорош, но я и не плох,
Ни глуп, ни умен, понятно.
И если я сделал шаг вперед,
Тотчас иду обратно.
Я просвещенный обскурант,
Ни жеребец, ни кобыла,
В любви к Софоклу и кнута
Равно исполнен пыла.

О, они очень сентиментальны, эти пылкие любители «Софокла и кнута»! «Та самая филистерская пошлость», которая всегда видит в пролетарии только грубого, деморализованного оборванца, которая с удовлетворением потирает руки, наблюдая парижскую июньскую бойню 1848 г., где было убито более трех тысяч этих «оборванцев», — эта филистерская пошлость возмущается по поводу насмешек над сентиментальными обществами для защиты животных.

Конечно, филистерство многолико, оно может принимать и рафинированные, утонченные формы, в которых распознать его не просто. Оно следит за модой и с каждой новой эпохой меняет свои одежды.

К началу XIX века филистерство прочно обосновалось во всех порах немецкого общества; им была заражена наука, поэзия, политика. Оно, по выражению Энгельса, царило на троне так же часто, как и в хижине сапожника.

Однако мешчанская Германия, конечно, не исчерпывала всей Германии. Существовала еще и Германия

нарождающегося пролетариата, тех «силезских ткачей», которые ткали «проклятье хайжеской отчизне» (Гейне). Существовала Германия Лессинга, Гёте, Канта, Фихте, Гегеля. Хотя даже такие гиганты духа, как Гёте и Гегель, высоко возвышаясь над своим веком, над филистерским болотом, ногами все же нередко увязали в нем, но с их именами связывали свои надежды те, кто «начинал новую песь» о том, чтобы сделать землю раем».

Германия к сороковым годам XIX века, то есть к тому времени, когда Маркс и Энгельс выступили на арену общественной деятельности, начинала просыпаться от своей «свицовой» зимней спячки, она была чревата революцией, а своеобразной теоретической подготовкой к ней служила немецкая классическая философия.

Если, по меткому выражению Гейне, смех Вольтера должен был прозвучать раньше, чем гильотина опустится на голову короля, если идеи Монтескье, Руссо, Дидро, совершившие революцию в общественном сознании Франции, предшествовали политическому перевороту в стране в конце XVIII столетия, то аналогично этому мифистофельская усмешка Гёте и тяжеловесные теоретические конструкции Канта и Гегеля возвестили миру о приближающейся революции в Германии.

Философия Канта питалась, с одной стороны, идеями Французской революции, а с другой — достижениями естественных наук того времени. Его энциклопедический ум стремился охватить всю Вселенную, дать ответы на все вопросы, поставленные предшествующей мыслью, от астрономии и математики до этики и эстетики.

Вслед за Руссо Кант объявил человека самоцелью 23

общественного развития, а не средством для достижения других целей. Борению эгоистических, частных, собственных интересов он противопоставил верховное требование нравственного долга: поступай так, как должны были бы по велению разума поступать все. Он развивал идеи о суверенитете народной власти и равенстве всех перед законом.

Разум человека, его способность к познанию, к творчеству Кант сделал центральным предметом философского рассмотрения. Он выпустил из пут авторитарно-религиозной системы мышления демона сомнения — сомнения в окончательности и абсолютности «богоданных» истин, сомнения в нашей способности когда-либо достичь полного и исчерпывающего знания. К числу непознаваемых «вещей в себе» Кант отнес также бога, положив тем самым начало философской критике религии в Германии.

Однако Канта трудно было бы упрекнуть в излишней смелости и безупречной последовательности мысли. Увы! Он не был рожден революционером даже в области теории. Делая шаг вперед, он всегда оглядывался назад. Гениальные идеи, навеянные Французской революцией и революцией в естествознании, он хотел протащить в немецкую философию тайком, «через черный ход», придать им такой вид, чтобы они не шокировали ограниченного немецкого филистера. Он ухитрился самым непостижимым образом совмещать в себе буржуазного либерала и монархиста, скептика и рационалиста, материалиста и идеалиста, атеиста и изолированного защитника религии.

Иронизируя над ограниченностью, половичатостью, осторожностью Канта, Гегель сравнил этого «разрушителя в царстве мысли» с главой французских

пьером, одно имя которого наводило трепет на французское дворянство. Гейне обнаруживает у них все же и нечто общее. Это прежде всего неумолимая, резкая, лишённая поэзии, трезвая честность. Кроме того, оба обладают «талантом недоверия», с той только разницей, что один направляет его на мысль и называет критикой, между тем как другой направляет его на людей и именует республиканской добродетелью. И наконец: «...Тип мещанина в высшей степени выражён в обоих: природа предназначила их к отшиванию кофе и сахара, но судьба захотела, чтобы они взвешивали другие вещи, и одному бросила на весы короля, другому — бога...»

Если насчёт Робеспьера это сказано, очевидно, слишком сильно, то Каита разит не в бровь, а в глаз: в одной руке держа «смертный приговор» для бога, он в другой сжимал «приказ о помиловании».

Гейне с юмором обрисовал следующую сценку, где за трагедией следует фарс. Сначала Иммануил Каит изображал неумолимого философа, он штурмовал небо, он перебил весь гарнизон, он опроверг все доказательства бытия божия, и сам верховный владыка небес, не будучи логически доказан, плавает в своей крови. Нет больше ни всеобъемлющего милосердия, ни отеческой любви, ни потустороннего воздаяния за посюстороннюю воздержанность, бессмертие души лежит при последнем издыхании — тут стоны, там хрипение... И верный слуга Каита, старый Лампе, который всю жизнь носил за профессором зонтик, в ужасе смотрит на все это, холодный пот и слезы струятся по его лицу.

И вот тогда-то Иммануил Каит разжалобился и показал, что он не только великий философ, но и добрый человек. Он задумывается и полудобродушно-по-

луниронически говорит: «Старому Лампе нужен бог, иначе бедняк не будет счастлив, — а человек должен быть счастлив на земле — так говорит практический разум, так уж и быть — ну, пусть практический разум даст поруку в бытии божьем».

Хотя Кант-филистер побеждал Канта-философа в его теоретических выводах, но все же дух критики, содержащийся в его сочинениях, вызвал великое умственное брожение в Германии, то брожение, которое выплеснулось идеалистической философией Фихте, Шеллинга, Гегеля.

Гегель довел философскую революцию, начатую Кантом, до своего логического конца. Критическая сила теоретической мысли в его сочинениях обрела могучее оружие с помощью развитого им диалектического метода. Гегелевская диалектика решительно отвергла представление об абсолютности и несокрушимости каких бы то ни было теоретических догматов и вместе с тем представление о несокрушимости и вечности каких бы то ни было социальных порядков. Характеризуя развитую Гегелем диалектическую философию, Ф. Энгельс отмечал, что для нее нет ничего раз навсегда установленного, святого.

«На всем и во всем видит она печать неизбежного падения».

Знаменитое положение Гегеля «Все действительное разумно; все разумное — действительно» можно было также истолковать в том смысле, что все действительное в области человеческой истории становится со временем неразумным, а следовательно, подлежит революционному уничтожению.

Генрих Гейне, который был не только великим поэтом, но и глубоким философом, учился философии 26 у самого Гегеля, рассказывал, что «стоял за спиной»

великого маэстро, когда он сочинял мелодию своих диалектических построений.

«Правда, он записывал ее непонятными и вычурными значками, чтобы не всякий мог ее разобрать; иногда я видел, как боязливо он озирался от страха, что кто-нибудь его поймет. Меня он очень любил, так как был уверен, что я никогда его не выдам; в те времена я ведь даже считал его рабелепным. Когда я как-то возмущался положением «все действительное — разумно», он странно усмехнулся и заметил: «Это можно бы выразить и так: все разумное должно быть действительным». Он поспешно оглянулся, но сразу же успокоился...»

И Гейне приводит другой забавный пример того, как Гегель смелые идеи облачал в весьма осторожные, половинчатые суждения, на первый взгляд совершенно безобидные. Так, Гегель утверждал, что христианство прогрессивно уже потому, что оно проповедует бога, который умер, в то время как языческие боги вообще не знали смерти. Кажется, философ поднимает здесь христианство на щит. Но попробуем додумать его мысль. Не хотел ли он сказать, что еще большим прогрессом для человечества явится признание того, что бога вообще никогда не было?

Гегель мог бы воскликнуть словами Мефистофеля в «Фаусте»: «Я дух, который вечно отрицает, ибо достойно гибели все то, что возникает».

Впрочем, сам Гегель был далек от того, чтобы делать мнропотрясающие, «мефистофельские» выводы из своей диалектики. Гегель был слишком добропорядочным бюргером и верноподданным королевско-прусским чиновником.

Подобно Канту, Гегель являл собой и революционера и филистера в науке одновременно. Он до блеска

отточил меч диалектики, но, к сожалению, лишь затем, чтобы спрятать его в заржавленные ножи своей системы и, поцеловав их, «рыцарски» преклонить колени, а также увенчанную знаменитым ночным колпаком седую голову перед своим повелителем — Фридрихом Вильгельмом III, за что удостоился звания официального философа.

Для того чтобы создать из наследия немецкой классической философии «алгебру революции» в подлинном смысле этих слов, для этого нужны были иные головы, иные характеры. Нужны были люди, свободные от всяких филистерских оков старого общества, высоко поднимающиеся над своей эпохой, люди, которые не устрашились бы результатов собственного мышления и бесстрашно воплотили их в действие, люди, для которых верность науке и преданность революции были бы единственными верноподданническими чувствами.

Великие люди появляются там и тогда, где и когда созрели условия для их великих деяний. В год смерти Гегеля в Трире учился тринадцатилетний гимназист, которого звали Карл Маркс, а недалеко от этого города — в Бармене — жил одиннадцатилетний Фридрих Энгельс.

Оба они являлись уроженцами Рейнской провинции Пруссии. Было ли это делом одного только случая?

Рейнская провинция находилась под перекрестным влиянием двух великих культур — немецкой и французской. Во времена Наполеона она даже входила в состав Франции. В отличие от всей остальной Германии здесь полностью были уничтожены феодальные порядки.

Но тем сильнее было разочарование рейнцев, когда 28 они попали под власть ограниченного прусского деспота

тизма. Контраст был слишком разнителен! Естественно, что в Рейнской провинции даже некоторые государственные чиновники щеголяли либерализмом и радикализмом.

В Рейнской провинции ошутнее всего отдавались раскаты революционных бурь, потрясавших соседнюю Францию. Через нее шел в Германию ток идей французского материализма и просветительства. Здесь естественнее всего происходило столкновение идей немецкой классической философии и утопического социализма (особенно в лице Сен-Симона). Здесь дух остроумного, веселого, саркастического искусства соседей освежающе воздействовал на мысли и чувства немцев, воспитанных на сентиментально-мечтательной поэзии, средневековой рыцарской романтике и церковных песнопениях.

Рейнская провинция обладала к тому же самой развитой и разнообразной промышленностью в Германии, а следовательно, и наиболее многочисленным промышленным пролетариатом — «могильщиком» старого общества.

Нет, не случайно именно Рейнская провинция Пруссии стала родиной Маркса и Энгельса.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЗВАНИИ

В о п р о с: Ваше представление о счастье?
К а р л М а р к с: Борьба.

Весенним солнечным днем к зданию городской мэрии города Трира быстро шел коренастый черноволосый, счастливо улыбающийся человек. На руках он держал запеленатого младенца. Через несколько минут он предстал перед чиновником, который, задав подходящие в таких случаях вопросы, привычно заскрипел пером по бумаге:

«В году тысяча восемьсот восемнадцатом, седьмого мая, в четыре часа пополудни передо мной — государственным служащим гражданской мэрии Трира в округе Трир — явился господин Генрих Маркс, тридцати семи лет, проживающий в Трире, по профессии адвокат высшей апел-

ляционной коллеги, показал мне ребенка мужского пола и заявил, что этот ребенок произведен на свет пятого мая в два часа утра от господина Геирixa Маркса, адвоката по профессии, проживающего в Трире, и его жены Геириетты Пресборк, что этого ребенка они пожелали назвать Карлом».

Поставив подпись, чиновник передал в руки отца свидетельство о рождении, не подозревая, что это — исторический документ, узаконивший появление на свет человека, который по достижении зрелого возраста вынужден будет покинуть родину и который больше чем кто-либо другой ее прославит.

Не подозревал, конечно, об этом и счастливый отец. Он возвращался домой, спешил к небольшому двухэтажному дому на Брюккегассе, 664, и еле успевал отвечать на вежливые поклоны и приветствия встречающих.

Геирixa Маркса знали и уважали в этом городе за высокую образованность, безупречную честность, доброжелательность, за готовность помочь безвинно попавшему в беду человеку — помочь всеми своими «юридическими талантами». Будучи выходцем из семьи раввинов, Геирix Маркс, единственный из всех своих родственников, нашел в себе мужество порвать с иудаизмом и принять лютеранство. Это был шаг, свидетельствующий о желании выйти за замкнутые рамки еврейской культуры, а также облегчить судьбу детей.

В доме Марксов религиозный культ почитался умеренно. Больше поклонялись Вольтеру, Шиллеру, Расину, Руссо, Локку, Лейбницу, Гете, Лессингу, Спинозе, Канту. Геирix Маркс впитал в себя щедрое наследие европейской культуры и дал его в наследство своему любимому сыну Карлу. Благодаря этому многочисленные таланты, «положенные

Дом, в котором родился Карл Маркс.

музами в колыбель Маркса» (Меринг), сызмальства получили полный простор для своего развития.

Счастливым подарком судьбы для юного Маркса явилось то обстоятельство, что его семья была дружна с семьей тайного советника барона Людвиг фон Вестфалена. Трое из этого семейства прочно вошли в его жизнь: это прежде всего сам глава семейства, ставший Марксу вторым отцом, затем его младший сын Эдгар — добрый товарищ мальчишеских игр и гимназических увлечений (в конце сороковых годов он одно время примыкал к Союзу коммунистов) и, наконец, сестра Эдгара Женни — будущая жена Маркса и верный спутник жизни¹.

Людвиг фон Вестфален представлял собой колоритную фигуру. Потомок именитых шотландских и немецких дворян, он был одним из образованнейших людей своего времени, большим любителем поэзии. И если отец знакомил Карла с Вольтером и Расином, то Людвиг фон Вестфален читал ему (а также Женни и Эдгару) Гомера и Шекспира, которых он знал нанзуть. Именно старик Вестфален привил Марксу вкус к поэтическому слову, развил его эстетические задатки. От него же Маркс впервые услышал о Сен-Симоне.

Вероятно, Вестфален впервые настроил мысль Маркса на социальные мотивы, пробудил критическое отношение к существующим порядкам. Не случайно свой дебют на поприще науки — докторскую

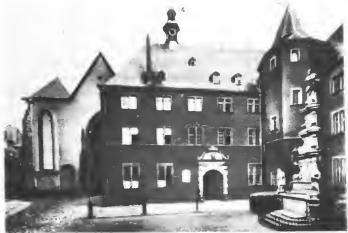
---

¹ Еще один член этого семейства — старший брат Женни, Фердинанд, стал впоследствии ярким политическим противником Маркса в качестве министра внутренних дел в реакционном прусском правительстве 50-х годов.

диссертацию — Маркс посвятил ему как «дорогому отцу и другу». В посвящении он характеризует Вестфалена как человека, «который приветствует всякий прогресс времени с энтузиазмом и серьезностью, присущими истине», который «никогда не отступал в страхе перед мрачными тенями ретроградных призраков». Несомненно, что в «старом вестфаленском доме» юный Маркс находил не менее богатую духовную пищу, чем в собственной семье или в гимназии.

Гимназия сама по себе не могла дать Марксу особенно много в смысле духовного развития. Гимназическая система обучения того времени велась в «старых, добрых традициях» долбежки и натаскивания в знаниях. Учителя больше всего ценили в гимназистах способности к бездумному запоминанию и точному воспроизведению готовых знаний: богословских текстов, исторических фактов, математических формул. Лучшим учеником считался тот, кто мог без запинки пересказать заученное и красивым почерком вывести непреложные истины священного писания. Самостоятельность суждений, смелый полет фантазии, оригинальный подход к решению задач — все это считалось скорее недостатком, чем достоинством.

Гимназическая система обучения не столько развивала личность, сколько подавляла ее. Она могла привить не любовь к наукам, а скорее отвращение к ним, как к собранию скучных догматов. Бесспорность, безусловность, абсолютность преподаваемых знаний развращает ум учащихся, развивает лень и паразитизм мышления, привычку повторять чужие мысли, поклоняться тому, чему «принято» поклоняться. Школа, таким образом, подрывала автори-

Гимназия в Трире, в которой учился Карл Маркс.

тет науки в глазах учащихся, ибо прививала авторитарный характер мышления — мышления в канонах «иже не преступишь». Вместо верности истине она воспитывала веру в непреложность прописных истин. Вместо исследовательского «мучения мысли» в поисках самостоятельных решений она предлагала муку бессмысленного заучивания.

Трирская гимназия, в которой учился Маркс, могла считаться одной из лучших, так как в ней господствовал более или менее либеральный дух. Среди гимназических учителей Маркса были довольно известные в своей области личности, например Иоганн Гуго Виттебах (директор гимназии) — при- 35

верженец идей французских просветителей, историк Трира, гордый личным знакомством с самим Гёте. Он стремился воспитывать в своих питомцах «священную веру в прогресс и облагораживание». Под подозрением у полиции находился учитель математики и физики Иоганн Штейнинггер.

Однако существенным образом изменить характер, цели и методы преподавания эти педагоги, конечно, не могли. Прусское правительство зорко следило за благопристойностью образа мыслей преподавателей и гимназистов. С этой целью оно назначило содиректором гимназии некоего Вистуса Лёрса, известного своими реакционными взглядами. Трирская гимназия должна была поставлять государству просвещённых филистеров — оплот короля и отечества. И она с этой целью справлялась.

В классе, где учился Маркс, к моменту окончания гимназии числилось тридцать два ученика, причем большинство из них переростки: от девятнадцати до двадцати семи лет. Эти великовозрастные недоросли были ленивы, оставались чуть ли не в каждом классе на второй срок. Тринадцать человек из них, со скрипом дотянув до «оберприма» (высший класс), провалились на выпускном экзамене.

Будучи выходцами из мелкобуржуазных, крестьянских семей, многие соученики Маркса находились целиком во власти тупого религиозного благочестия: должность священника казалась им высшим пределом мечтаний. Судя по выпускным работам, из двадцати пяти католиков, учившихся в классе, добрая половина жаждала посвятить себя богословию.

Их надежды оправдались. Выпуск трирской гимназии 1835 года дал Пруссии тринадцать католических священников, семь присяжных поверенных и выс-

ших чиновников, а также двух врачей. Кто бы мог подумать тогда, что этот же выпуск даст миру Карла Маркса!

Меньше всех на это были способны его учителя: Карл отнюдь не считался блестящим учеником. Его успехи почти по всем предметам были средними, ниже всего педагоги оценили познания будущего творца исторического материализма на экзамене по истории.

В этом не было ничего удивительного. Те мерки, с которыми педагоги подходили к Марксу, были скроемы не по нему. Оригинальность его суждений пугала их. Его стремление проникнуть в глубь вопроса, широко охватить предмет, дать образное, не банальное выражение своим мыслям порицалось ими. Они видели в этом «преувеличенную погоню за изысканными выражениями», «перегруженность ненужным», «многословие». Особенно они сетовали на неразборчивый почерк. «Какне каракули!» — жаловался учитель латинского языка, и ему сочувствовали также другие педагоги.

Вынесенное со школьной скамьи отвращение к правоучениям и педантизму подобных «наставников молодежи» Маркс сохранил и впоследствии. Характеристике одного из таких педантов Маркс дал в 1862 году в письме к Энгельсу. Внешне это respectable человек, гордящийся своей эрудицией, но никогда он не сможет выйти за рамки учения и преподавания заученного. Его ученость сводится к натаскиванию отовсюду уже готовых ответов. Он знает всю математическую литературу, но не понимает математики. Если бы этот педант был честен, то он мог бы быть полезен своим ученикам. Лишь бы он не прибегал ни к каким лживым уловкам и сказал напрямик:

здесь противоречие, одни говорят так, другие — эдак; у меня же по существу вопроса нет никакого мнения; посмотрите, не можете ли вы разобраться сами! «При таком подходе ученики, с одной стороны, получили бы известный материал, а с другой, был бы дан толчок их самостоятельной работе». Маркс, однако, тут же оговаривается, что выдвигает требование, которое противоречит природе педанта.

Трудно сказать, насколько гимназические учителя Маркса приближались к этому образу. Возможно, что в личном плане они и не были педантами. Но дело не в индивидуальном психическом складе личности, а в той системе, которая неизбежно порождала педантизм и мертвящую скуку гимназического обучения.

Духовный мир Карла Маркса формировался скорее не благодаря, а вопреки гимназической системе обучения, — в самостоятельной и очень интенсивной умственной работе, в общении с небольшим кругом приятелей, понимающих хорошую поэзию и хорошую шутку, в общении с семейством Вестфаленов и, конечно, с отцом.

Будучи председателем трирской коллегии адвокатов, Генрих Маркс по долгу службы должен был принимать участие в процессах политического характера, он близко сталкивался с вопиющими фактами социальной несправедливости, о чем, очевидно, рассказывал сыну.

А что это были за факты, можно составить впечатление из статьи Карла Маркса «Оправдание мозельского корреспондента», опубликованной им в 1843 году на страницах «Рейнской газеты». Желая доказать, что население примозельского края не имело возмож-

Маркс рассказывает о судебных процессах, относящихся к 30-м годам, то есть годам своей юности.

Один житель, пользовавшийся особой любовью за свое добродушие, сказал в шутовском тоне служанке высокопоставленного государственного чинуши, «который накануне вечером усердно прикладывался к рюмке в веселой компании, праздновавшей день рождения короля: *«Ваш хозяин был вчера немного навеселе»*. За эту невинную шутку он был предан *публичному* суду исправительной полиции в Трире, однако, как этого и следовало ожидать, был *оправдан*».

Возможно, этот процесс потому так свеж был в памяти Маркса, что в нем принимал участие в качестве адвоката его отец, безупречная честность и юридические таланты которого помогли добиться оправдания пострадавшего.

Когда несколько земледельцев из округа Трир захотели подать наследнику престола петицию через депутата ландтага, то против этого депутата было возбуждено уголовное дело. «Появившаяся несколько лет тому назад... статья профессора камеральных наук Боинского университета *Кауфмана* «О бедственном положении виноделов примозельского края» была *запрещена* правительственной властью».

Эти факты характеризуют политическую атмосферу, которая окружала юного Маркса.

В Трире в 30-х годах в кругах интеллигенции возникла либеральная оппозиция прусскому правительству, одним из деятельных участников которой был отец Карла Маркса. В начале 1834 года проводились собрания и манифестации либералов с пением «Марсельезы» и «Парижанки», с речами, в которых чуткое полицейское ухо могло услышать отзыв Француз-

ской революции. Генрих Маркс тоже пел «крамольные» песни и держал речи, правда вполне умеренного характера. Этого, однако, было достаточно для привлечения его к следствию.

Карл Маркс нежно любил отца. Светлое воспоминание о нем не покидало сына и в зрелые годы: он даже умер с фотокарточкой отца в кармане (фотоснимок со старинного дагерротипа). Однако Генрих Маркс при всем своем религиозном и политическом либерализме оставался все же прусским патриотом и благочестивым христианином. Поклонник Шиллера, он сам напоминал одного из его героев — доброго и сентиментального отца семейства, все счастье которого в благе детей. Он сумел рано оценить блестящее дарование своего любимого сына, но он мечтал, что Карл пойдет по его пути, выберет себе скромную, но «благородную» профессию, которая позволит занять «достойное место» среди уважаемых бюргеров и стать примерным отцом семейства.

Такая перспектива вдохновляла юного Маркса гораздо в меньшей степени, чем его отца. Уже в гимназические годы в нем начала пробуждаться острая неприязнь к благополучному идеалу филистерского существования — даже в его интеллигентски рафинированной форме.

Первое тому подтверждение мы находим в выпускном сочинении семнадцатилетнего Маркса — «Размышления юноши при выборе профессии».

Любопытно, что в отличие от большинства своих сверстников Маркс увидел в этом сочинении не повод для рассуждений на сугубо личную тему: «Кем я хочу стать», а повод для более широкой социальной постановки вопроса об объективных и субъективных условиях выбора профессии, о соответствии

личных способностей призванию. Уже здесь «мелькнули зариней» (Меринг) в юном уме Маркса мысли, которые в зрелом возрасте получают полное и яркое освещение.

«Мы не всегда, — пишет он, — можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие».

В то время как его соученики напыщенно рассуждали о преимуществах военной профессии перед профессией купца или о благах, которые дает пост богослова и священника, Маркс пишет о ложном блеске профессий, который возбуждает тщеславие и которым увлекается демон честолюбия, об «иллюзиях», разукрашивающих будущую профессию в своей фантазии. Отсюда, по его мнению, происходят заблуждения относительно наших способностей, а эта «ошибка мстит за себя», «причиняет нам более страшные муки, чем те, какие в состоянии вызвать внешний мир», порождает презрение к самому себе, вечно растравляет и гложет сердце, наполняет его ядом человеконенавистничества и отчаяния.

При выборе профессии легко впасть в «самообман», если выбор основан на ложных идеях. Наиболее опасными для юноши, у которого еще нет твердых принципов, прочных и непоколебимых убеждений, являются те профессии, «которые не столько вторгаются в самую жизнь, сколько занимаются абстрактными истинами».

Это интересное признание приоткрывает завесу над духовным миром Маркса тех лет. Оно говорит, вероятно, о его неудовлетворенности схоластической наукой, 41

о пробуждающемся стремлении сочетать «абстрактные истины» с «вторжением в самую жизнь».

Филистерскому идеалу собственного благополучия Маркс противопоставляет следующее: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не может стать истинно совершенным и великим человеком».

Да, конечно, самосовершенствование человека — это та цель, по отношению к которой всякая профессия является средством. Но человек может достичь своего усовершенствования, «только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага». Благо человечества (а значит, и наше совершенствование) является «главным руководителем», направляющим нас при выборе профессии.

В подтверждение своей мысли Маркс ссылается на исторический пример тех великих людей, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее: «...опыт перевозит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей».

На пороге своего самостоятельного пути Маркс формулирует тезис, ставший, по сути, девизом его жизни: «Трудиться для человечества». Он отдает себе отчет, что этот путь усыпан не розами, а терниями, но они не страшат его. Он осознает всю тяжесть «великой ответственности» этого выбора.

Но выбор сделан. «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех». И тут Маркс снова противопоставляет «жалкую, ограниченную, эгоистическую радость» обывательского бытия такой

жизни, счастье которой будет «принадлежать миллионам».

Конечно, эта работа во многом еще ученическая. Здесь, как в фокусе, виден итог предшествующего духовного развития Маркса, чувствуется влияние Канта и французских просветителей, проскальзывают еще сентиментальные и романтические нотки, имеются ссылки на «божественное руководство», «призывы божества», но вместе с тем во всей рукописи звучит уже и собственная мелодия автора, в стилистической форме и содержании ощущаются та самобытная сила и целеустремленность духа, которые составляли счастливую особенность характера Маркса.

В этой юношеской работе — целая программа жизни, хотя и выраженная в общей форме. Маркс словно предсказывает свою собственную судьбу.

В гимназическом сочинении о выборе профессии еще нет каких-либо указаний на пробуждение политических устремлений Маркса. Однако в нем уже зрела неприязнь ко всему реакционному. Эту неприязнь, как мы видели, он черпал не только из книг, но и из окружающей его действительности.

Известно, например, что еще в 1833 году в трирской гимназии была обнаружена запрещенная литература, политические стихи, а один из учеников был даже арестован. Это не могло не вызвать брожения в умах гимназистов, не могло не отразиться на мироощущении Маркса. Когда, получив аттестат зрелости, он покидал родной город, чтобы отправиться в Боннский университет, он демонстративно отказался нанести прощальный визит содиректору гимназии Вистусу Лёрсу, который имел специальное задание — осуществлять политический надзор за гимназистами. Отказы-

ваясь от визита, Маркс проявил твердость характера, пошел из-за этого, вероятно, даже на конфликт со своим отцом.

В одном из первых писем к сыну Геирх Маркс упрекает его за этот шаг. Из письма мы узнаём, что вместе с Карлом отказался от визита к Лёрсу еще один гимназист — Геирх Клеменс. Отец Маркса, дабы загладить «провинность» сына, которую Лёрс воспринял очень зло, вынужден был пойти «на невииную ложь»: сказать Лёрсу, что «мы были там в его отсутствие».

Настоящее столкновение с жизнью и наукой ждало, однако, Маркса еще впереди.

„НЕИСТОВСТВО ИРЦИИ“ И „ЖАЖДА СМЕЛОГО ПОЛЕТА“

В о п р о с : Ваш любимый девиз?

К а р л М а р к с : Подвергай все сомнению.

Осеию 1835 года Маркс отправляется изучать правовые науки в Боннский университет. Мир для Маркса не сходится клином только на юриспруденции. С юношеским пылом он окунается в водоворот самостоятельной жизни и пробует свои силы то в одной области духовной деятельности, то в другой, не забывая при этом и о бесшабашных студенческих сборищах с их необузданным весельем, пирушками, дуэлями, всякого рода приключениями. На одной из дуэлей Карл был ранен в глаз, а однажды даже попал в карцер «за нарушение ночного спокойствия». Друзья любят его за неисчерпаемый юмор, но побаиваются едких насмешек и убийствен-

ных эпиграмм, которыми Карл прославился еще в гимназии.

Старый добрый Генрих Маркс имел, видимо, все основания задавать сыну вопрос, как тому удастся «совмещать дуэли с философией». Письма отца исполнены заботой о физическом и духовном здоровье сына. Он призывает его укреплять здоровье, ибо «хилый ученый — это несчастнейшее существо на земле».

Отец читает сыну правоучительные проповеди и приводит в наиздание пример некоего Гюистера, которого постигло «ужасное мщенье» за «грехи молодости».

Впрочем, отца больше беспокоит не столько нравственная, сколько интеллектуальная сторона студенческой жизни сына. В одном из первых же писем к отцу из Боинского университета семнадцатилетний Карл, очевидно, сообщил о нарождающихся сомнениях в отношении религии. В ответ Генрих Маркс пишет: «Что ты останешься высокоморальным — в этом я не сомневаюсь. Но такая вера, рано или поздно, явится истиной потребностью человека, и имеются случаи в жизни, когда даже отрекшиеся от бога люди приходили к поклонению всевышнему».

Для придания пущей весомости своим доводам Генрих Маркс ссылается на примеры Ньютона, Локка, Лейбница. Не надеясь, однако, на одни увещевания, Генрих Маркс настаивает на том, чтобы Карл сменил слишком вольный воздух Боина на сдержанную, чопорную атмосферу сумрачного Берлина — столицы королевской Пруссии. Для этого были и более веские резоны: в Берлинском университете концентрировалась теоретическая мысль тогдашней

Женни фон Вестфален.
(1814—1881).

с «этнм домом труда другие университеты — просто пивнушки».

Вновь и вновь встает перед Карлом вопрос о выборе конкретной профессии; особенно острым он стал после того, как Маркс обручился с первой красавицей Трира, «царицей балов» баронессой Женни фон Вестфален, одержав тем самым «первую и самую прекрасную свою победу» (Меринг).

Отец в своих письмах не устает напоминать сыну, что Женни принесла для него «большую жертву». Раз уж Карл одержал «самым непостижимым образом» победу над сердцем Женни, которая ради него отказалась от более блестящих партий, то он должен осознать, что в его руках теперь судьба этой «необыкновенной» девушки, поэтому он должен «заслужить

уважение мира» и позаботиться о материальном обеспечении своей будущей семьи.

Карл и сам понимает это. В Берлинском университете, куда он поступает в 1836 году, он предается умственной работе с той же всепоглощающей страстью, с какой в Бонне предавался студенческим забавам. При этом его духовные интересы разносторонни. Он увлекается античностью, драматургией, эстетикой, поэзией, философией, правом. Он все еще находится в мучительных поисках призвания. Одно время ему кажется, что это призвание в писательстве. Он создает баллады, сонеты, целые тетради стихов, пишет даже историческую драму и юмористический роман. Отец всерьез обсуждает с Карлом вопрос о преимуществах и недостатках профессии поэта и писателя, литературного критика, драматурга, анализирует возможные сюжеты, говорит о его даровании.

Геориха Маркса в отличие от его сына, склонного, по мнению отца, «к абстрактной идеализации», волнуют практические вопросы. Он рекомендует Карлу написать драму в «патриотическом» стиле, передать «гений» прусской монархии, обработать исторический сюжет в немецком духе, ибо такая «ода» способна «создать репутацию» и «упрочить имя». Он не склонен одобрить план сына — выступить литературным критиком, так как даже великий Лессинг получал в жизни слишком мало роз и умер бедным библиотекарем.

Надо, однако, отдать Геориху Марксу должное — он, как уже говорилось, был первым, кто сумел разглядеть недюжинные способности Карла, первым, кто, хотя и смутно, предчувствовал его большое будущее. «Тебе, — писал он сыну в 1836 году, — предстоит, да захочет того бог, — еще долгая жизнь на твое бла-

го и благо твоей семьи, а также, если мое предчувствие меня не обманывает, — на благо человечества».

Временами же Геириха Маркса охватывали опасения за судьбу сына. Его одаренность, его непохожесть на сверстников, бьющая через край сила духа, одержимость стремлением к истине — все это наводило отца на мысль о «роковом демоне» сына, который совлечет его с ясного и прямого пути к житейскому преуспеянию, который подбивает его на мятеж против безмятежного существования.

«Носит ли твой демон небесное или фаустовское происхождение?» — в такой форме Геирих Маркс выразил мучивший его вопрос. Судьба гётевского Фауста отнюдь не казалась чадолюбивому отцу семейства примером, достойным подражания. Образ Фауста, этого обуреваемого дьявольским наваждением, вечно неудовлетворенного искателя смысла жизни и истины, человека, который, преследуя бесследно ускользающий мираж прекрасного мгновения, не успокаивается ни на миг, который в поисках истинного счастья не довольствуется его маленькой частью и приносит несчастье близким ему людям, который считает достойным жизни и свободы лишь того, кто готов пожертвовать ради них своей личной жизнью и свободой, — этот образ не мог быть привлекательным для отца, он страшил его, как призрак, угрожающий Карлу.

«Мое сердце погружается временами в мысли о тебе, о твоём будущем. И все-таки иногда я не могу отделаться от идеи трагической, предчувствуемой, возбуждающей страх, когда как молния произизывает меня мысль: соответствует ли твоё сердце твоей голове, твоим дарованиям? Имеется ли (у тебя) место 49

для земных, но святых чувств, которые служат таким существенным утешением для чувствующих людей в этой юдоли скорби?.. Восприимчив ли ты — и это для меня не менее тягостное сомнение — к истинно человеческому, домашнему счастью? В состоянии ли ты — это сомнение меня мучит в последнее время столь же сильно, поскольку определенное лицо я люблю как свое собственное дитя, — дать счастье своему ближайшему окружению?». «Определенное лицо» — это, конечно, Жени фон Вестфален, о счастье которой так трогательно печется Генрих Маркс.

Но как понимать самое счастье? Вероятно, того безоблачного «домашнего» счастья, о котором мечтал его отец, Карл Маркс в самом деле не принес своему «ближайшему окружению». В жертву делу своей жизни — «Капиталу» — он принес, по его собственным словам, здоровье, жизненное счастье и семью. Жени должна была разделить с мужем все тяготы его беспокойной жизни: скитания, тюрьму, эмиграцию, нищету, яростную травлю «пицдаров¹ капитала», четверо ее детей сошли в могилу. Но она же была ближайшим помощником и советчиком Маркса, его добрым гением. Она дожила до той поры, когда имя Маркса стало символом нового борющегося мира — от России до Америки, — и это искупило все.

Предчувствия не обманули Генриха Маркса. «Демон» его сына был отнюдь не небесного, а фаустовского происхождения. Он не позволял ему остановиться, он непрестанно побуждал его двигаться вперед и вперед в своем духовном развитии, в своих поисках совершенства, в вечной погоне за ускользающим и маяющим «дьяволом логики», призраком полного

знания. И ради этого требовал жертв и жертв и от самого Маркса и от его «ближайшего окружения».

В отличие от Фауста Маркс носил «Мефистофеля» в самом себе — он всегда был самым беспощадным критиком своих собственных произведений. Любимое изречение — «Подвергай все сомнению» — он относил прежде всего к тому, что выходило из-под его пера.

Суровый приговор постиг, в частности, его поэтические опыты первых студенческих лет. В письме к отцу девятнадцатилетний Маркс дает им такую оценку: «Нападки на современность, неопределенные, бесформенные чувства, отсутствие естественности, сплошное сочинительство из головы, полная противоположность между тем, что есть, и тем, что должно быть, риторические размышления вместо поэтических мыслей, но, может быть, также некоторая теплота чувств и жажда смелого полета». Видимо, тут критическое чувство не обманывало Маркса.

Но даже тогда, когда, наконец, в некоторых стихах перед ним вдруг, «словно далекий дворец фей», блеснуло «царство подлинной поэзии», этот успех послужил Марксу лишь поводом для трезвой оценки своих поэтических способностей, «и все, что было создано мной, рассыпалось в прах».

Покинув «пляску муз и музыку сатиров», Маркс с тем большим рвением обращается к науке. Поэзия и раньше для него была лишь попутным занятием. Он откладывал незаконченную балладу или драму в стихах, чтобы углубиться в юриспруденцию и философию. Он читал «Лаокоон» Лессинга, «Историю искусств» Винкельмана, «Элегии» Овидия вперемежку с книгой Реймаруса «О художественных инстинктах животных», «Немецкой историей» Людена, «Риторикой» Аристотеля, произведениями Бэкона, Шелли-

Иммануил Кант
(1724—1804).

га, Канта, Гегеля. Он перевернул целую гору специальной юридической литературы. Поражаешься уже одному только объему прочитанного за год!

Но Маркс не просто читал. Он усвоил привычку, которой следовал всю жизнь, — делать обширные выписки из прочитанного и сопровождать их собственными размышлениями. Это очень помогало в творчестве — организовывало мысль и память.

Маркса отличало также то, что изучение новой области науки сейчас же превращалось для него в самостоятельное исследование этой области. Чтение литературы никогда не было пассивным, ученическим процессом, а лишь поводом, толчком, стимулом

52 к собственной творческой работе мысли.

Знакомясь с философией и правом, он пытается провести «некоторую систему философии права через всю область права». Лишь в качестве введения к этой теме восемнадцатилетний Маркс пишет «злополучный опус, почти в триста листов».

Знакомясь с историей искусства и историей философии, он в течение того же учебного года пишет диалог почти в двадцать четыре листа, в «котором в известной степени соединились искусство и наука». Диалог имел название «Клеант, или Об исходном пункте и необходимом развитии философии». Жалко, что он не сохранился, потому что это, пожалуй, единственная работа тех лет, которая заслужила похвалу... самого Маркса. Все остальное постигла такая же убийственная критика, как и стихи.

В течение этого учебного года (1836/37) немало было проведено бессонных ночей, немало было пережито духовных мучительных битв. «Блуждания духа» обычно завершались отрицанием сделанного. Маркс становился на точку зрения того или иного авторитета в области философии и юриспруденции и пытался довести ее до логического конца. Но в итоге приходил к мысли о несостоятельности и данного авторитета, и его учения, и собственных исканий. Он опустошал святая святых одних богов, чтобы поместить туда иовых. Он низвергал одних кумиров, чтобы возвести на пьедестал истины других. Он написал целые тома работ — поэтических, эстетических, философских — лишь, кажется, для того, чтобы сжечь их. За один год им было создано столько, сколько иные авторы не создают и за всю жизнь. Но то, что могло бы составить предмет самодовольной гордости филистера от науки, приносило юному Марксу муки неудовлетворенности.

Маркс обрушивает своды миров своей фантазии, едва успев их создать, и устремляется на поиски новых миров. В стихотворении «Искал», посвященном Женни, сам он пишет об этом так:

Я устремился в путь, порвав оковы.
— Куда ты? — Мир хочу найти я новый!
— Да разве мало красоты окрест?
Внизу шум волн, вверху сверканье звезд!
— Нет, должен из души моей подняться
Взыскуемый мной мир и с ней обняться, —
Чтоб океан его во мне кружил,
Чтоб свод его моим дыханьем жгл...
И я пошел, и я вернулся снова,
Неся миры, рожденные от слова;
Уж заиграл над ними солнца свет,
Но гром ударил — и миров тех нет.

Вечная неудовлетворенность сделанным, бесконечное искание совершенства было его отличительной чертой и в зрелом возрасте. Его мысль, едва успев оформиться, тут же и немедленно обгоняла сделанное им же, обозревала написанное с еще не достигнутых высот, а за этим следовала новая высота. При этом его целью было не горделиво упиваться результатом своих трудов, а лишь достичь положительной высоты, с которой свет истинны предстал бы перед ним в своем настоящем свете.

У Бальзака есть небольшой этюд под названием «Неведомый шедевр». Речь в нем идет о необычайно талантливом художнике, который пишет свою единственную, гениальную картину, хочет воплотить в ней все совершенство красок и выразить натуру так, чтобы превзойти ее. Он работает много лет с необычайным вдохновением, он неоднократно переделывает каждую деталь картины, добиваясь того, чтобы краски

ра Пигмалиона. Наконец ему кажется, что цель достигнута, но перед взором изумленных зрителей предстает лишь беспорядочное сочетание мазков. Избыток таланта погубил картину.

В феврале 1867 года, когда многолетняя изнурительная работа над первым томом «Капитала» подошла к концу, Маркс перечитывает этот этюд Бальзака и горячо рекомендует его Энгельсу как маленький шедевр, исполненный тонкой иронии. В нем Маркс, очевидно, увидел иронию собственных мучительных поисков совершенства в работе над «Капиталом», когда временами казалось, что никогда этот труд так и не будет закончен.

В отличие от героя Бальзака Маркс вышел победителем из этого поединка с самим собой, с безжалостной самокритикой, с внутренним требованием максимальной полноты охвата предмета и максимальной адекватности формы изложения. Его картина капиталистического общества оказалась подлинным шедевром, который останется в веках, и он имел полное право назвать свой «Капитал» художественным целым. Однако он заплатил за это ценой многих лет напряженнейшей деятельности. Вернее будет сказать — ценой всей жизни, так как вся его жизнь была подготовкой к созданию «Капитала».

Как всякий истинный творец, Маркс всегда был выше своих произведений. Богатство его духовного мира лишь частично и очень неполно отражалось в богатстве написанного, так что «лучшим» произведением оставалось несозданное. Отсюда постоянные муки неудовлетворенности.

Скепсис может быть признаком вялости и трусости мысли, пасующей перед сложностью тайн бытия и объявляющей их за семью печатями, подобно би-

блейскому Екклесиасту, который исследовал и испытал мудростию «все, что делается под небом» и пришел к выводу, что «все — суета и томление духа!».

Но то же сомнение является необходимым оружием теоретического дерзания, когда мысль творит свой беспристрастный суд над потревоженными призраками прошлого, могущество которых отнюдь не призрачно.

Гегель писал об иронии шутовской, иронии трагической, наконец, иронии сомнения, выступающей «в качестве всестороннего искусства уничтожения», доводящей до солипсизма¹, когда, по выражению Дидро, сумасшедшее фортепьяно воображает себя единственно существующим на свете. Но ведь есть еще и, так сказать, «созидательная» ирония, которая служит закваской всякого творческого брожения, которая помогает рождению новой мысли, очищает ей дорогу, вселяет в нее уверенность.

Человечество, по крылатому афоризму Маркса, смеясь расстается со своим прошлым. Но так же смеясь человечество расстается и со своим теоретическим прошлым. В эпоху Возрождения ироническое отношение к авторитету религии и авторитету «Аристотеля с тоизурой» было предвестником революции в области мысли: естествознания и философии нового времени. Жизнерадостный, площадной смех Франсуа Рабле прозвучал прежде, чем сэр Фреисис Бэкон стройными доводами развенчал «идолы» средневековой догматики и опрокинул их новыми идеями.

¹ С о л и п с и з м — субъективно-идеалистическая теория, согласно которой объективный мир существует только в восприятии познающего индивида, порождается его сознанием.

То, что верно для общества в целом, в данном случае верно и для отдельного человека, особенно для такого человека, каким был Маркс. Геннй — это всегда носитель духа отрицания и иронии, ибо никто так остро не чувствует преходящее, мизерное и жалкое в великом, никто не умеет так тщательно очищать от них это великое, высвобождать его безжалостным резцом скульптора.

Желая проникнуть в истоки Марксовой иронии, мы неизбежно вынуждены обратиться к искусству.

Бальзак называет своего неистового ироника воплощением искусства со всеми его тайнами, порывами и мечтаниями. И это очень глубоко, так как искусство в принципе чуждо всякому догматизму, всякому застывшему представлению о жизни. Оно постигает действительность как процесс, как движение, как действие, а иначе оно не искусство. Даже в своем монументальном жанре оно протестует против «окаменелости» фактуры и стремится наделить ее пульсацией и дыханием жизни.

В отличие от теоретического освоения действительности, которое требует от исследователя точности и законченности определений, формулировок, теорем и тем самым создает — вольно или невольно — возможность для абсолютизации добытых результатов в «вечные», «незыблемые» и т. д. истины, — в искусстве (подлинном, конечно) нет и этого прибежища для омертвления наших представлений о мире.

Именно искусство прежде всего формирует такие способности человеческой личности, которые служат надежной гарантией против «склероза» мыслей и в то же время являются «закваской» творческого брожения, неиссякаемым родником рождения новых идей. Это способность к целостному видению мира, чувство

меры, гармонии и красоты, воображение, фантазия и интуиция, чувство юмора и вместе с ним, наконец (ио не в последнюю очередь!), — ирония.

Искусство формирует не какие-либо профессиональные качества, оно формирует универсальную и подлинно человеческую способность, необходимую в любой профессии, — способность к творчеству. Вот почему так велика его роль в развитии культуры интеллекта независимо от того, кому принадлежит этот интеллект: ученому, художнику или инженеру.

Маркс с раннего детства рос в атмосфере, насыщенной искусством. В то время как Шиллер пробуждал в нем ненависть к произволу, насилию над обездоленными, Шекспир раскрывал сложный мир человеческих чувств и отношений, оттачивал его природный дар остроумия. Гёте заставлял соединять чувство с мыслью, причудливую игру фантазии с высокими раздумьями о смысле жизни и смысле смерти, мефистофельскую усмешку над ханжеством расхожей морали с вагнеровской страстью к науке и верой в ее всемогущество.

Но вернемся в студенческую комнату на одной из тихих улиц старого Берлина, где в клубах табачного дыма, при тусклом свете догорающей свечи заканчивает свое письмо к отцу черноволосый юноша с именем и фамилией, которые тогда — в 1837 году — ничего никому не говорили: Карл Генрих Маркс.

В том же письме к отцу Маркс сообщает, что после того, как столь многое подверглось отрицанию, его «охватило настоящее неистовство иронии», ему кажется, что вся проделанная работа была «напрасной» и «бесплодной», что он не в силах будет справиться с потревоженными им «призраками».

58 Но то был лишь временный кризис переломного

момента жизни, в котором его творчество отчасти было «лебединой песней» первому «зеленому» периоду схватки с действительностью и наукой, а отчасти мужественной прелюдией к будущим, гораздо более серьезным и основательным схваткам.

Временами в этой прелюдии еще, быть может, не совсем уверенно и ясно звучат нотки мотивов, которые впоследствии разовьются в целые симфонии. Все отрицающая, беспощадная к миру и к себе работа мысли отнюдь не являлась бесплодной, как иногда казалось самому Марксу. В ее отрицаниях не было зряшности, пустоты, в них крылась завязь новых плодов. Его мысль, выкорчевывая предрассудки традиционного наукообразного бессмыслия, взрыхляла почву для ростков настоящей науки.

Что дело обстояло именно так, видно уже из того же письма к отцу от 10 ноября 1837 года.

Рассказывая отцу подробнее о содержании своей объемистой работы по философии права, Маркс в поисках причины ее несовершенства отмечает, что с самого начала препятствием к пониманию истины служила «ненаучная форма математического догматизма». Маркс имел в виду «геометрический» метод, получивший в философии развитие со времен Спинозы, метод, при котором предмет рассматривается как нечто данное с разных сторон, аналогично тому, как треугольник в геометрии анализируется в различных отношениях и этот анализ закрепляется в теоремах, либо в понятиях, полученных путем строгого формально-логического вывода из посылок. При этом треугольник сам по себе остается неизменным, «не развивается в какую-либо высшую форму», иначе говоря, «субъект ходит вокруг да около вещи, рассуждает так и сяк, а сама вещь не формируется».

ся в нечто многосторонне разворачивающееся, живое».

Тот метод, который дает прекрасные результаты при исследовании внешних форм «мертвой» материи, оказывается совершенно недостаточным для выражения «живой» материи, а тем более для выражения социальных явлений, для конкретного анализа «живого мира мыслей». «Здесь нужно внимательно всматриваться в самый объект в его развитии, и никакие произвольные подразделения не должны быть привнесены; разум самой вещи должен здесь разворачиваться как нечто в себе противоречивое и находить в себе свое единство».

Рассматривать предмет в его саморазвитии, как нечто «самоформирующееся, многосторонне разворачивающееся живое», — это то самое методологическое требование, которое нашло столь блестящее воплощение в «Капитале».

Конечно, в приведенной формулировке еще очень много от Гегеля, тут чувствуется его влияние. Оно ощущается в том, например, как Маркс критикует самого себя за противопоставление материи и формы, когда получается нечто вроде письменного стола с выдвижными ящиками, заполненными «материей». Иронизируя над подобным подходом, которому он отдал дань, Маркс приходит к выводу, что «форма может быть только дальнейшим развитием содержания».

Но Маркс не спешит заключить Гегеля в свои объятия, хотя тот и вывел его из некоторых тупиков традиционного философствования. Он признается в том, что ранее ему не нравилась «причудливая дикая мелодия» гегелевской философии. Но и после того, как во время болезни, вызванной переутомлением,

Карл ознакомился с Гегелем «от начала до конца», он продолжает относиться к нему настороженно. Он пишет о «грызущей досаде, что приходится сотворить себе кумира из ненавистного мне воззрения». «Дикая мелодия», видимо, обладала притягательным очарованием пенны сирен, с которым трудно было бороться.

Во всяком случае, среди восторженных поклонников Гегеля, которых Маркс нашел в среде младогегельянцев, объединившихся в «Докторский клуб», он выделялся тем, что ореол преклонения перед этим авторитетом отнюдь не застилал ему глаза. Вопрос о том, по пути ли ему с Гегелем, оставался открытым.

Еще до своего основательного знакомства с Гегелем Маркс испытал на себе влияние двух других титанов немецкой классической философии: Канта и Фихте. Если в работах Канта Маркса привлекали высокие нравственные идеалы, решительный скептицизм по отношению к догматам философской и религиозной мысли, то Фихте imponировал ему прежде всего действенным, страстным, волевым характером своей философии.

Молодой Маркс, который сам рвался к активной деятельности, к тому, чтобы действительно сделать научную мысль огнем и мечом изменения мира, многое черпал для себя в первые студенческие годы из философии и умонастроения Фихте.

Сама личность Фихте внушала глубокие симпатии радикально настроенной молодежи того времени. Он счастливо сочетал в себе любовь к теоретическому мышлению с пламенной жаждой деятельности на мирском поприще. Он был борцом и философом в одном лице, мышление и действие для него были единством. Его называли Бонапартом от философии, 61

Иоганн Готтлиб Фихте.
(1762—1814).

а в первый период творчества он мог бы быть назван ее якобинцем. Он почитал за счастье получить право называться гражданном революционной Франции.

В отличие от Канта Фихте не был склонен к каким бы то ни было компромиссам. Его мысль и поступки были вызывающе, «оскорбительно» смелы. Его сочинения были проникнуты гордой независимостью, любовью к свободе, мужественным достоинством, его стиль—ясен, величествен и волнующ. В нем чувствуется откровенная претензия руководить с помощью своей философии духом всей эпохи. «Философия, — писал он, — не есть сухая спекуляция, не есть копание в пустых формулах... а она есть преобразование,

62 возрождение и обновление духа в его глубочайших

корнях: создание нового органа и на его основе — нового мира во времени».

На место пассивного созерцания Фихте поставил творческое действие, созидательный акт человеческой личности. Его главной идеей была мысль, что человек сам себя творит в своих свершениях. Эти идеи оказали огромное влияние на младогегельянцев, к которым примыкал и Маркс в студенческие годы.

Конечно, фихтевская «философия дела» была идеалистической интерпретацией мира, его практика — это всего лишь практика духа. Марксу предстояло пройти длительный путь духовного развития, прежде чем «рациональное зерно» фихтевских идей (как и идей других мыслителей) могло дать свои всходы в диалектико-материалистическом учении о практике, в создании научной теории, которая стала подлинным орудием изменения мира.

И Кант и Фихте были гуманистами, но идеал свободы и полнокровного развития личности либо отодвигался в недостижимо далекое будущее (Кант), либо принимал утопические черты (Фихте). Чем не удовлетворяла юного Маркса эта философия, видно из его эпиграммы, написанной в том же 1837 году:

Кант и Фихте, паря в эмпиреях,
Ищут далеких миров идеал.
Мое стремление много скромнее —
Понять, что на улице я отыскал!¹

Маркс говорит в эпиграмме от имени Гегеля, посмеиваясь над его претензиями найти «нектар» чистой мудрости.

Итог всех размышлений о прожитом годе суммиро-

---

¹ Стихотворения молодого Маркса даны в переводах Н. Дичевского.

ваи в следующем выводе: «От идеализма, — который я, к слову сказать, сравнивал с кантовским и фихтевским идеализмом, питая его из этого источника, — я перешел к тому, чтобы искать идею в самой действительности. Если прежде боги жили над землей, то теперь они стали центром ее».

Речь здесь еще не идет о переходе к материализму: до этого пока далеко. «Боги» не низвергаются, они лишь переносятся из потустороннего мира в посюсторонний, из «вещи в себе» в «вещь для нас». Ведь сама действительность объявляется лишь храмом божественной идеи.

Но Маркс попадает в этот храм не для того, чтобы остаться вечным его пленником и, преклонив колени, благоговейно созерцать абсолютную идею, постигнувшую самое себя в гегелевской философии. Он хочет испытать, так ли уж «абсолютно» это самодовольное божество, выдержит ли оно неистовые удары его разящей критики?

**„ПО ПРАВДЕ,
ВСЕХ БОГОВ Я НЕНАВИЖУ“**

С вызовом перчатку я бросаю
Миру в лик широкий и презренный.
Исполни ничтожный, он, стена,
Рухнет. Я пылаю неизменно.
И, подобный богу, меж развалин
Я с победой двинусь непреклонно.
Делом и огнем слова предстали.
Грудь моя — рождающее лоно.

Карл Маркс

Студенческие годы в Берлине — время интенсивного становления не только философского, но и политического самосознания Карла Маркса. Мы видели, что резкая антипатия ко всему реакционному пробуждается в нем уже в гимназические годы. В Боннском университете он вступает в литературный кружок молодых писателей — организацию, которая была на подозрении у полиции. В выпускном свидетельстве Боннского университета содержится запись, что Маркс «доставил в Кёльн запрещенное оружие».

Несомненно, что в Берлине — столице королевской Пруссии — Маркс получил возможность острее 65

ощутить пульс политической жизни страны. Он знакомится с радикально настроенными молодыми литераторами, слушает лекции таких либеральных профессоров-гегельянцев, как Гаис, Гефтер, участвует в студенческих дебатах на волнующие темы науки, политики, религии.

Очевидно, Карл рассказывал своему отцу о нарождающихся у него сомнениях политического характера. Генрих Маркс в некоторой мере разделял их, но тем не менее его пугал всякий намек на возможность развития «слишком левых» взглядов у его сына: ведь это означало бы крах его карьеры.

«Твои взгляды на право, — пишет он сыну в конце 1836 года, — не лишены справедливости, но, будучи приведены в систему, легко могут возбудить бурю, а разве ты не знаешь, как опасны бывают в науке бури. Если по существу нельзя устроить острые положения, то по крайней мере надо быть мягче и снисходительнее по форме».

Избегать бури! Быть мягче и снисходительнее! Устраивать острые положения! Советы такого рода давались юноше, в котором уже тогда чувствовался бурный темперамент неукротимого борца, будущего «Зевса-громовержца» революционных бурь!

Полоса непонимания между отцом и сыном увеличивалась. Между ними словно возникло стекло: они продолжали улыбаться друг другу, их по-прежнему связывали самые теплые родственные чувства, но они уже плохо слышали и понимали, что говорит каждый. Особенно показательна реакция отца на большое исповедальное письмо Карла Маркса, о котором шла речь в предыдущей главе.

Напряженнейший труд Маркса в течение года, его 66 исследовательские и поэтические искания вызвали

у отца не одобрение, а большое раздражение и негодование. Он осыпает сына градом упреков, смешанных со слезами. Гериху Марксу казалось, что, в то время как сам он находится на краю могилы, в то время как его младший сын Эдуард умер, Карл, будучи теперь единственной надеждой семьи, доставляет лишь одни горькие разочарования. Он растрчивает свое время, силы, здоровье в бессмысленных занятиях, «разрушает сегодня то, что сделал вчера», не ценит «свое» и не усваивает «чужого», расходует свое дарование на занятия отвлеченными абстракциями, от которых нет никакой пользы, на «бессмысленную и бесцельную» ученость, которая не несет никаких плодов.

Герих Маркс приходил в отчаяние, рисуя в своем воображении образ жизни сына: «Беспорядочность, смутное метание по всем областям знания, неопределенные размышления при тусклом свете маслянки, одичалость в шлафроке ученого и нечесанные волосы вместо одичалости за кружкой пива; угрюмая необщительность с пренебрежением всех приличий и прежде всего приличий по отношению к отцу. Искусство вращаться в свете, ограниченное грязной комнатой, где, вероятно, письма Жени лежат в классическом беспорядке, а наставления отца, написанные с благожеланием и слезами, служат, вероятно, для раскуривания...»

Таково настоящее, а будущее? Разве жизнь с «одичалым ученым» в бедной комнате — достойное будущее для такой девушки, как Жени! Сердце Гериха Маркса обливалось кровью, когда он думал о том, что ждет его столь непрактичного сына впереди, если родительская рука уже не сможет его направлять. Он заклинает его изгнать «злых духов», трезво и практически взглянуть на вещи. Он по пунктам втолковывает

Карлу его обязанности и обязательства перед родителями, перед невестой. Он надеется, что их соблюдение поможет вернуть сына на «путь истинный», поможет сделать «из одичалого бурша добропорядочного человека, из отрнцающего гения — солидного мыслителя, из беспорядочного главаря беспорядочных буршей — общественного человека, сохраняющего, правда, достаточно гордости, чтобы не извиваться как угорь, но имеющего достаточно практического такта и смысла, чтобы чувствовать, что только в общении с благовоспитанными людьми можно изучить искусство показывать себя свету с самой приятной и выгодной стороны, заслужить — и как можно скорее — его внимание, любовь, уважение и найти практическое применение талантам, которыми природа-мать столь расточительно его одарила».

Это было напутствием у смертного одра. Отец уже не вставал с постели и скончался в мае 1838 года. Огюст Корню, один из исследователей жизни и творчества Маркса, считал, что ранняя смерть отца предотвратила развитие конфликта с сыном. Маркс сохранил на всю жизнь светлую память об отце.

Что же касается матери Маркса, то она, проявляя постоянную заботу о здоровье сына, была далека от понимания его духовных стремлений. Дожив до 1863 года, она считала сына жалким неудачником и говорила с горечью, что он поступил бы умнее, если бы приобрел себе капитал, вместо того чтобы писать о нем книгу. Что ж, по-своему она была права, ибо гонорар от публикации «Капитала», по признанию самого Маркса, не покрыл даже расходов на табак, который был выкурен при его создании. По буржуазным, филлистерским меркам дело, в которое он вложил свою жизнь, оказалось совсем нерентабельным!

Родительский идеал «солидного» ученого, вращающегося в свете и извлекающего максимальную выгоду (конечно, в целях «общественного блага»!) из своих познаний, был глубоко чужд и антипатичен Марксу уже в студенческие годы. Сколько таких «ученых» он имел возможность наблюдать на кафедре и в жизни! Сколько «дипломированным лакеям» капитала он воздал затем по заслугам!

Как бы отвечая на родительские призывы избегать «бурь в науке», юный Маркс писал в одном из стихотворений:

Не могу принять бесстрастно
То, что для души как гром.
Не по мне покой и праздность,
Весь я там, где шторм и шторм.

Все добыть — мое желанье:
Дар богов постычь стремлюсь.
Смело ринусь в глубь познания,
В мир гармоний и искусств.

Пусть дерзанье нас охватит,
Тишь да гладь — не наш удел.
Хватит нам молчанья. Хватит
Жить без помыслов и дел.

Только б не попасть трусливо
Под ярмо, смиряя страх.
Сила всех стремлений, сила
Дел и дум у нас в сердцах.

Поэтические опыты Маркса, конечно, не были совершенны, что хорошо понимал и сам юный поэт. Но эти стихи все же чрезвычайно интересны, ибо служат зеркалом его духовного брожения, отражают его отношение к миру, его социальные симпатии и антипатии, складывающееся самосознание.

Искусство вообще и поэзия в частности всегда чутко реагируют на колебания политической атмосферы, служат барометром социальных бурь, особенно в условиях, когда политические выступления в других формах до поры до времени невозможны. Именно такая обстановка была в Германии в конце 30-х годов, где «замерло всякое общественное движение». Но то было затишье перед бурей.

Первые порывы свежего ветра уже начали ощущаться. С 1835 года все громче раздается голос молодых литераторов — «младонемцев», выступавших за свободу печати, вероисповедания, конституцию. Уже гремит над самой Германией саркастическая лира Гейне, появляются вольнолюбивые стихи Платена, Фрейлиграта, начинает поэтическую карьеру выдающийся поэт Георг Гервег. Ожесточенный огонь по прусскому деспотизму ведет из-за границы блестящий политический трибун и публицист Людвиг Берне.

Естествен поэтому тот исключительный интерес к поэзии, который характерен в те годы и для молодого Маркса и для молодого Энгельса. Они начали свою творческую деятельность как поэты: их первыми публикациями были стихи. Маркс долгое время питал надежду стать профессиональным литератором.

Поэтические опыты юного Маркса проинкинуты ожиданием бури и бунтарскими настроениями. В них явно чувствуется активное неприятие окружающего мира, вызов ему. Его фантазия рождает нагромождение диких, неистовых страстей, гиперболический образ трагического героя, «колесуемого на огненном колесе» и мечтающего: «...быть иужно тем, чего миры не знают, и побеждать их боль и скорбь немую гигантской
70 мощью страждущей души» (трагедия «Оуланем»).

Подобно Гейне, который восклицал: «Я — меч, я — пламя!», Маркс мечтает, чтобы каждое его слово стало «огнем и действием».

Маркс и Гейне! Как причудливы столкновения человеческих судеб! Два величайших гения XIX века, которые стали в 40-х годах друзьями и во многом даже единомышленниками, оказывается, являлись близкими родственниками, о чем и не подозревали. Симон Михель (Пресбург), придворный поставщик в Вене, скончавшийся в 1719 году, был, как недавно установили австрийские и немецкие исследователи, вероятно, прадедом и того и другого.

Если в середине 40-х годов встреча с Марксом оказалась событием в жизни Гейне — его поэтические стрелы приобрели большую политическую остроту, то значительно раньше, во второй половине 30-х годов, встреча с поэзией Гейне сыграла столь же блистательную роль в творческом развитии Маркса.

Достоверно известно, что в 1837 году девятнадцатилетний Маркс уже знал поэзию Гейне, хотя в то время даже имя его было запрещено упоминать в Германии. В цитированном выше письме к отцу Маркс нарочито приводит строчку из стихотворения опального поэта «Мир» о грязных водах Шпрее, «омывающих души и разжижающих чай».

Без сомнения, Гейне — этот бунтарь немецкой поэзии — был в то время одним из «кумиров» Маркса, что нашло свое отражение в стихах. В них чувствуется гейневский новаторский строй со столь частыми ритмическими диссонансами, которые вполне соответствовали диссонансам «мятущегося духа» Маркса. А главное — в них ощущается гейневская ирония, замешанная на слиянии романтики и самого «земного» реализма, интимной лиричности и гражданственности. 71

Георх Гейне.
(1797—1856).

Бросая рыцарским жестом перчатку в «широкое лицо мира», Маркс врезает шпагой сарказма и иронии и более впечатляющие следы в медные лбы «почтенно сытых рож» с их счетоводной моралью и чиновной фанаберией. В этом отношении любопытны эпиграммы, в которых высмеивается немецкое филистерство, «покойно глупая немецкая публика».

В уютные кресла — сама осовелость —
немецкая публика молча уселась.
Здесь буря бушует,
шторм бесится там,
и тяжело от тяжести туч небесам,
и молнии бьют со зменным шипеньем —
все это не стоит ее размышленья.
Но только улягутся буря и ветер,

лишь мягкое солнце спокойно засветит,
она поднимается с шумом
и смело
творит свою кингу «Беда пролетела».

В полете фантазии высшее счастье.
Сначала событие разложит на части,
а после решит, что в нем не было смысла,
что тучами небо лишь в шутку нависло.
И ей предстонт
все — от верха до низа —
в систему свести и соккрытое вызнать.

Как это по-детски наивно и мало —
разыскивать то, что навеки пропало!
Ей надо б заняться сегодняшним строем,
а небо и землю оставить в покое.
Пускай их идут своим ходом привольным
и мерно вдоль скал разбиваются волны.

Маркс издевается над самодовольством филистера, который недоумевает, как можно жить с самим собой в разладе, если кошелек спрятан вполне надежно. В юмористическом романе «Скорпион и Феликс» Маркс сатирическими штрихами рисует «истинно немецкую», «очень христианскую» семью, смеется над их бесплодными умствованиями. В этом произведении уже проскальзывают блески того сверкающего остроумия, которое отличало зрелые работы Маркса. Он замечает, что все великое имеет свою противоположность и вытесняется ею: великан — карликом, гений — жалким филистером, герой Цезарь — актером Октавианом, император Наполеон — королем бургеров Луи-Филиппом, философ Кант — «рыцарем» Кругом, поэт Шиллер — советником Раупахом, небо Лейбница — классной комнатой посредственного философа Вольфа. Аналогично этому после бури всегда остается целое море ила и грязи. И надолго!

Позднее, в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта», Маркс возвращается к сатирическому образу, родившемуся в юные годы: «Гегель где-то отмечает, что все великие всемирно-исторические события и личности появляются, так сказать, дважды. Он забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Коссидьер вместо Дантона, Луи Блаи вместо Робеспьера, Гора 1848—1851 гг. вместо Горы 1793—1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!»

Филистер всегда чтит оригинал, но явно предпочитает ему карикатуру. Буря его пугает, в тине же, которая остается после нее, он чувствует себя превосходно. Он снова все старается «привести в систему», уложить всю бурю в книги, на которые нетрудно найти покупателя. К этой теме юный Маркс не раз возвращается в своих эпиграммах.

Однажды немцы, пустившись в путь,
До народной победы смогли дотянуть.
Когда ж вознесли всем успехам хвалу,
Слова прочитали на каждом углу:
«Повсюду свершилось великое чудо —
Скоро все люди трехногими будут!»
И сразу же грусть затуманила лица,
И сами себя они стали стыдиться:
«О, слишком уж много случилось за раз!..
Нас снова зовет тихой благодати глас.
А все, что не благодать,— оставим мы книгам,
На книги найдем покупателей мигом».

В этих произведениях находит себе выход политическое умонастроение юного Маркса: его нетерпимость к реакции, ожидание революционной бури, народной победы, критика политической трусости и безразличия, ирония над удивительной способ-

ностью немцев совершать революции в книгах, но не в жизни.

Франц Меринг не совсем прав, когда утверждает, что среди богатых даров, положенных музами в колыбель Маркса, не было дара ритмической речи. Хотя многие стихи Маркса подражательны и, как считал сам молодой автор, расплывчаты, туманны, но есть среди них и крупницы поэзии, блестящие, «словно далекий дворец фей». Они присутствуют и в лирических стихах, посвященных «моей дорогой, вечно любимой» Женни, и в сатирических, где пробивается острая мысль и гневное чувство. Если в первых его поэтических опытах чувствуется влияние сентиментального романтизма Шиллера, а также молодых тогда романтиков — Шамиссо, Брентано, то последние стихи отмечены печатью Гёте и особенно Гейне.

С едким сарказмом обрушивается Маркс на ханжеские поучения отцов церкви — духовных наставников филнстеров. Он посвящает несколько эпиграмм лютеранскому пастору Пусткухену, который написал переложение «Вильгельма Мейстера» Гёте и поносил великого немецкого поэта за «безнравственность».

Пастору Пусткухену печь бы на церковной кухне пироги пустейших проповедей для послушной паствы. Но «карлики» нередко одержимы манией величия, они тщатся померяться с «великаном». Они подходят к нему со своей меркой и способны увидеть разве что грязь на его гигантских башмаках. Тогда «карлики» становятся высокомерно-снисходительными — достоинства «великана» кажутся им недостатками, а вот того, что они, «карлики», так ценят в самих себе, как на грех, недостает «великанам». За что же их чтут? В самом деле, пронизывает над истовым в простоте душевной Пусткухеном Маркс, как можно так

высоко ценить Гёте, если он не написал даже текста для церковной проповеди? Он изучал только природу, в то время как ему следовало бы изучать лютеровский катехизис и передавать его в стихи.

Для женщин Гёте — отвратный дух,
Поскольку не годен совсем для старух.

Природу берет он как таковую,
Церковной моралью ее не шлифуя.

А надо б взять лютеровский катехизис —
Благие стихи из него б получились.

Ах, Гёте, прекрасное делать он мог,
Да жаль, забывал прибавлять: «Сделал бог».

Да и что полезного в его сочинениях? Ведь он
«никогда не решил ни одной арифметической задачи»!

Странное желание — в почете
Видеть Гёте, низменного Гёте!

Разве мог он, этот недостойный,
Сделать текст для проповеди горней?

Есть ли в нем хоть крохи тех наитий,
Конх пахарь алчет и учитель!

Знаком воли божьей не означен,
Он и школьной не решит задачи.

А «Фауст»? Какой это мог бы быть прекрасный сюжет для иравоучительного рассказа о том, как «грехи приводят к дьяволу» и как надо заботиться о спасении души! Гёте же все изобразил фальшиво. У него Фауст «смеет сомневаться в боге и мире», а «глупая Грета должна его любить, вместо того чтоб совесть в нем пробудить» и напомнить о Страшном

Послушайте только, как Фауст написан, —
Он ложью и фальшью поэта пронизан!

Был Фауст греховен и жил, как неряха,
В азарте не ведая божьего страха.

И не помышлял он о помощи свыше,
О том, что позорная смерть его нищет.

Поэтому, с ужасом в сердце не сладив,
Ждал муки отчаянья в огненном аде.

Тогда он подумал о Смерти и Жизни,
О Знании и Гибели в злом катаклизме.

Об этом напел и слова он и числа,
И все они с темно-мистическим смыслом.

Украсить бы автору все, что коряво,
И мысль провести: за грехом рыщет дьявол.

А тем, кто спасения ищет в кредите,
Сказать бы: спасенье души соблюдайте!

Вот Шиллер — это другое дело! «В его сочинениях есть идея», но стал бы он много сноснее, если б «библию больше читал».

Величие Гёте оскорбляет самодовольных «карликов» типа Пусткухена, их благочестие уязвлено, и они не прочь были бы «укоротить» Гёте хотя бы на голову!

Критика убогого домостроевского мира пусткухенов означала и критику всей религиозно-поэтической ортодоксии, которая взращивала подобных субъектов, а это с неизбежностью вело к тому, что под сомнение ставилась и сама религия.

Объявляя в эпиграммах 1837 года настоящую войну воинствующей тупости духовенства, Маркс тем самым 77

объявил войну и самому «холодному божеству» — этому верховному ханже и высочайшему деспоту.

Разрыв с мещанским, филистерским мировоззрением не мог быть полным без окончательного разрыва с религией. В свою очередь, последовательная и беспощадная критика религии невозможна была с идеалистических позиций, она упиралась также в критику действительности. Такова была неизбежная логика того пути, на который вступил Карл Маркс.

В конце 30-х годов его внимание, как и внимание его ближайших друзей-младогегельянцев из «Докторского клуба», обращено главным образом на критику религии. Начало философскому наступлению на религию положила книга Давида Штрауса «Жизнь Иисуса», вышедшая в 1835 году, в которой отрицалась «божественная непогрешимость» евангелия. Бруно Бауэр — близкий товарищ Маркса по «Докторскому клубу» — пошел еще дальше и утверждал, что во всех четырех евангелиях нет ни единого атома исторической правды.

В это же время Людвиг Фейербах статьями в «Галлеском ежегоднике» начал критику гегелевского тезиса о единстве религии и философии с позиций, которые вскоре привели его к материализму.

Другой старший товарищ Маркса, Фридрих Кёппен, ратовал за восстановление в правах традиций французского и немецкого просвещения XVIII века. Pamфлет 1840 года Кёппен посвятил «своему другу Карлу Генриху Марксу из Трира».

Маркс был самым молодым членом «Докторского клуба», но, несмотря на это, очень скоро он занял центральное место среди профессоров и приват-доцентов. Они почувствовали в нем недюжинный интеллект, самобытную силу и самостоятельность мысли,

они не могли не оценить необыкновенную широту его духовных интересов и смелость суждений, а также его юмор. Бруно Бауэр, который был уже приват-доцентом и признаваемым главой младогегельянского движения, писал студенту Марксу из Бонна дружеские письма, полные большого уважения к его таланту. Он вспоминает, что с «интеллектуальным интересом», господствовавшим в «Докторском клубе», ничто не может сравниться, и признается Марксу, что «еще никогда не смеялся так, как в Берлине, когда хотя бы только переходил с тобой улицу».

Карл принимал активное участие в той борьбе, которую вели младогегельянцы с религией. Он даже написал полемическую книгу против одного из профессоров теологии, но так и не опубликовал ее. Тем не менее его идеи, очевидно, не пропадали бесследно: они подхватывались на лету и развивались его старшими коллегами. Об этом свидетельствует признание Кёппена, сделанное им в письме к Марксу. Иронизируя над самим собой, Кёппен пишет в 1841 году, что с тех пор, как Карл уехал в Бонн, у него наконец «появились собственные, так сказать, самостоятельные придуманные мысли», а не заимствованные у Маркса. Кёппен отмечает, что превосходная статья Бруно Бауэра в «Галлеском ежегоднике» также обязана своими идеями Марксу. В конце письма он говорит: «Как видишь, ты — склад мыслей, рабочий дом или, чтобы выразиться по-берлински, воловья голова идей».

Маркс уже в студенческие годы становится подлинным властителем дум мыслящей молодежи. Он занимает самый левый фланг среди левых гегельянцев, даже друзья считают его «отчаянным революционером».

Конечно, речь пока шла только о теоретической революции, прежде всего о «революционном» отношении к религии. Здесь и в самом деле Маркс пошел значительно дальше Бауэра, Кёппера и уже с ними. За последние три студенческих года от протеста против религиозного ханжества он пришел к решительному отрицанию религии. Младогегельянец Георг Юнг писал Ариольду Руге в 1841 году, что Маркс называет христианскую религию «безнравственной», что он вместе с Бауэром и Фейербахом вышвырнет старого господина бога с небес, да еще и привлечет его к суду.

Готовясь вышвырнуть бога с небес, низвергнуть кумиров религии, Маркс уже с 1838 года обращается за поддержкой к великим безбожникам античности — Эпикуру и Лукрецию Кару. Его тогдашним исканием был глубоко симпатичен их смелый вызов богам, он полностью разделял их стремление «дух человека извлечь из тесных религий тени» и тем возвести «раба божьего до неба».

В докторской диссертации он цитирует прекрасные строки Лукреция об Эпикуре, этом «величайшем греческом просветителе»:

В те времена, как у всех на глазах безобразно влачила
Жизнь людей на земле под религий тягостным гнетом. . .
Эллины впервые одни осмелились смертные взоры
Против нее обратить и отважился выступить против.
И ни молва о богах, ни моливы, ни рокотом грозным
Небо его запугать не могли. . .
Так, в свою очередь, ныне религия нашей пятою
Попрана, нас же самих победа возносит до неба.

Можно увидеть много аналогичного во взглядах на религию между эпохой Эпикура и эпохой «бурн и натиска» на религию в Германии конца 30-х годов.

В античной Греции нападки велись и помимо Эпикура, но делалось это трусливо и непоследовательно. Стоики¹, например, «приспосабливали религию к своим спекуляциям», подобно тому как это делали младогегельянцы. Маркс же ценил Эпикура за то, что он не приспосабливался, не «умничал» и не «хитрил», но вел себя как «открытый атеист по отношению к миру, прямо нападая на его религию», заслужив за это поношения отцов церкви на многие века.

В то время в Германии было немало таких философов, включая самого Гегеля, которые с презрением отзывались о великих атомистах Греции. Авторитет Гегеля не остановил юного Маркса, хотя он и примыкал в то время к гегельянкам, авторитетность самой истины была для него всегда более веским аргументом, чем все приводящиеся соображения. Истина была единственным божеством, которому поклонялся этот испровергатель самодовольных богов и божков от науки, всяческих «браминов» духа, благоговейно созерцающих пуп собственных мыслей.

В предисловии к диссертации Маркс отметил, что «спекулятивный» подход Гегеля мешал этому «гигантскому мыслителю» признать за эпикурейской, стоической и скептической системами их высокое значение для истории греческой философии и для греческого духа вообще.

И далее, говоря о Плутархе, который привлекал философию на судилище религии, Маркс, по существу, полемизирует с Гегелем, вернее, с правым крылом его последователей.

---

¹ С т о и к и — представители философского учения, возникшего в конце IV века до н. э. Название получили от афинского портика Стои, где они собирались.

По поводу Гегеля Маркс «прохаживается» также в связи с «доказательствами бытия бога». Еще Кант опроверг эти «доказательства». Гегель же перевернул их, «то есть отверг, чтобы оправдать». «Что же это за кленты, — иронически замечает Маркс, — которых адвокат не может избавить от осуждения иначе, как убивая собственной рукой?»

И Маркс показывает, что «доказательства бытия бога» есть на самом деле доказательства бытия верховного человеческого сознания и, значит, «небытия бога». В самом деле, одно из «доказательств» гласит, что раз природа устроена хорошо, значит, существует бог. Но «разумное» устройство природы доказывает, напротив, излишность, ненужность бога.

Действительные «доказательства бытия бога» должны были бы гласить: «Так как природа плохо устроена, то бог существует»; «Так как существует неразумный мир, то бог существует»; «Так как мысль не существует, то бог существует».

«Но разве это не означает следующее: для кого мир неразумен... для того бог существует. Иными словами: неразумность есть бытие бога».

Этот вывод был достаточно смел для того времени.

Маркс решительно объявил человеческое самосознание «высшим божеством», рядом с которым «не должно быть никакого божества». Гордое признание Прометея: «По правде, всех богов я ненавижу», — он направил «против всех небесных и земных богов». Это дерзкое заявление носило уже не только антирелигиозный, но и политический характер.

Расставаясь со студенческой скамьей, Маркс сознательно бросил вызов «заячьим душам», жалким прислужникам власти предержащих. Вместе с эсхилевским Прометеем, который с презренным отверг слугу

Зевса — Гермеса, явившегося уговаривать прикованного бунтаря «облагоразумиться», смириться, Маркс заявлял им:

Знай хорошо, что я б не променял
Своих скорбей на рабское служенье:
Мне лучше быть прикованным к скале,
Чем верным быть прислужником Зевеса.

«Заячья души» в самом деле были шокированы слишком «левой» позицией Маркса. Ариольд Руге писал о «монтаньярстве»¹ Маркса. Даже Бауэр, который призывал к «терроризму теорин», был напуган вызовом Маркса, уговаривал его смягчить свое дерзкое предисловие к диссертации и рекомендовал ему добиваться милости у реакционного министра Эйхгорна, советовал быть осторожным в борьбе и щадить правительство.

Но не в характере Маркса было внимать подобным советам, от кого бы они ни исходили: отца или друзей. Бросив перчатку земным и небесным богам, он отнюдь не старался ограничиться только этим. Вступив на путь борьбы, Маркс был готов идти до конца, и никто из его ближайшего окружения не мог даже предполагать, как далеко зайдет он в этой борьбе.

Его неукротимый темперамент борца хорошо обрисовал молодой Энгельс в своей героико-иронической поэме «Торжество веры», написанной в 1842 году вместе с Э. Бауэром.

Вначале он изображает Бруно Бауэра:

...В припадке иступленья
Он машет в воздухе листом того труда,

---

¹ Монтаньяры — наиболее радикальное крыло деятелей Французской буржуазной революции.

Которым Библию сметает навсегда.
Зеленым сюртуком на тощенькой фигуре
Он выдает свое родство с семьею фурий.

Затем появляется Маркс:

Кто мчится вслед за ним, как ураган степной?
То *Трира* черный сын с неистовой душой.
Он не идет — бежит, нет, катится лавиной,
Отвагой дерзостной сверкает взор орлиный,
А руки он простер взволнованно вперед,
Как бы желая вниз обрушить неба свод.

Будущее показало, что жизненные пути Маркса и Бруно Бауэра, пересекшись в 1841 году, когда они работали совместно над критикой религии, затем далеко разошлись. Теоретический «терроризм» Бауэра с годами становился все более лояльным по отношению к правительству, и затем вполне логично он перешел к самой верноподданнической поддержке Бисмарка, возглавлявшего террор буржуазии против немецкой социал-демократии.

Уже в 1843 году Маркс пошел несравненно дальше Бауэра даже в отношении критики религии. В статьях, опубликованных в «Немецко-французском ежегоднике», он показал, что для радикальной критики религии одного философского разоблачения ее мало.

«Обрушить своды небес» нельзя, витая в облаках, для этого нужно прочно стоять на земле. Корни религии вполне «земного» происхождения. Религиозное убожество есть выражение действительно убожества общественных отношений. Оно порождено ими.

Униженное смирение «рабов божьих» перед «всевышним» есть лишь превратное отражение рабского, угнетенного, зависимого положения человека

в обществе, отражение того факта, что общественные отношения не стали еще подлинно гуманными, человеческими.

«Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова потерял». Она есть продукт бесчеловечного мира, где над человеком властвуют чуждые ему силы.

«Превратный мир» рождает «превратное» мировоззрение. В юдоли страданий человек, «который еще не обрел себя», ищет утешения в иллюзорных мечтах о загробной жизни. Будучи несчастным на земле, он успокаивает себя проповедями о райском блаженстве.

Чувствуя себя бессильным и немощным в борьбе за свое освобождение и в борьбе с природой, человек наделяет силой и всемогуществом бога. Человек ищет у бога компенсации за убогость своего бытия. Вот почему религия того времени — это не только «сердце бессердечного мира», «дух бездушных порядков», но и протест против этого мира и этих порядков.

Однако протест этот носит пассивный характер. Это всего лишь жалостный вздох раба, «вздох угнетенной твари». Убожество (социальное и индивидуальное) не есть нечто противостоящее божественному, а непеременимый его атрибут. Одно порождает и обуславливает другое.

Радикальная борьба против религии предполагает борьбу против «того мира, духовной услугой которого является религия». Это есть борьба за освобождение человека от всяких форм отчуждения, за полное его развитие.

Бруно Бауэр, так же как, впрочем, и Людвиг Фейербах, остановился на критике религии, тогда как критика религии есть лишь «предпосылка всякой другой критики».

Если, как утверждал Фейербах, человек есть сам бог для человека, то, следовательно, дела логический вывод Маркс, должны быть испровергнуты все отношения, «в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом, — те отношения, которые нельзя лучше охарактеризовать, как возгласом одного француза по поводу проектировавшегося налога на собак: «Бедные собаки! С вами хотят поступить, как поступают с людьми!»

Мы немного забежали вперед, чтобы показать, к каким результатам привел Маркса дерзкий вызов богам, который он бросил в своей докторской диссертации. От вывода диссертации о том, что «иерархичность есть бытие бога», до вывода о необходимости революционного преобразования «иерархического» мира требовалось сделать один только шаг. Но именно этот шаг отделял радикального младегегельянца от революционера.

Критика религии была лишь одним из направлений, по которым шло формирование научного мировоззрения у молодого Маркса. Основным интерес его последних студенческих лет вращался вокруг философии. Само критическое отношение к религии было в большой мере обусловлено философским развитием Маркса.

„БЕЗ ФИЛОСОФИИ МНЕ НЕ ПРОБИТЬСЯ ВПЕРЕД“

Первой основой философского исследования является смелый свободный дух.

Карл Маркс

Это высказывание Маркса, взятое из подготовительных тетрадей к его докторской диссертации, можно было бы перефразировать: в равной мере философская подготовка является необходимой основой для смелого, свободного духа, то есть для самостоятельного теоретического мышления. Лучшее тому подтверждение — пример самого Маркса.

Мы уже видели, что, едва приступив к самостоятельным теоретическим поискам в области юриспруденции, он сразу же обнаружил свою философскую невооруженность. Он понял, что не может сделать ни одного успешного шага в конкретной области теории, не усвоив тех общих форм, 87

в которых теоретическое мышление способно к самодвижению и вместе с тем к верному воспроизведению развивающегося объекта.

По известному выражению Гегеля, сова Минервы — символ мудрости¹ — вылетает в сумерках, на закате жизни, когда завершены будничные дела и мысль поднимается к вершинам самосознания, дабы там, в высших сферах, совершить свой бесшумный полет над спящим царством духа. Образ Гегеля можно истолковать в том смысле, что занятия философией — дело умудренных жизненным опытом и убежденных сединами старцев. Но это не так.

В великой лаборатории человеческой культуры, которая формирует юное сознание на пути к зрелости, две сферы играют роль, можно сказать, исключительную — это искусство и философия.

Можно изучать математику, не зная физики (хотя это и не лучший путь), можно быть медиком, не утруждая себя изучением сопромата, можно изобретать технические новинки и не иметь понятия об астрономии. Но нельзя быть культурным человеком, игнорируя искусство и философию. Я рискну выразиться даже более категорично: без них нельзя достичь подлинных творческих успехов ни в одной конкретной области деятельности.

Это утверждение, быть может, покажется странным. В самом деле, вот перед нами цивилизация Земли, плод труда предшествующих поколений и поколения, живущего ныне. Вот города — они воздвигнуты строителями и архитекторами. Вот каналы, мосты, дороги—

---

¹ Ф и л о с о ф и я — в буквальном переводе с древнегреческого значит «любомудрие» («фило»—«любовь», «софос» — «мудрость»).

Георг Вильгельм Фридрих
Гегель (1770—1831).

они сооружены рабочими и инженерами. Вот заводы, машины, дома, стайки, автомобили, самолеты, ракеты — они построены и функционируют умом и стараниями ученых, конструкторов, техников, рабочих. Вот зреют хлеба — они выращены агрономами, полеводцами, трактористами. Всем этим живет и гордится человечество. Это сердцевина и средоточие его жизни. Но где здесь, во всем этом, труд философов?

Какова «практическая» польза от философии? Не приходит ли она в мир с пустыми руками? В отличие от точных естественных наук ее результаты не воплощаются ни в новых механизмах, ни в более эффективных технологических процессах. Она не изыскивает могучих источников энергии, не создает синтетических материалов и новых лекарственных препаратов.

Очевидно, к философии следует подходить с иными критериями, чем к естественным наукам. Утилитарный подход здесь неприемлем, как неприемлем он, 89

скажем, к оценке социального значения произведений искусства.

Очевидна нелепость вопроса: какова «практическая» польза от «Венеры» Фидия и от «Мыслителя» Родена, от «Реквиема» Моцарта и от «Поэмы экстаза» Скрябина?

Искусство облагораживает и воспитывает нас, приносит эстетическое наслаждение, учит любить и ненавидеть, воспринимать мир в красках и образах. Верно. Но аналогичная ситуация и с философией. Если искусство воспитывает чувства, развивает эстетическое восприятие мира, то философия (помимо других немаловажных своих функций) воспитывает интеллект, способности к теоретическому мышлению. Если искусство учит пониманию прекрасного, то философия учит мыслить на диалектическом уровне.

Если занятия искусством развивают эстетическую сторону мышления, его способность рождать фантазии, находить неожиданные связи и ассоциации, то занятия философией развивают способность мышления к обобщениям самого высокого порядка, способность к диалектической гибкости понятий, приучают видеть предмет не изолированным, а включенным в мир многосторонних системных отношений, непрерывно изменяющихся в зависимости от этих связей.

Философия уже потому играет исключительную роль в духовном обогащении личности, что она является, образно говоря, квинтэссенцией теоретического развития человечества, синтезирующим итогом предшествующего прогресса познания.

Но философия отнюдь не уподобляется лишь снежным вершинам далеких гор, которых утомленный путник достигает в конце своего путешествия по каменистым тропам познания. Философия — это и тот

«альпинистский» инструментарий, который помогает закрепляться на почти отвесных скалах смелых гипотез, проложить мост аналогий и обобщений над пропастью, отделяющей одно явление от другого, увидеть выступ, ведущий вверх, там, где никто его не видел, позволяет понять ограниченные возможности заманчивой тропы эмпирического блуждания в низинах — тропы, которая в лучшем случае ведет вперед, но не вверх.

Иными словами, занятия философией — не только обогащение знанием в его диалектически обработанном и обобщенном виде, но и гимнастика интеллекта. Молодость же — лучшая пора для тренировки способности к теоретическому мышлению. Готовясь к своей докторской диссертации, Маркс делает выписку из Эпикура: «Пусть никто, пока он молод, не откладывает занятий философией».

Лишь пошлость обывательского рассудка видит в философии никчемное занятие. Филистерское отношение к философии — это отношение сварливой жены Сократа, бессмертной Ксантиппы, к своему мужу — этому «демиургу¹ философии» (Маркс). Ксантиппа не уставала осыпать его бранью и в буквальном смысле обливать помоями за то, что он пренебрегал хозяйством и заботами об увеличении достатка семьи во имя «пустословия». Ее бесило, что в то время, как другие менее способные и менее ученые мужи добивались высокого положения, почестей и богатства, ее Сократ ходил босиком, в заплатанном хитоне и отказывался даже от той скромной платы за обучение, которую ему предлагали ученики.

---

¹ Д е м и у р г (греч.) — мастер, ремесленник, творец. В философии — создающее начало вообще.

То, что философия в отличие от конкретных наук и «искусств» ставит своей специальной целью научить человека мыслить, не кажется «здравому рассудку» никаким достоинством. Напротив, обыватель склонен видеть в этом скорее недостаток, ибо теоретическое мышление ему ни к чему, оно делает в его глазах человека чудачком, «не от мира сего».

Здравый человеческий рассудок, замечает Маркс в подготовительных тетрадях к диссертации, «воображает, что он вправе противопоставлять философам свои нелепейшие глупости и пошлости, выдавая их за некую *terra incognita* («неведомую землю». — Г.В.). Он воображает себя Колумбом, проделывая фокусы с яичной скорлупой».

Филистеру кажется, что нет ничего более легкого, чем философствование, и сам он склонен разводить «глубокую философию на мелких местах»: ходячие моральные прописи и застольные беседы «за жизнь».

В лучшем случае «здравый» подход к философии заключается обычно в том, чтобы усвоить определенную сумму философских понятий, заучить законы и категории, точно так же как заучиваются законы и формулы в физике или математике. Но пользы от такого «усвоения» еще меньше, чем от знания таблицы умножения для творчества в области высшей математики.

Точные науки начинаются там, где речь идет о прочных, бесспорных, эмпирически доказанных истинах. Философия кончается там, где она пытается провозглашать окончательные истины в последней инстанции.

Научиться теоретическому мышлению нельзя, изучив готовые результаты какой-либо одной философской системы. Необходимо постигнуть всю историю

философии как историю движения человеческой мысли в ее абстрактных формах.

Ленин писал, что нельзя понять «Капитал» Маркса, не усвоив «Логики» Гегеля. Но точно так же нельзя понять глубоко «Логику» Гегеля без философии Шеллинга, Фихте, Канта, Лейбница, Спинозы, Аристотеля, Платона, Сократа, Демокрита и Гераклита.

Еще более важно то, что без усвоения всей истории философской и общественной мысли невозможно было преодолеть «Логику» Гегеля, пойти дальше его, создать новое мировоззрение. Вращаясь в рамках гегелевской системы, толкуя ее положения, хватаясь то за одну, то за другую сторону его учения, гегельянцы 30-х годов толклись в порочном кругу и не могли сделать вперед существенного шага. Они всерьез дебатировали вопрос, что будет дальше с миром после того, как мировой дух достиг в гегелевской философии своей цели — познания самого себя.

Маркс никогда не был правоверным гегельянцем. Мы видели, что сначала он относился к учению Гегеля даже как к «ненавистному». Но это не мешало ему изучить Гегеля со всей тщательностью и основательностью, на какую он был способен. Он отдавал Гегелю должное, называя его «гигантским мыслителем», но не сотворял из него кумира. Многое в Гегеле продолжало его не удовлетворять, и прежде всего претензия на абсолютную истину и законченную систему.

Докторская диссертация как раз и отражает эту философскую позицию молодого Маркса, позицию, зафиксировавшую его движение от Гегеля, через Гегеля к преодолению Гегеля.

«Дух сомнения и отрицания» направил Маркса в его исканиях к истокам философской мысли — он 93

принимается за изучение Сократа, Платона, Аристотеля, штудирует многочисленные тексты других древних авторов: Диогена Лаэртция, Плутарха, Симплиция, Фелипия, Цицерона, Стобея, Филонона, Лукреция Кара, Секста Эмпирика.

Но из всего разнообразия течений и учений античной философии Маркс останавливает внимание на Демокрите и Эпикуре — крупнейших древнегреческих материалистах. Уже само это обращение к анализу учений материалистов было вызовом Гегелю и его правоверным ученикам. Оно свидетельствовало о том, в каком направлении шли поиски нового мировоззрения.

Гегель не мог быть преодолен в рамках идеализма, и ни одно из идеалистических учений не могло помочь в этом отношении. Здесь мог выручить только материализм.

Докторская диссертация еще не свидетельствует о переходе Маркса на позиции материализма, но она свидетельствует о неудовлетворенности идеализмом, который оторвал философию от действительности, увел ее в область спекуляции. В результате между философией и «миром», между мыслями и действительностью образовался разрыв. «Мир чужд философии, философия чужда миру». Одушевленная стремлением «осуществить» себя, философия «вступает в напряженное отношение к остальному».

В то время как «мир» становится философским, философия желает стать «мирской». А это значит, что рушится «самоудовлетворенность и замкнутость», которая была присуща гегелевской философии.

Гегелевская философия начинает распадаться в учениях гегельянцев. «То, следовательно, что является сначала превратным отношением и враждеб-

ным расколом между философией и миром, становится потом расколом отдельного философского самосознания самого внутри себя и, наконец, проявляется как внешнее разделение и раздвоение философии, как два противоположных философских направления».

Маркс обрушивает свой убийственный сарказм на подобострастных и несамостоятельных последователей Гегеля. Второстепенные, лишённые всякой индивидуальности фигуры обычно прячутся «за спиной какого-нибудь философского великана прошлого; но вскоре из-под львиной шкуры становится виден осел, жалкой пародией звучит плаксивый голос какого-нибудь новоиспечённого манекена».

Саркастическими штрихами Маркс рисует образ вооружённого двойными очками лилипута, который, стоя на отходах великана, с удовольствием возвещает миру, какой поразительно новый горизонт открывается с этой точки зрения, и делает смешные усилия доказать, что не в бурных порывах сердца, а в той «плотной, массивной основе», на которой он стоит, найдена новая точка Архимеда. «Так появляются философы волос, ногтей, пальцев, экскрементов и тому подобные субъекты...»

Здесь Маркс выступает, с одной стороны, против убогой позиции правых гегельянцев, а с другой — против культа Гегеля, против того, чтобы дальнейшее развитие философии шло только за счёт интерпретации различных черт и сторон гегелевской философии.

В этом отношении судьбы философии Гегеля сопоставимы с исторической судьбой философии Аристотеля, из которой средневековые комментаторы выхолостили все живое. Из идей Аристотеля сделали своего 95

рода молитвенник, его авторитетом подкрепляли авторитет религии. Вера в непогрешимость его идей доходила до абсурда. Рассказывают, например, что, когда некоего иезуитского профессора в XVII веке пригласили посмотреть в телескоп и убедиться, что на солнце есть пятна, он ответил астроному Кирхеру: «Бесполезно, сын мой. Я два раза читал Аристотеля с начала до конца, и я не обнаружил у него никакого намека на пятна на Солнце. А следовательно, таких пятен нет».

«Молитвенное» отношение к философии, даже если это философия «великанов», не устраивала критический ум Маркса. «Всего менее, — замечает он, — можно, основываясь только на авторитете и на искренней вере, признавать, что та или иная философия действительно является философией, — хотя бы этим авторитетом является целый народ и эта вера существовала в течение веков». Вот почему необходимой предпосылкой всякого подлинного философствования является, по Марксу, смелый, свободный дух, который не останавливается на достигнутом, который творчески переосмысливает наследие прошлого и устремляется к новым достижениям.

Вот почему философия несопоставима с религией, она не терпит культа верховного авторитета, основанного на вере и слепом поклонении.

В Гегеле Маркс видит мыслителя, сравнимого по своим масштабам с Аристотелем, а в судьбах послепостаристотелевской философии (эпикурейской, стоической, скептической) он усматривает нечто общее с судьбами послегегелевской философии. Если правые гегельянцы доказывали первенство религии над философией, привлекали, подобно «блаженному» Плутарху, философию перед «судилищем религии», то Маркс

решительно противопоставляет этому «верховный авторитет» философии. «Философия, пока в ее покоем весь мир, абсолютно свободном сердце бьется хоть одна еще капля крови, всегда будет заявлять — вместе с Эпикуром — своим противникам: «Нечестив не тот, кто отвергает богов толпы, а тот, кто присоединяется к мнению толпы о богах».

Послеаристотелевская философия завершила греческую философию, она ознаменовала собой разложение рабовладельческого мира и начало новой эпохи. Послегегелевская философия находится в том же историческом положении. Она противостоит «расколовшемуся миру». Ее «арфы» — это «эолы арфы», по струнам которых ударяет буря. «Не нужно приходить в смятение перед лицом этой бури, которая следует за великой, мировой философией».

Это ожидание «бури», ожидание новой «титанической» эпохи очень характерно для умонастроения Маркса на рубеже 30-х и 40-х годов, когда Германия начала пробуждаться от сна, когда началось оживление ее экономической, политической, интеллектуальной жизни, предвещавшее революционную встряску 1848 года.

«Предгрозовое» настроение Маркса во время написания диссертации, конечно, еще очень смутное, далекое от настоящей политики, оно находит выражение лишь в расплывчатых категориях идеалистической философии.

Но настроение похоже на запал, который, разгораясь медленно, приводит к взрыву.

Характерно, что, предвещая «бурю», Маркс выступает против трусливой позиции тех гегельянцев, «неправильно понимающих нашего учителя», которые считают, что «умеренность» есть нормальное прояв-

ление абсолютного духа», он критикует взгляды «половинчатых» умов, считающих, что разлад философии с «миром» можно поправить «мириым договором с реальными потребностями», «уменьшением боевых сил, их раздроблением».

Эта «раздробленность» выразилась, в частности, в уходе философии от больших проблем в мир самосознания, индивидуального самосозерцания — ситуация тоже аналогичная послеаристотелевской. Так, например, эпикурейскую, стоическую философию Маркс сравнивает с ночной бабочкой: она «после захода общего для всех солнца, ищет света ламп, которые люди зажигают каждый для себя».

Здесь есть не только отрицательная, но и глубоко привлекательная сторона: внимание к личности, к ее духовному миру, к проблемам этики. Античный гуманизм.

С этой точки зрения особенно интересна личность Сократа. В Сократе молодого Маркса привлекал «идеальный» образ мудреца, который сумел связать философию с самой повседневной жизнью, понес философию на улицы и площади древних Афин. «Сократ так важен потому, что в нем выражается отношение греческой философии к греческой жизни, а следовательно, и ее внутренний предел».

Сократа мало привлекает мудрость, направленная на постижение природы, на постижение космоса. Как может человек знать что-нибудь толком о мире и вселенной, если он ничего не знает о самом себе? «Познай самого себя» — вот исходный принцип сократовской философии.

Самые важные вещи, в которых человек должен разобратся, — это прежде всего: что есть добро и что есть зло?

Людвиг Фейербах.
(1804—1872).

Что есть прекрасное? И что есть справедливое? Что есть жизнь и что есть смерть? Что есть любовь и что есть наслаждение?

Людам кажется, будто это очень обыденные и простые вещи, недостойные философской мудрости. И тут-то Сократ пускает в ход свою иронию и свою диалектику. Он готов вступить в спор с любым из желающих и, прикидываясь простачком, который хочет поучиться чужой мудрости, задает наивные, но каверзные вопросы, которые обнаруживают невежество самодовольного собеседника, его неспособность понять, что один и тот же поступок может быть и хорошим и дурным в зависимости от точки зрения и от обстоятельств.

Сократовская ирония (к ней Маркс и Энгельс сами 99

не раз прибегали в полемических боях) — это, по меткому замечанию Маркса, «повивальное искусство», с помощью которого рождается и мужает теоретическая мысль.

Сократовская ирония — это «диалектическая ловушка», куда загоняется «обыденный здравый смысл» со своим «самодовольным всезнанием». Эта ирония, по мысли Маркса, вообще свойственна всей философии, противопоставляющей себя «обыденному сознанию».

Сократ является «воплощенной философией», во-первых, в том смысле, что в его лице философия выступает как реализованная, воплощенная в жизнь, в практику, а во-вторых, в том, что это философия индивидуального человеческого самосознания. Именно поэтому Маркс видит ее исторически обусловленную ограниченность, ее «субъективность», обращение внутрь себя. Но в личном, человеческом плане, очевидно, именно Сократ служит для молодого Маркса идеальным образом «мудреца», последовательным и честным философом, который, по существу, сам осудил себя на смерть, так как такое решение вытекало из его внутренних убеждений.

К Сократу в большей мере, чем к кому-либо иному, относится мысль Маркса, что «сами философы являются живыми образами, живыми художественными произведениями», живыми выразителями создаваемых ими систем и теорий. Личность философов, по мысли молодого Маркса, вообще неотделима от их учений.

С этой точки зрения интересно показать, как Маркс характеризует в докторской диссертации и подготовительных к ней работах Демокрита, Эпикура, Платона. В отношении к этим философам, в том, что его

привлекает и отталкивает в них, проступают черты личности самого Маркса.

Демокрит и Эпикур — два философа, теории которых всегда считались идентичными или почти идентичными. Маркс показывает, что это не верно. Хотя оба они выступают с атомистической теорией, развивают ее одним и тем же способом, однако они «диаметрально противоположны» во всем, что касается истины, достоверности, применения этой теории. Они противоположны уже в своем отношении к науке.

Принцип своей жизни и своих исканий Демокрит выразил так: «Я предпочел бы открытие одной новой причиной связи персидскому престолу!» Он во всем ищет закономерность и отрицает случай, который «враждует с сильным мышлением». Его мучает постоянная неудовлетворенность достигнутым знанием. Он отправляется в Египет, чтобы изучать геометрию, и к халдеям в Персию, а по некоторым сведениям, он побывал даже в Индии и набрался мудрости от гимнософистов (йогов).

Этот энциклопедически образованный ум своей эпохи создал наиболее жизнеспособную умозрительную теорию мироздания — атомистическую, — которая в основных чертах подтвердилась всем дальнейшим многовековым ходом развития науки. Но он оставался неудовлетворенным. И, по рассказам, он сам ослепил себя для того, чтобы свет, чувственно воспринимаемый глазом, не затмил остроты его мышления.

Эпикур совсем иная личность, иное и его отношение к философии. В то время как Демокрит стремился учиться мудрости у всех, Эпикур гордится тем, что не имел никаких учителей, что он самоучка и без посторонней помощи прокладывает себе путь к истине.

«Беспокойный дух» Демокрита гонит его во все части света — он пробыл на чужбине восемьдесят лет, а Эпикур лишь два или три раза покидает свой сад в Афинах, да и то для того, чтобы навестить друзей. Он находит в философии покой и блаженство, он, в противоположность Демокриту, отворачивается от точного знания. Отчаявшись все охватить и познать, Демокрит себя ослепляет, а Эпикур, чувствуя приближение смерти, садится в теплую ванну, требует неразбавленного вина и советует своим друзьям оставаться верными философии.

Эпикур целиком доверяет чувственному восприятию «видимости» явлений. И поэтому если Демокриту солнце представляется огромным, то Эпикуру — величиной примерно «в два фута», то есть таким, каким оно нам видится.

Необходимость, которую во всем хочет видеть Демокрит, Эпикур отрицает. Необходимость кажется ему проявлением неотвратимой судьбы, рока, которые подавляют человека, он связывает ее с религией и богами, предписывающими человеку все его действия. Поведение же человека должно зависеть от него самого, от случая, а не от необходимости.

Жить в необходимости — это, по Эпикуру, несчастье, но такая жизнь вовсе не является необходимой. Пути к свободе везде открыты, их много, они коротки и легки, следует только «обуздать» необходимость. (Здесь Эпикур близко подходит к диалектическому принципу: «Свобода есть осознанная необходимость».) Признавать, считает он, надо «случай, а не бога». В полном соответствии с этим Эпикур в своей атомистической теории вводит, в отличие от Демокрита, случайное отклонение атомов.

102   Маркс впервые показал (и в этом непреодолимая на-

учная ценность его диссертации), что случайное отклонение атомов Эпикура не есть прихоть, достойная лишь осмеяния, как казалось многим, а это такое нововведение, которое значительно усовершенствовало атомистическую теорию и двинуло ее вперед. То, на что Маркс обратил внимание, руководствуясь диалектическим чутьем, современная субатомная физика подтвердила, можно сказать, экспериментально, выдвинув принцип неопределенности.

Эпикурейская философия — философия атеизма и античного просветительства, воспевающая свободного человека, находящего радость в простых и естественных наслаждениях жизни, — не раз подвергалась озлобленной критике ханжей и филистеров от философии.

Первым в ряду этих критиков стоит «блаженный» Плутарх, который для Маркса служит олицетворением «самодовлеющей глупости», «напыщенной добропорядочности, воображающей себя весьма умной».

Последовательной, честной, смелой логике рассуждений Эпикура, логике, не боящейся собственных выводов, даже если они приводят к отрицанию религии, Маркс с презрением противопоставляет трусливую, половинчатую, эклектичную позицию Плутарха, его богобоязненную, морализирующую болтовню, его ханжескую елейность.

Рассуждения Плутарха — это образец пошлой «философии» обывательского сознания, ищущей удовлетворения в собственном «благочестии», «добродетели», в заботах о здоровье и «вечном блаженстве», уютном на том свете, «философии», которая прикрывает убожество и униженность своего мелкого «я» сиегом и сахаром ходячей морали. Образ Плутарха

ассоциируется у Маркса с человеком, который боязливо скорчился, униженно гнет спину и изидательно читает наставления о «несправедливости того, что благие лишаются со смертью плодов своей жизни». Естественно, что Плутарх порочит всякое нарушение «благопристойности» в области мысли. Читая Плутарха, мы словно находимся в душной «классной комнате». Читая Эпиккура и Лукреция, «свежего, поэтического властителя мира», мы видим бесстрашного акробата в пестрой одежде, и мы забываем о себе, возвышаемся над собой, видим дальше и дышим свободнее.

Что ж, каждому — свое. «Тот, кому доставляет больше удовольствия вечно копать в самом себе, чем собственными силами строить целый мир, быть творцом мира, — тот несет на себе проклятие духа, на того наложено отлучение, но в обратном смысле, — он изгнан из храма и лишен вечного духовного наслаждения, и ему приходится убаюкивать себя размышлениями о своем личном блаженстве и грезить ночью о самом себе».

Конечно, полемика Маркса против Плутарха была полемикой и со всеми наследниками его духа в философии, недостатка в которых никогда не было.

Напыщенное пустозвонство плутархов, «блаженных» архиплотов в науке, которые плетут паутинные морализирующих запретов и верноподданнических проповедей для уловления и усыпления живой трепещущей мысли, было и впоследствии всегда остро антипатично Марксу. Острием своего пера он пригвождал их к позорному столбу истории.

Так, мелкобуржуазный демократ Карл Гейнцен в XIX веке в полемике с Энгельсом олицетворял подобное пустозвонство столь же ярко, как Плу-

тарх на рубеже I и II веков в полемике с Эпикуром.

В лице Гейицеа Маркс ищадио высек розгами остроумия и иронии «критизирующее филистерство», которое кичится тем, что его школой была не философия и не наука, а «гуща жизни», которое резонерски поучает «доморощенной мудрости», демонстрирует «честное сознание самодовольного добродетельного обывателя», превращает «жалкие, тощие» истины в застывшие догмы и называет «свое моральное негодование по поводу «слепоты», «глупости» или «бесчестности» противников подобного символа веры».

В остро негативной оценке Марксом всякого рода плутархов совершенно ясно вырисовывается его позитивное отношение к науке, его понимание задач и роли истинной философской мысли, научного поиска.

Философия несовместима с догматами, с застывшими и закостенелыми положениями. Именно окончательность, завершенность, абсолютность, «спекулятивность» гегелевской системы не удовлетворяла Маркса. Как мы видели, уже в докторской диссертации он направил острие своей критики против разрыва гегелевской философии с «миром», с действительностью.

Эта исходная мысль его ранней философской позиции и несла в себе взрывной заряд, она привела Маркса вскоре к далеко идущим выводам относительно философии.

Ввиду неразвитости естествознания философия до поры до времени вынуждена была подменять собой точные науки, она претендовала на всеобщую теорию мира, на роль царицы наук. В гегелевской философии эта претензия выражена в наибольшей мере. И именно поэтому гегелевская система представляет собой 105

завершение философии в старом понимании, ее венец, ее итог, а следовательно, и ее исход.

То, что философия, эта «царица наук», парящая в недостижимых областях духа, оказалась перед необходимостью спуститься на землю, Маркс хорошо понял уже в последние студенческие годы. Однако в то время он не был еще коммунистом и даже революционным демократом, в политике он еще не определил четко своих позиций. Естественно поэтому, что его представление о «мире» и о формах соединения философии с «миром» было довольно абстрактным.

Прошло около трех лет, и Маркс в работе «К критике гегелевской философии. Введение» сформулировал тезис об отношении философии к «миру» со всей полнотой и решительностью революционного мирозерцания.

Революция, заявляет Маркс, «начинается в мозгу философа», который отражает назревающие противоречия. Но оружие теоретической критики не может заменить «критику оружием». «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Философия, следовательно, чтобы стать материальной силой, должна выступить как философия революционного класса, то есть пролетариата.

«Подобно тому как философия находит в пролетариате свое материальное оружие, так и пролетариат находит в философии свое духовное оружие, и как только молния мысли основательно ударит в эту нетронутую народную почву, свершится эмансипация немец в человека».

Однако «существующая», то есть гегелевская, философия сама разделяет все недостатки той действительности, которая должна быть упразднена. Поэтому

не упразднив самой философии». И прежняя философия действительно была упразднена Марксом и Энгельсом. Это «упразднение» не означало голого отрицания, оно означало революционный переворот, в результате которого на базе всего классического философского наследия — и прежде всего наследия Гегеля и Фейербаха — был выкован разящий «меч Нибелунгов» — диалектико-материалистический метод. Этот метод нашел свое блестящее воплощение в теории научного коммунизма, явившейся «истинным лозунгом борьбы» пролетариата, его могущественным оружием в борьбе за освобождение человечества, за построение общества, достойного человека.

В полном согласии с прогнозом Маркса пролетариат XX века упраздняет себя как угнетенный и немущий класс, воплощая марксистскую философию в действительность.

* * *

Вернемся, однако, к молодому Марксу и подведем некоторые итоги его духовного развития к моменту окончания Берлинского университета.

Его докторская диссертация свидетельствует о его убежденных атеистических позициях. Последовательный атеизм, как известно, несовместим с идеализмом, он неизбежно приводит к материализму. В диссертации Маркс еще не порвал с наследием идеалистической философии, но он уже обратил свои взоры к материализму и просветительскому гуманизму античной философии.

Нужно при этом иметь в виду, что диссертация готовилась Марксом для печати, и он не мог вполне открыто высказываться по многим вопросам из-за цензуры.

Карл Маркс во время поездки в Голландию.

Маркс в своем духовном развитии перерос младогегельянство. Хотя он был еще неизвестным молодым ученым, не опубликовавшим ни одной научной работы, превосходство его интеллекта признавали даже самые выдающиеся деятели младогегельянского движения.

Особенно интересно в этом отношении свидетельство Мозеса Гесса — будущего «истинного социалиста». В 1841 году Гесс был уже известным публицистом и философом. Он к тому времени сделал довольно решительную, хотя и не во всем последовательную попытку соединить гегелевскую философию с фран-

цузским социализмом и возвещал в туманной, полумистической форме мессию коммунистической революции. Тем не менее Мозес Гесс ставит вчерашнего студента Карла Маркса бесконечно выше себя в философском развитии, с удивительной прозорливостью предрекает ему великое будущее.

В письме к своему другу Ауэрбаху 2 сентября 1841 года он пишет: «Тебе будет приятно познакомиться здесь с человеком, который теперь также принадлежит к числу наших друзей, поскольку он живет в Бонне, где ему вскоре предстоит преподавать... Это явление произвело на меня внушительное впечатление, несмотря на то, что я действую в той же самой сфере. Короче говоря, ты должен быть готов познакомиться с величайшим, быть может, единственным из ныне живущих, настоящим философом, который в ближайшее время, когда он публично выступит (печатно или с кафедры), привлечет к себе взоры Германии. По своим тенденциям, как и по своему философскому образованию, он превосходит не только Штрауса, но и Фейербаха, а последнее значит немало! Если бы я мог быть в Бонне, когда он начнет читать логику, я был бы его самым прилежным слушателем. Такого человека я всегда желал иметь своим учителем в философии. Теперь я чувствую, какой я неуч в настоящей философии! Но терпение! Я еще чему-нибудь научусь!

Доктор Маркс — так зовут моего кумира — еще совсем молодой человек (едва ли ему больше двадцати четырех лет); он нанесет последний удар средневековой философии и политике, в нем сочетаются глубочайшая философская серьезность с тончайшим остроумием; представь себе объединенными в одной личности Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Ге-

геля; я говорю объединенными, а не смешанными, —
и это доктор Маркс».

Возможно, Гесс был знаком с не дошедшими до нас рукописями молодого Маркса, возможно, свое мнение он вынес из бесед с ним, но его предвидение оказалось удивительно верным: Маркс внутренне готовился к созданию революционного мировоззрения. В нем быстро формировался и всесторонне обнаруживал себя гений теоретической мысли.

БЕСПОЩАДНАЯ КРИТИКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Надо заставить народ *ужаснуться* себя самого, чтобы вдохнуть в него *отвагу*.

Карл Маркс

Получив долгожданный диплом доктора философии, Маркс весной 1841 года едет в родной Трир, а затем в Бонн, куда его уже давно настойчиво звал Бруно Бауэр.

В Трире обнаружился острый конфликт Маркса с его родственниками и с матерью, которая считала сына неудачником.

Впоследствии начались размолвки также между матерью Маркса и семьей Вестфаленов. Женни сильно страдала от этого. Марксу мучительно было сознавать, что он не может связать с ней свою судьбу, так как не имеет достаточно средств для содержания семьи.

Несмотря на эту душевную драму, 111

которая накалялась вплоть до женитьбы Маркса, он полон сил, энергии и энтузиазма. Он горит желанием найти достойное применение своим талантам и знаниям, хочет активно участвовать в политической жизни.

Марксу двадцать три года, но солидный диплом доктора философии, казалось, совсем не прибавил «солидности» этому жизнерадостному молодому человеку, по-прежнему всегда готовому поддержать шутку и весело позубоскалить над превратностями судьбы.

Боийские обыватели однажды могли наблюдать, как доктор философии Маркс и приват-доцент Бауэр, сидя на ослах, галопировали как бешеные. «Боийское общество, — писал Бауэр своему брату, — смотрело на нас с большим удивлением, чем когда-либо. Мы ликовали, ослы орали».

Маркс, как и прежде, душа веселых товарищеских компаний, человек, с которым можно посоветоваться и от души посмеяться, рискуя, впрочем, попасть под «холодный душ» изощренных насмешек, которые не всегда оставались добродушными и безобидными. Его юмор становился холодным и беспощадным, когда речь шла о малейших проявлениях моральной нечистоплотности, угодничества, подхалимства. Тут не спасало и звание «лучшего друга».

Маркс строит различные планы своей самостоятельной деятельности. Вместе с Бруно Бауэром они еще весной 1841 года вынашивали мысль об основании радикального журнала «Архив атеизма». Ариольд Руге, один из лидеров либеральной буржуазии, издававший в то время левый «Немецкий ежегодник», писал в связи с этим в сентябре 1841 года: «Мне теперь плохо, так как Б. Бауэр, Карл Маркс, Христиансен и Фейербах собираются или уже успели провоз-

гласить монтеизм и подыали знамя атеизма и смертности души. Бог, религия и вечная жизнь будут отменены, люди объявляются богами. Основывается атеистический журнал, и предстает убийственное зрелище, когда явится полиция прихлопнуть его, что, разумеется, ничего не изменит».

План этот, однако, не осуществился. Рухнули также надежды Маркса на профессорскую кафедру в Бонне, так как Бруно Бауэр под давлением реакционной критики был отстранен от преподавания и стало совершенно ясно, что Марксу там тем более не ужиться.

Все это, по-видимому, не очень расстроило Маркса, ему была не по сердцу размеренная жизнь кабинетного ученого. Пример Людвиг Фейербаха, уединившегося со своей любимой женой в деревенской тиши, отгородившегося от всего остального мира толстыми стенами замка Брукберг и предавшегося мирному созерцанию природы и лирическому философствованию, никогда не вдохновлял Маркса, хотя он и стал вскоре на некоторое время пылким сторонником его «антропологического» материализма.

Маркс рвался к такой деятельности, которая на практике способствовала бы единению философии с действительностью. Стремление сочетать теоретические занятия с «вторжением в самую жизнь» нашло отзвук еще в гимназическом сочинении о выборе профессии и окрепло с годами университетской учебы.

Этому способствовало становление политического умонастроения Маркса, его растущее и крепнущее убеждение в том, что существующая социальная действительность иррациональна, убога и нуждается в революционном изменении.

Обычно считается, что Маркс в университетские 113

годы был далек от политики и целиком погрузился в «чистую» теорию. И лишь после окончания университета вдруг совершается его поворот к настоящим политическим вопросам. По-видимому, это не совсем так. Мы видели, что уже многие стихи 1837 года отражают его решительный разрыв с филистерским миром. В это же время он «чрезвычайно пристрастно» слушает лекции Эдуарда Ганса, который открыто проповедовал идеи сен-симонизма, призывал к «освобождению труда». С Гансом Маркс вскоре устанавливает личное знакомство. Своим «ближайшим другом» в том же 1837 году Маркс называет доктора А. Рутенберга. В свое время он был арестован как член «Корпорации молодежи» и находился на подозрении у полиции как автор «злонамеренных статей».

Сближение Маркса с Бруно Бауэром также было продиктовано тем, что последний стремился к разработке «философии дела», способной повлиять на «ход истории».

В критике религии, которую вел Бауэр и Фейербах, Маркс видел единственно возможную в то время форму политической критики.

При этом часто теоретическая критика, которая устраивала Бауэра, казалась Марксу недостаточной уже в последние студенческие годы. Очевидно, этим расхождением продиктована любопытная фраза в письме Бауэра к Марксу от 31 марта 1841 года: «Было бы безумием, если бы ты захотел посвятить себя практической карьере. Теория является теперь самой сильной практикой, и мы еще совсем не можем предвидеть, в каком широком смысле она станет практичной».

Между тем исторические события в Германии раз-
114 ворачивались таким образом, что политические про-

блемы начинали выдвигаться на первый план как в теории, так и в самой жизни.

Летом 1840 года на прусский престол взошел новый король — Фридрих Вильгельм IV, от которого все ожидали либеральных реформ и конституции. Любитель красивых фраз и широких жестов, он посеял иллюзорные надежды на свободу. На деле, однако, новый король проводил политику «реакционного романтизма», заботясь об укреплении монархической власти и христианской церкви.

Маркс, как он сам писал впоследствии, сразу же оценил нового монарха «по достоинству»: этот «король филистеров» при коронации «объявил свое сердце и свою душу будущим основным государственным законом». Он цинично рассуждал о Пруссии как о своей «вотчине», а о немецком народе как о «несовершеннолетних детях», которых надо воспитывать розгами и пряниками.

«Розги» достались прежде всего на долю дерзких младогегельянцев, которые осмелились вести борьбу с религией. Видные младогегельянцы удалялись из университетов. Для того чтобы теоретически опрокинуть гегельянство, в Берлине был приглашен старый, наполовину выживший из ума философ-идеалист Шеллинг.

Иллюзии испарялись так же мгновенно, как и возникали. Младогегельянцы, которые находились в сдержанной оппозиции к прусскому государству, теперь, потеряв надежду на полевение королевской власти, стали сами быстро леветь.

Оживилось либерально-демократическое движение в стране, политическая сознательность народа начала пробуждаться. По мере того как в Германии развивалась промышленность и укреплялась национальная

буржуазия, патриархально-феодалыные устремления королевской власти все более себя изживали.

В это время Маркс готовится к иновому для него виду деятельности. В конце 1841 года он пишет, что об осуществлении прежних замыслов в области изучения античной философии «мне теперь не позволяют думать политические и философские занятия совсем иного рода».

Что это были за занятия? Прежде всего Маркс жаждет закончить свои счета с религией и пишет «Трактат о христианском искусстве». Но гораздо определеннее его политические устремления выразились в работе, посвященной критике гегелевского понимания государственного строя, которую Маркс начал в это время писать.

Если для Гегеля, как и для младогегельянцев, идеалом была конституционная монархия, то Маркс, по его собственным словам, объявляет борьбу этому «ублюдку», который «от начала до конца сам себе противоречит и сам себя уничтожает».

Это заявление, сделанное в начале марта 1842 года, свидетельствует о политическом радикализме Маркса. Он видит выход не в либерализации существующего монархического строя, а в его уничтожении. С ненавистью пишет Маркс о государственных мужах, как о «напыщенных мерзавцах», «мирских божках», принципом правительственной политики которых служит «изведение людей до уровня животных».

Первый открытый бой прусской монархии Маркс решает дать в статьях о свободе печати («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» и «Дебаты о свободе печати...»). Этот вопрос привлек внимание Маркса потому, что свобода печати является показателем политических свобод вообще, что при

отсутствии свободы печати «призрачны все остальные свободы».

В конце 1841 года была опубликована новая инструкция о цензуре. В этом документе, как в фокусе, сконцентрировалось все минималистское ханжество королевской политики, которая хотела на словах «идти вперед», а на деле — «не пущать».

В то время как в стане буржуазных либералов царил всеобщий лжеум в связи с появлением этой инструкции, Маркс срывает с нее покров красивых фраз и со всей беспощадностью обнажает жалкое убожество «божественной власти» дарованных свобод.

С публицистическим блеском и остроумием Маркс высмеивает лицемерные положения вроде того, что цензура не должна препятствовать «серьезному и скромному» исследованию истины.

В самом деле, разве может истина быть «скромной»? Только нищий скромни, говорит Гёте. Но много ли истины содержится в «иных истинах»?

Если поиски истины «скромны», то это признак страха перед истиной и бесстрашия ко лжи. Предписанный свыше страх перед выводами научных исканий — вот что такое «скромность», если перевести это выражение с чиновничье-бюрократического языка. «Истина так же мало скромна, как свет...».

Истина всеобща, рассуждает далее Маркс. Она не принадлежит мне одному, она принадлежит всем. Но форма, в которой выражаются ее искания, сугубо индивидуальна. Стиль — это человек. Цензура бесчеловечна, она стрижет всех под одну гребенку, преследует всякое отклонение от предписанной нормы. Дозволенный цензурой «цвет свободы» — это бесцветность, серость официального цвета.

Прусская цензура превращает дух в судебного сле- 117

дователя, который «сухо протоколирует». Но разве способ исследования не должен изменяться вместе с предметом? «Разве, когда предмет смеется, исследование должно быть серьезным, а когда предмет тягостен, исследование должно быть скромным?»

Разве оставаться скромным по отношению к нескромности — не есть самая серьезная нескромность духа? К смешному я отношусь серьезно, когда представляю его в смешном виде. И наоборот: чрезмерная серьезность — это самое комичное, а чрезмерная скромность — это самая горькая ирония.

«Все жанры хороши, кроме скучного», — говорил Вольтер. Для цензуры же, наоборот, скучный жанр исключает всякий иронии.

Закон ставит ударение не на истине, а на скромности и серьезности, он противопоставляет истину исследованию. По сути дела, согласно закону истинно то, что приказывает прусское правительство, а исследование «допускается» только как пустой, назойливый элемент, который лишь «по соображениям этикета» не может быть полностью устранен. Исследование уже заранее понимается как нечто противоположное «истине», поэтому оно ставится под подозрение и появляется только в официальном санкционировании «скромности и серьезности»!

«Пишите свободно, но каждое ваше слово должно быть поклоном перед либеральной цензурой, которая пропускает ваши, столь же серьезные, сколь и скромные, мнения. Не теряйте только чувства благоговения!»

Принципы своей критики буржуазией действительности Маркс несколько позднее сформулировал так: «Я говорю о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: эта критика

не страшится собственных выводов и не отступает перед столкновением с властями предержащими».

Эти высказывания Маркса характеризуют его не только в политическом, но и в нравственном отношении. Они позволяют составить впечатление о тех критериях, которые молодой Маркс прилагал к исследовательской деятельности, к научному творчеству.

Маркс стремится к глубокому и последовательному вскрытию истины, к смелому и решительному следованию логике вещей, к такой «независимости мысли, которая относится ко *всякой вещи* так, как того требует *сущность самой вещи*». Никакие внешние соображения не должны отвлекать исследователя от истины. «Разве не первая обязанность исследователя истины прямо стремиться к ней, не оглядываясь ни вправо, ни влево? Разве не забуду я про самую суть дела, если я обязан прежде всего не забывать, что сказать об этом надо в известной предписанной форме?»

В научном исследовании важен не только результат, но и ведущий к нему путь, и здесь во внимание принимается внутренняя позиция ученого: цель, для которой требуются нечестные средства, не есть правая цель. Трусость, половинчатость в науке — это измена науке.

В статье, посвященной дебатам о свободе печати, Маркс возвращается к этой мысли в еще более определенной форме.

Наука, как и писательство вообще, не есть «промысел», ей не к лицу опускаться до уровня промысла. «Писатель, конечно, должен зарабатывать, чтобы иметь возможность существовать и писать, но он ни в коем случае не должен существовать и писать для того, чтобы зарабатывать.

Когда Беранже поет:

Живу для того лишь, чтоб песни слагать,
Но если, о сударь, лишен буду места,
То песни я буду слагать, чтобы жить, —

то в этой угрозе кроется ироническое признание, что поэт перестает быть поэтом, когда поэзия становится для него средством.

Писатель отнюдь не смотрит на свою работу как на *средство*. Она — *самоцель*; она в такой мере не является средством ни для него, ни для других, что писатель приносит в жертву ее существованию, когда это нужно, *свое личное существование*».

Маркс выразил в этих словах свое собственное творческое кредо. Всею своею жизнью он подтвердил, что никогда «не слагал песни, чтобы жить», а напротив, в жертву поискам научной истины он приносил *свое личное существование*.

Маркс не ограничивался сатирическим высмеиванием мнимого либерализма новых королевских указов, он вскрывает социальную сущность порядков, при которых возможны законы, «карающие за образ мыслей». Он показывает, что эти законы возможны только при антинародном режиме, в таком обществе, «в котором *какой-либо один орган* мнит себя единственным, исключительным обладателем государственного разума и государственной нравственности, в таком правительстве, которое принципиально противопоставляет себя народу».

Лишь «нечистая совесть политикамствующей клики» может измышлять законы мести, карающие за «образ мыслей». «Законы, преследующие за принципы, имеют своей основой беспринципность, безрав-

ственный, грубо-вещественный взгляд на государство».

Маркс приходит к революционной мысли, что, издавая антинародные законы, прусская «политикаистствующая клика» ставит себя вне закона, что ее действия, направленные на укрепление государства, носят, по сути дела, антигосударственный характер.

Маркс здесь критикует прусскую монархию еще с абстрактно-философских позиций, он лишь начинает приближаться к пониманию классово-исторической сущности государства. Шагом к такому пониманию является концентрация внимания на объективной, независимой от отдельной личности природе государства.

Подоплека действий государственных чиновников, как показывает Маркс, кроется отнюдь не в особенностях тех или иных лиц, не в их умонастроении, она является выражением мира, «вывороченного наизнанку».

Если правительство антинародно, то всякое, даже «благое» его деяние оборачивается своей противоположностью. Желая утвердить «право», оно вынуждено прибегать к несправедливости, к правонарушению, оно возводит в право произвол. Отнимая у печати право на критику, оно вменяет критику в обязанность правительственным чиновникам.

Выступая в защиту «отдельных лиц», оно принижает личность, лишает ее даже права на собственное мнение. Желая повысить национальное чувство, такое правительство само «опирается на унижающий нацию взгляд».

Правительственная инструкция требует «неограниченного доверия к сословию чиновников и исходит из неограниченного недоверия к сословию нечиновников».

Прусский чиновник выступает в роли «охранителя», ему доверено «управление умами». При этом не возникает ни малейшего сомнения, обладает ли он научной способностью судить о всякого рода научных способностях.

Маркс вскрывает внутреннюю иронию этого бюрократического принципа. В самом деле, чтобы компетентно судить мыслящих людей, чиновник должен быть на голову выше их во всех областях. Быть может, действительно в Пруссии живет «соименные известных правительству универсальных гениев»? Но почему же тогда эти «энциклопедические головы» не выступают в качестве писателей и ученых? Почему бы этим чиновникам, могущественным своей численностью, а еще более своими научными знаниями и своим гением, не подняться на общественную трибуну и не подавить своим весом жалких писак?

Но насколько гениальнее должны быть те официальные лица, которые назначают блюстителей порядка в области мысли и сами осуществляют контроль над ними! «Чем выше мы поднимаемся по лестнице этой *бюрократии ума*, тем всё более удивительные головы нам встречаются».

В самом деле, в полицейском, бюрократическом государстве всякая цензура имеет над собой высшую цензуру, произвол каждого чиновника ограничен произволом вышестоящего чиновника. Неизбежно, однако, что при таком порядке «на третьей или девяносто девятой ступени открывается простор для беззакония». Бюрократическое государство старается поставить эту сферу так высоко, чтобы она скрывалась из виду.

Маркс не формулирует еще здесь вывода о необходимости слома всей «бюрократической» машины

буржуазного государства, но подходит вплотную к этой мысли.

О том, что сам Маркс в зрелом возрасте оценивал статью о цензурной инструкции достаточно высоко, свидетельствует тот факт, что именно ею он открыл собрание своих сочинений, начавшее выходить в 1851 году (из-за правительственных преследований это издание было прекращено после выхода первого выпуска).

Статья была начинена такой динамитной силой, что, конечно, ее напечатание в Германии исключалось: как и предвидел Маркс, цензура не замедлила подтвердить правильность характеристики, которая ей была дана в статье, тем, что наложила на нее цензурный запрет. Впервые статья увидела свет в 1843 году, в Швейцарии.

Однако весной 1842 года Маркс опубликовал в «Рейнской газете» упоминавшуюся работу по поводу дебатов в Рейнском ландтаге о свободе печати, где подошел к проблеме с иной стороны.

Новый подход Маркса заключался в том, что он непосредственно связывал различные мнения депутатов о свободе печати с их сословно-классовым положением. Это был существенный шаг вперед. «Сословные» интересы столь непримиримо сталкиваются при обсуждении вопроса о печати, что становится совершенно ясно: свободы «вообще» нет, каждое сословие отстаивает «свою» свободу.

Маркс показывает, что даже сословия бюргерства и крестьянства продемонстрировали ограниченность своих требований к свободе печати. Буржуазная свобода печати, даже в той форме, в какой она существовала в тогдашней Франции, не представляется Марксу достаточно свободной. Хотя французская печать 123

и «не подлежит духовной цензуре, но зато она подлежит материальной цензуре, высокому денежному залoгу», она «вовлечена в сферу крупных торговых спекуляций».

Здесь отчетливо пробивается росток новой мысли о зависимости «духовной цензуры» от «материальной» — от торгово-денежных отношений буржуазного общества. Мы увидим, как этот росток будет набирать силу с каждой новой работой Маркса.

Первое же публичное выступление Маркса свидетельствовало о том, что буржуазные свободы, которые служили идеалом либеральной немецкой интеллигенции, отнюдь не являются его идеалом. Он начал свою политическую деятельность сразу же как революционный демократ, критикуя немецкую действительность гораздо глубже и последовательнее, чем на то были способны самые радикальные буржуазные либералы.

Маркс заканчивает статью по поводу дебатов о свободе печати цитатой из Геродота, смысл которой в том, что, вкусив свободу, следует сражаться за нее «не только копьями, но и топорами».

Блестящий дебют Маркса в «Рейнской газете» произвел настоящую сенсацию. Друзья, которые давно ждали от Маркса конкретного доказательства его недюжинного таланта, были удовлетворены. А. Руге писал, что «никогда еще не было сказано ничего более глубокого и ничего более основательного о свободе печати и в защиту ее».

В редакции «Рейнской газеты» влияние Маркса, которое и ранее было довольно значительным, настолько возросло, что он практически становится одним из руководителей газеты, а вскоре и ее главным редактором.

В октябре 1842 года в газете появляется новая серия статей, посвященных дебатам Рейнского ландтага, на этот раз по поводу закона о краже леса.

Эти статьи были особенно знаменательными в творческой биографии Маркса. Ему впервые пришлось спуститься с небес абстракции на «твердую землю», то есть заняться материальными интересами, «не предусмотренными идеологической системой Гегеля» (Меринг).

Мысль Маркса получила с тех пор импульс в том направлении, которое вскоре привело его к анализу классовой и экономической структуры общества. Читая статью о дебатах по поводу кражи леса, мы словно наблюдаем вспышки первых «зариц», предвещающих «восход» новых идей.

Исследование обстоятельств дела, связанных, казалось бы, с частным и малозначительным элементом экономической жизни — с лесными порубками, нарушением законов об охоте и о неприкосновенности лесов, — во всей кричащей обнаженности вскрыло бедственное и несправное положение неимущих масс.

Маркс увидел, как бесстыдно попираются элементарные права человека во имя интересов крупных землевладельцев, как люди без колебаний приносятся в жертву «деревянным идолам», если эти идолы являются частной собственностью.

Ему становится совершенно ясно, что «частная собственность» античеловечна, что она противостоит личности и оправдывает всякое преступление против нее, она низводит человека до уровня животного.

И если в обычном животном мире рабочие пчелы убивают трутней, то в человеческом «животном мире» наоборот — «трутни убивают рабочих пчел — убивают их, изнурая работой».

Глубоко возмущенный социальной несправедливостью имущественных отношений, Маркс решительно становится на защиту интересов «бедной, политически и социально обездоленной массы».

Он разоблачает «практичных» лесовладельцев, которые с помощью «ученого и ученически послушного лакейства» превращают всякое грязное притязание в «чистое золото права», а послушный лесовладельцам ландтаг пускается на всякие бесчестные уловки, чтобы еще более урезать права трудящихся.

Ландтаг отбрасывает всякое различие между собиранием валежника, нарушением лесных правил и кражей леса, когда речь идет об интересах нарушителя лесных правил. «Но ландтаг признает это различие, как только речь заходит об интересах лесовладельцев».

Частнособственнический интерес практичен, своекорыстен и труслив. Он труслив потому, что поконтится на бесправии, дрожит перед опасностью потерять то, что имеет. Выступая в роли законодателя, частнособственнический интерес знает только страх перед злоумышленниками, против которых он издает законы. «Жестокость характерна для законов, продиктованных трусостью, ибо трусость может быть энергична, только будучи жестокой».

Обнажая жалкую роль Рейнского ландтага как орудия лесовладельцев, Маркс вынужден иначе взглянуть и на роль государства в обществе. Сохранившиеся еще иллюзии, связанные с гегелевской фетишизацией государства как выражения родовой сущности человека, рушатся.

«Нет ничего более ужасного, чем логика своекорыстия!» — восклицает Маркс. Она — эта логика — превращает государственный авторитет в прислужника лесовладельца. «Все органы государства

становятся ушами, глазами, руками, ногами, посредством которых интерес лесовладельца подслушивает, высматривает, оценивает, охраняет, хватает, бегает».

«Софистика» своекорыстия такова, что наделяет вещи «удивительным свойством». Похищенный у лесовладельца лес сразу же делает его олицетворением государства, ибо он приобретает государственное право над похитителем. Выходит, что «лесовладелец воспользовался вором для того, чтобы похитить само государство». Теряя право распоряжаться куском дерева, собственник получает право распоряжаться человеком, подобно тому как Шейлок у Шекспира получает вексель на фунт человеческого мяса.

Как мы видим, Маркс снова возвращается к мысли о выворочении наизнанку мира, к мысли, которая затем получит свое развитие в категориях отчуждения труда и товарного фетишизма. Если статью о краже леса молодой Маркс заканчивает утверждением, что «дерево — это фетиш жителей Рейнской провинции», то в «Капитале» он покажет, как «деревянная башка» товара господствует над всем миром капиталистических отношений.

Маркс признался, что работа над статьей о краже леса не доставила ему удовольствия, что он следил с отвращением за скучными и пошлыми дебатами депутатов, однако эта работа направила его интересы в новое русло. Он лицом к лицу столкнулся с бедственным и несправедливым положением народа, о котором писали корреспонденты газеты. Он не из книг, не из третьих рук, а непосредственно от самих мозельских крестьян слышит «суровый голос нужды». И он считает своим «политическим долгом» публично заговорить на страницах газеты «тем народным языком нужды», забыть который «не дают условия жизни и

родине», со всей добросовестностью передать услышанный им голос народа.

Буржуазные марксологи (когда у них не остается других «аргументов» против марксизма) любят писать о «сухом рационализме» Маркса, о том, что будто бы для него личность — это лишь абстрактное понятие, некий «экономический человек», что действительные страдания народных масс его мало трогали.

Утверждать нечто подобное можно, лишь зная о Марксе понаслышке. Достаточно перечитать его «Оправдание мозельского корреспондента» (январь 1843 года), «Экономическо-философские рукописи 1844 года», первый том «Капитала», работы, посвященные революции 1848 года и Парижской коммуне, чтобы почувствовать не только силу «рациональных доходов» в защиту угнетенных, но и силу его эмоционального чувства, боль и гнев души, вызываемые каждым конкретным случаем унижения человека, попрания его прав и достоинства.

Сквозь механическую пульсацию отношений частной собственности Маркс, говоря его же словами, слышал живое «биение человеческого сердца». Столь же отчетливо мы ощущаем в работах Маркса живое биение его собственного сердца — сердца, которое то обливается кровью, то сжимается от гнева и ненависти.

Без преувеличения можно сказать, что если голова Маркса аккумулировала все духовное богатство человеческой культуры, то его сердце болело страданиями всего человечества. Опасения Гейнха Маркса были напрасными: сердце его сына вполне соответствовало его голове!

Кстати, как раз в «Оправдании мозельского корреспондента», где Маркс заговорил «голосом нужды»,

он, по всей видимости, вспоминает об адвокатской практике своего отца, его выступлениях в защиту справедливости, когда приводит примеры бюрократического произвола властей в родном Трире. (Подробное об этих примерах говорилось в главе «Размышления о призвании».)

Марксизм не мог бы сформироваться в научное мировоззрение, если бы у своих истоков он не питался живительными соками самой жизни. Но простого эмпирического обобщения фактов «самой жизни», конечно, было недостаточно. Счастливая особенность Маркса заключалась в том, что он обладал способностью освещать «эмпирию» с самых больших высот теоретической мысли, и, напротив, конкретный анализ конкретной действительности становился у него основой для движения к новым высотам обобщений, для поиска соответствующей теории.

Эмоциональные впечатления от неустroенности мира, от страданий отдельных лиц побуждали его искать объяснения этой неустroенности, вскрывать его противоречия, «видеть действия объективных отношений там, где на первый взгляд кажется, что действуют только лица».

К самому Марксу относятся слова, сказанные им о демократической печати, которая должна относиться к «условиям жизни народа как *разум*, но не в меньшей степени и как *чувство*», которая «говорит поэтому не только разумным языком критики», наблюдая существующие отношения, «но и полным страсти языком самой жизни».

По самой логике вещей вслед за своими газетными выступлениями против произвола бюрократии и мимо либеральных жестов монархии Маркс почувствовал потребность в теоретическом осмыслении со-

циального места и роли монархии и бюрократии. Это побудило его свести окончательные счеты с гегелевской теорией государства, с его верноподданническим отношением к монархии, с его идеалом конституционного деспотизма.

Большая рукопись «К критике гегелевской философии права» была закончена летом 1843 года. Но, по всей видимости, работать над ней Маркс начал еще во второй половине 1841 года, то есть после окончания университета. В ней мы находим ту самую критику «ублюдка» конституционной монархии, о которой Маркс сообщал Руге в марте 1842 года. Маркс, очевидно, продолжал работать над статьей о гегелевской философии права и во время сотрудничества в «Рейнской газете»: многие идеи и мысли, высказанные в этой статье, почти текстуально совпадают с идеями публицистических работ того периода.

Если на страницах газеты Маркс подверг уничтожающей критике конкретные, частные стороны прусской государственной машины в ее действии, то в рукописи о гегелевской философии права он подвергает критике самый принцип монархического и бюрократического государства. Он бьет не по отдельным щупальцам прусской деспотии, а направляет удар в ее центр — институт частной собственности, поддерживаемый и освящаемый кастой чиновничества.

Чтение работы о гегелевской философии права представляет собой жестокое испытание для читателя, незнакомого с языком гегелевской философии. Однако она содержит обилие чрезвычайно глубоких и интересных мыслей, которые не потеряли свое значение и по сей день.

Остановимся лишь на ключевых направлениях Марксовой критики.

В центре ее находится критика монархии и монарха. Монарх у Гегеля служит олицетворением государства, он стремится представить его подлинным «богочеловеком», подлинным воплощением идеи государства, которая заключается, по Гегелю, в том, чтобы представлять интерес всех граждан государства, осуществлять «всеобщий интерес».

Гегель впадает здесь в абсурдное противоречие с самим собой. Если один человек олицетворяет собой все государство, то не означает ли это, что прочие граждане обезличены? Когда суверенитет власти сосредоточен в одном лице, то прочие лица лишены суверенитета. Когда один человек возводится в ранг «богочеловека», то это значит, что все общество находится в нечеловеческом, дочеловеческом, животном состоянии, аналогично тому как в религии суверенитет бога превращает человека в «раба божьего».

«Суверенитет монарха или народа, — вот в чем вопрос!»

Абсурдность концепции Гегеля проявляется даже в том, что, желая последовательно провести идеалистический принцип, он впадает в самый грубый «материализм».

Самодержец осуществляет идею государства в своем лице. Но почему именно он оказывается счастливым избранником идеи? По наследственному признаку, по признаку тела. Высшей же функцией тела является деятельность по воспроизводству рода. «Высшим конституционным актом короля является поэтому его деятельность по воспроизведению рода, ибо ею он и производит короля и продолжает свое тело. Тело его сына есть воспроизведение его собственного тела, сотворение королевского тела».

Так государство в своих высших функциях получает 131

своего рода «зоологическую действительность». Так природа мстит Гегелю за проявленное к ней презрение.

Единовластие, как показывает Маркс, покоится на бюрократической иерархии, сам глава государства лишь завершающая точка на пирамиде бюрократии. Гегель не раскрыл природы этого явления да и не мог этого сделать в силу своего политического умонастроения, — Маркс восполняет этот пробел, проникая в святая святых деспотического государства.

Бюрократия есть «сознание государства», «воля государства», «могущество государства». Она выступает внешне как представитель и хранитель «всеобщего интереса», хотя это мнимая всеобщность, за которой кроется интерес определенной привилегированной группы, или, как говорит Маркс вслед за Гегелем, — «корпоративный дух».

Бюрократы — священнослужители государства. Всякая вещь приобретает у них двойственное значение: реальное и тайное, скрытое от глаз непосвященных. Поэтому «всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство».

Соблюдение этого таинства обеспечивается изоляцией бюрократии от внешнего мира замкнутым и «корпоративным духом», а в собственной ее среде соблюдение таинства обеспечивается ее иерархической организацией. Нарушение «корпоративной» тайны, «открытый дух государства» представляются бюрократии предательством. «Ее иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низшие круги во всем, что касается знания частных дел; низшие же круги доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение».

132 Однако «знание» бюрократии не покоится на

научном знании: действительная наука представляется бюрократии бессодержательной. «Знание» бюрократии покоится на вере в авторитет, слепом подчинении, механизме твердо установленных формальных действий, готовых принципов, воззрений, традиций.

«Авторитет есть поэтому принцип ее знания, и обоготворение авторитета есть ее образ мыслей».

Таким образом, деспотическое государство существует в виде системы определенных бюрократических сил, связанных между собой посредством субординации и слепого подчинения.

Этот Марксов анализ государства волюн или неволею приводит к выводу, что низвержения одного монарха еще недостаточно для «очеловечивания» политической жизни страны, для этого нужно разбить всю бюрократическую пирамиду, которая, в свою очередь, зиждется на институте частной собственности, социальном и экономическом неравенстве. Совершенно ясно, что критика Марксом государства захватывает не только деспотию монархии, но и буржуазную демократию.

Маркс характеризует полицейско-бюрократическое государство как нечто чуждое жизнедеятельности народа, отделенное от «гражданского общества», стоящее над ним, в то время как принципом государственного строя должен быть сам народ, должен быть человек.

В письмах к А. Руге, написанных в тот же период, что и «К критике гегелевской философии права», Маркс провозглашает «переход к человеческому миру демократии». Он ясно видит, что «система промышленности и торговли, система собственности и эксплуатации людей» ведет к глубокому расколу

внутри общества, от которого «старая система не в состоянии исцелить».

Но если для Маркса была очевидной гнилость существующего строя, подлежащего уничтожению, если для него, стало быть, не существовало вопроса «откуда отправляться», то на вопрос «куда идти?» он еще не мог дать ясного ответа. Найти его в полуфеодальной Германии было трудно.

Поиск истинного лозунга борьбы мог бы быть успешным лишь в процессе выработки научного, материалистического взгляда на всю социальную историю человечества.

В ПОИСКАХ „ИСТИННОГО ЛОЗУНГА БОРЬБЫ“

... Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов.

Карл Маркс

И какими путями шел Маркс к выработке материалистического взгляда на историю?

Здесь нужно сказать прежде всего о Людвиге Фейербахе, которого Маркс еще в самом начале 1842 года в одной из своих статей провозгласил вдохновенным глашатаем атеизма, материализма и гуманизма — «чистищем нашего времени», «огненным потоком» на пути к свободе и истине. («Фейер» — по-немецки «огонь», «бах» — «река, поток».)

Он бросил призыв «спекулятивным теологам и философам», то есть богословам и идеалистам: «Освободитесь от понятий и предрассудков прежней спекулятивной философии, если же-

лаете дойти до вещей, какими они существуют в действительности».

Книгу Людвиг Фейербаха «Сущность христианства» Маркс прочел летом 1841 года. О том, какое воздействие она оказала на младогегельянцев в то время, хорошо сказано у Энгельса.

Эта книга «одним ударом» рассеяла противоречия, в которых путались младогегельянцы, и без обвиняков провозгласила торжество материализма. «Природа существует независимо от какой бы то ни было философии. Она есть та основа, на которой выросли мы, люди, сами продукты природы. Вне природы и человека нет ничего, и высшие существа, созданные нашей религионой фантазией, это — лишь фантастические отражения нашей собственной сущности. Заклятие было снято; «система» была взорвана и отброшена в сторону, противоречие разрешено простым обнаружением того обстоятельства, что оно существует только в воображении. Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербахианцами».

Это яркое высказывание Энгельса не следует толковать упрощенно, применительно к духовному развитию Маркса в том смысле, что вот стоило только Марксу прочесть Фейербаха, и вдруг сразу, за одну ночь вчерашний идеалист-младогегельянец повернулся на сто восемьдесят градусов и стал материалистом.

Для человека со складом глубокого и самостоятельного мышления, каким был Маркс уже в молодые годы, смена принципиальных теоретических убеждений не могла быть вопросом момента и чисто внешне-го влияния.

Он не принадлежал к тем людям, которые готовы сразу на веру принять новые принципы, если даже они убедительно и вдохновенно изложены. Как всякий истинный ученый-теоретик, он не перенимал «чужих» убеждений, он создавал свои собственные. Прежде чем окончательно принять новую теоретическую идею, он должен был выстрадать ее в муках нщущей и беспощадной к самой себе критической мысли. При этом новые принципы не просто «добавляются» к старым, а требуют переоценки всего накопленного духовного богатства, они должны занять свое собственное место во всей системе мировоззрения, причем перестройке подвергаются и система и принципы, чтобы их «совместимость» была полной.

Если такой подход был характерен для Маркса в отношении любого, даже самого незначительного нюанса мысли, то тем более это следует иметь в виду при оценке важнейшего поворотного пункта в его философских убеждениях.

Путь Маркса к материализму не прост и не одиозен. Не одни только Фейербах сыграл здесь решающую роль. К материализму Маркса веда многолетняя и сложная духовная эволюция, критическое усвоение достижений всей предшествующей философской культуры, война с религиозным мировоззрением, постоянное сражение с величественной системой Гегеля сначала во имя ее модернизации, а затем во имя ее преодоления.

Неудовлетворенность «спекулятивностью» гегелевской философии, поиск более тесного союза философии с «миром», поиск непротиворечивой теоретической основы атенстических убеждений — все это побудило Маркса обратить свой взор к материализму уже в его докторской диссертации. Однако про-

явившиеся здесь симпатии к античному материализму теоретически еще не осознаны.

«Сущность христианства» и другие произведения Фейербаха, бесспорно, послужили могучим добавочным стимулом к работе мыслей Маркса в том именно направлении, в котором они уже были ориентированы.

Но, пожалуй, самый большой импульс в том же направлении Маркса дала его кипучая публицистическая деятельность в «Рейнской газете», занятая им позиция пламенного трибуна угнетенных слоев населения, его стремление разобраться в сложном столкновении и переплетении политических и социальных сил, сословных стремлений и материальных интересов.

Материализм Фейербаха так же мало мог помочь в этом, как и философия права Гегеля. Фейербах оставался идеалистом как раз в той области, в которой Маркс хотел прежде всего разобраться, — в области общественных отношений. Здесь Фейербах оказался, по существу, даже ниже Гегеля.

Интересно проследить, как ищущая мысль Маркса бьется в поисках ключа к объяснению общественных отношений, нащупывая зерна истины.

В начале 1842 года Маркс пишет о том, что необходимо говорить «языком самого предмета», относиться «ко всякой вещи так, как того требует *сущность самой вещи*», что истина заключается в понимании вещей, «какими они существуют в действительности».

Материалистическая тенденция этих высказываний несомненна, но материализм здесь проявляется в самой абстрактной форме и не затрагивает социальных вопросов.

138 Осенью 1842 года, работая над статьей о краже

леса, Маркс сталкивается с необходимостью более глубоко разобраться в природе правовых отношений, задумывается о взаимосвязи между собственностью и правом. Раз частная собственность дает право на господство над личностью, на юридические и государственно-административные санкции против неимущих, значит, именно она определяет политические и юридические институты? Такой вывод напрашивается, но сам Маркс его еще не формулирует.

В начале 1843 года Маркс более определенно приближается к истинному пониманию механизма общественных отношений. Защищая мозельских виноделов, он показывает, что социальная несправедливость вызывается отнюдь не деятельностью отдельных лиц самих по себе, что в образе этих лиц «выступает вся жестокость современных отношений», что эти отношения являются *«всеобщими, невидимыми и принудительными силами»*.

Эти отношения столь же независимы от воли отдельных лиц, как «способ дыхания». Следует искать не добрую или злую волю на стороне официальных лиц и на стороне бедняков, а «видеть действия объективных отношений».

Маркс приходит к мысли, что такой подход позволяет разбираться в запутанных социальных коллизиях с той же приблизительно достоверностью, с какой химик определяет «коллизии» химических соединений. «Раз доказано, что данное явление с необходимостью порождается существующими отношениями, то уже нетрудно будет установить, при каких *внешних условиях* оно должно было действительно осуществиться и при каких оно осуществиться не могло, несмотря на то, что уже имелась потребность в нем».

Если еще совсем недавно Маркс в отсутствии сво-

боды печати видел камень преткновения для решения социальных проблем, то теперь в соответствии с найденным материалистическим подходом он, напротив, полагает, что необходимость свободы печати вытекает из особенностей бедственного положения приморского края.

С этих материалистических позиций Маркс критикует гегелевский «пантеистический мистицизм», где «не мысль соотнобразуется с природой государства, а государство соотнобразуется с готовой мыслью». Маркс полагает, что содержание государства в своих различных формах должно быть объяснено не из него самого, не из «идеи государства», а из сферы материальных отношений — семьи и «гражданского общества».

Кажется, искомый ключ к объяснению общественных явлений уже найден, сделан большой шаг вперед и по сравнению с Гегелем и по сравнению с Фейербахом. В хаосе социальных сил, субъективных стремлений, борьбы индивидуальных страстей и идей начали проступать перед умственным взором Маркса контуры объективной закономерности.

Но пока это лишь контуры, очертания которых смутны, расплывчаты, неопределенны. Мало сказать народу, что причина его бедственного положения кроется в объективных отношениях, надо раскрыть их природу, показать путь к освобождению, дать «истинный лозунг борьбы». В чем он заключается? Где та сила, на которую может опереться «угнетенное сословие»?

Мысль Маркса продолжает биться над уяснением социальных проблем, но наталкивается на «потолок»: дают себя знать пробелы в области политической экономики, истории и теории социальных отношений, в области учений социалистов-утопистов и представителей утопического коммунизма.

Марксизм — это цельное и стройное учение. Марксизм и формировался как цельное учение, как органическая система, в которой часть не возникает раньше целого, а развивается и совершенствуется вместе с ним по типу того, как это происходит с зародышем живого организма.

Было бы наивно думать, что сначала возник диалектический материализм, затем научный коммунизм и политическая экономия, хотя интересы Маркса в течение его жизни действительно концентрировались преимущественно то на одной, то на другой области. Если Маркс начал выработку нового мировоззрения с философии, то все же решающий переворот в этой области стал возможен лишь в процессе формирования социальной и экономической стороны марксизма.

Это обстоятельство обнаружилось уже в период «Рейнской газеты». Как ни были обширны и энциклопедичны философские познания Маркса, этого духовного багажа оказалось явно недостаточно для решения тех вопросов, которые ставила жизнь, его оказалось недостаточно даже для того, чтобы добиться подлинного прогресса в самой философии. Маркс вынужден был обратиться к глубокому изучению социальных отношений как в действительной жизни, так и в теории.

Речь шла о социалистах-утопистах — прежде всего Сен-Симоне, Фурье и Оуэне, — которые прозорливо описали многие черты коммунистического общества (отсутствии частной собственности, классового антагонизма, эксплуатации человека человеком, превращение труда из проклятия в первую человеческую потребность, самоуправление и т. д.), но наивно полагали, что превратить капиталистическое общество в коммунистическое можно не революционным путем, а 141

«силой примера», проповедями, обращением в свою веру банкиров и фабрикантов, которые добровольно откажутся от собственности и отдадут ее неимущим в коллективное пользование¹.

Маркс, очевидно, еще со студенческой скамьи с некоторым недоверием относился к социальным утопиям, не чувствуя реальной связи их благих фантазий с жизнью полуфеодальной Пруссии. Если учесть к тому же, что в Германии идеи социального утопизма проповедовались нередко в путаной и даже мистической форме, то такое отношение было естественным.

Насущные практические задачи, решению которых

---

¹Очень интересно написал о социалистах-утопистах А. По-
лещук в книге «Обелиск». Изд-во «Детская литература», 1974.

Шарль Фурье
(1772—1837).

Маркс всецело посвятил себя в «Рейнской газете», сделал его настороженное отношение к утопизму еще более определенным. Он считал, что «правильная теория должна быть разъяснена и развита применительно к конкретным условиям и на материале существующего положения вещей». Ему претила позиция его бывших друзей — младогегельянцев, которые, «усевшись в удобное кресло абстракции», пускаются в общие рассуждения, вместо того чтобы «завоевывать свободу ступень за ступенью, внутри конституционных рамок».

Конечно, надежды на завоевание свободы таким образом были иллюзией, чего Маркс тогда еще не признавал, — он надеялся на сплочение всех «свободомыслящих практических деятелей» вокруг газеты и опасался, что «явная демонстрация против основ теперешнего 143

Роберт Оуэн
(1771—1858).

государственного строя может вызвать усиление цензуры и даже закрытие газеты».

Дело приняло, однако, такой оборот, что Маркс осенью 1842 года вынужден был публично высказаться по поводу идей утопического коммунизма.

К тому времени «Рейнская газета» опубликовала ряд выступлений, в которых высказывались социалистические идеи и даже выдвигалось требование «имущественного переворота». Мозес Гесс, в частности, сравнивал борьбу пролетариата против частной собственности с борьбой буржуазии против феодализма и утверждал, что эта борьба угрожает привести к национальной революции.

Аугсбургская «Всеобщая газета», конкурировавшая с «Рейнской газетой», ухватилась за этот повод, чтобы атаковать соперницу. Она издевалась над «богатыми

купеческими сынками» (Мозес Гесс был из купеческой семьи), которые по простоте души играют в социалистические игры, отнюдь, однако, не собираясь разделить свое имущество с кельнскими ремесленниками и грузчиками; «Всеобщая газета» вместе с тем доказывала, что надо иметь поистине ребяческое представление о вещах, чтобы в столь отсталой стране, как Германия, грозить среднему классу, едва начинающему свободно дышать, судьбой французского дворянства 1789 года.

Это был веский удар, рассчитанный на то, чтобы отпугнуть от «Рейнской газеты» ее буржуазных читателей и выставить ее в глазах правительства как «коммунистку».

В качестве главного редактора «Рейнской газеты» Маркс должен был дать отпор. Перед ним стояла сложная и тонкая дипломатическая задача: защитить уже занятые газетой позиции и в то же время успокоить шокированных «коммунизмом» подписчиков газеты.

Маркс язвительно замечает, что коммунизм отнюдь не должен служить салонной темой для элегантных фраз, он не пахнет розовой водой и носит грязное белье, но это не мешает ему быть важным современным вопросом.

Маркс решительно защищает мысль о новом сословии, то есть о пролетариате: «Что сословие, которое в настоящее время не владеет ничем, *требует* доли в богатстве средних классов, — это факт, который и без страсбургских речей и вопреки аугсбургскому молчанию бросается всякому в глаза на улицах Манчестера, Парнжа и Лёона».

Это первое упоминание о пролетариате в работах Маркса свидетельствует о том, что он уже в 1842 году

обратил внимание на его социальные требования — во Франции и Англии.

Однако какими путями пойдет разрешение «коллизии» между средним классом (буржуазией) и новым сословием (рабочими), тут Маркс еще не берется судить. «Мы не обладаем искусством одной фразой разделяваться с проблемами, над разрешением которых работают два народа».

Маркс четко разделяет две стороны вопроса: реальную проблему коммунистического движения как движения «нового сословия» и теоретическое освещение, пропаганду коммунизма. По отношению к этой второй стороне Маркс настроен критически. Но и здесь он чрезвычайно деликатен в выражениях. Заявляя, что «Рейнская газета» подвергнет идеи коммунизма основательной критике, что она не признает за ними даже теоретической реальности и, следовательно, еще менее может желать их практического осуществления, Маркс имеет в виду коммунистические идеи «в их теперешней форме».

Что именно не устраивало Маркса в утопическом коммунизме, можно представить себе из его саркастического замечания о некоем знакомом из аугсбургской газеты, который отдал в коммуны все свое состояние, «мыл своим сотоварищам тарелки и чистил им сапоги». Очевидно, речь идет о коммунах-фабриках фурийеристов, которые служили предметом для анекдотов и лишь дискредитировали идеи коммунизма. Маркс был прав, когда заявил, что такие «опыты» по-настоящему не опасны.

Суть его мысли, несколько завуалированной по цензурным соображениям, состояла в том, что необходимо искать такое теоретическое обоснование коммунистических идей, которое, овладев мыслью людей,

став их убежденным, могло бы устоять даже перед пушками. Маркс признается, что, прежде чем подвергать коммунизм теоретической критике, он намерен основательно изучить труды Леру, Консидерана (представителя французской социально-утопической мысли) и в особенности «остроумную книгу» Прудона.

Позднее он вспоминал: «... В это время, когда благое желание «идти вперед» во много раз превышало знание предмета, в «Rheinische Zeitung» послышались отзвуки французского социализма и коммунизма со слабой философской окраской. Я высказался против этого дилетантизма, но вместе с тем в полемике с аугсбургской «Allgemeine Zeitung» откровенно признался, что мои тогдашние знания не позволяли мне отважиться на какое-либо суждение о самом содержании французских направлений».

Для руководства «Рейнской газетой» от Маркса, которому тогда не было и двадцати пяти лет, потребовались не только более обширные и глубокие знания, но и качества трезвого практического руководителя, которые, казалось, были несвойственны его личности с неумным темпераментом борца.

Маркс доказал, однако, что вполне владеет сложным искусством твердой рукой направлять газету по единственно возможному руслу, умело лавируя между Сциллой цензуры и Харибдой¹ ультрареволюционных притязаний.

С такими притязаниями выступили берлинские

---

¹Сцилла и Харибда — два мифических чудовища, обитавших по обеим сторонам узкого пролива между Италией и Сицилией. В литературе — поэтическое выражение двойной опасности.

младогегельянцы, объединившиеся в кружок «Свободных».

Они посылали в газету «кучи вздора, лишённого всякого смысла и претендующего перевернуть мир», все это они приправляли крупичками плохо переваренного утопического коммунизма.

Маркс проявил твердость характера, решительно отвергая подобные «словонизвержения», при этом его не смутили отчаянные вопли «Свободных» о «консерватизме» и «предательстве» нового руководства «Рейнской газеты».

Для Маркса, как революционного демократа, было важно так поставить дело, чтобы газета стала центром всех оппозиционных сил в стране. «Свободные» же толкали газету к таким «крайним» действиям, которые привели бы ее к немедленному закрытию. В результате «поле сражения» осталось бы за полицией и цензурой.

Нужно знать, что представляли собой «Свободные», чтобы стала понятна жесткая позиция Маркса по отношению к этому кружку, среди членов которого вращались и его довольно близкие в прошлом приятели: Бруно Бауэр, Адольф Рутенберг, Фридрих Кёппен.

Кружок составляла разношерстная публика: здесь были либеральные журналисты, соперничавшие в остроумии, молодые поэты, грезившие туманными мечтами о новой политической заре, начинающие художники, приват-доценты, еще не успевшие задрапироваться в тогу академической премудрости, офицеры, не совсем поглощенные интересами казармы и конюшни, студенты, которым набили оскотину скучные лекции профессоров. Среди «Свободных» бывали и дамы, слышавшие за добрых товарищей и не морщившие носа,

Фридрих Энгельс. 40-е годы.

Берлинский кружок «Свободных» (рисунок Энгельса). Рисунок изображает драку между А. Руге (слева) и Б. Бауэром.

когда отпускалась вольная шутка или срывалось крепкое слово¹.

Собиралась эта публика в кабачке, где много пили, сплетничали и между делом столь же азартно уничтожали весь существующий строй. Крикливо демонстрируя свое презрение к филистерству, разыгрывая из себя личностей, свободных от всех «предрассудков» общества, бросаясь «ужасно революционными» фразами, эти богемствующие литераторы сами демонстри-

ровали лишь «взбесившееся филистерство» (Меринг).

Их клоунады превращались нередко в нечистоплотные фарсы. Они устраивали скандальные выходки, организовывали процессии нищих, выклянчивали у прохожих деньги на продолжение попойки, отправлялись в публичные дома и паясничали там, пока их не выдворяли.

Бруно Бауэр, который вместе со своим братом Эдгаром предводительствовал в проделках «Свободных», однажды во время венчания одного из своих приятелей подал священнику вместо обручальных колец кольца от своего бумажника.

Такими экстравагантностями, приводившими в священный трепет обывателей, Бруно Бауэр сопровождал свои не менее экстравагантные теоретические заявления о том, что государство, собственность и семья следует считать упраздненными в понятии.

«Освобождая» себя от «условностей» общества, проповедуя культ гордого индивидуума, стоящего над «толпой», «Свободные» не замечали, что вместе с тем они освобождали себя и от человеческого состояния, сами по уши барахтались в грязи. Против «социального свинства» общества они протестовали индивидуальным свинством.

Маркс, несмотря на всю свою неприязнь к морализующему филистерскому ханжеству, не мог относиться сочувственно к подобным формам протеста против него.

Его особенно возмущало, что «берлинские вертопрахи» с невероятным тщеславием и бахвальством рекламировали себя в качестве подлинных революционеров, коммунистов и освободителей человечества, дискредитируя тем самым великое дело.

Он выдвинул перед этими «героями свободы», которые желали превратить «Рейнскую газету» в орган беззащитной саморекламы, непреклонное и справедливое требование: поменьше расплывчатых рассуждений, громких фраз, самодовольного любования собой и побольше определенности, побольше внимания к конкретной действительности, побольше знания дела.

Маркс заявил, что считает неподходящим и даже безразличным приемом «Свободных» — вводить контрабандой коммунистические и социалистические положения, то есть новое мировоззрение, в случайные театральные рецензии и тому подобные уловки. Он потребовал «совершенно иного и более основательного обсуждения коммунизма, раз уж речь идет об его обсуждении».

Разрыв со «Свободными» стал фактом, но это не спасло «Рейнскую газету» от карающей длани правительства, раздраженного критическими выступлениями и, в частности, гневной статьей Маркса в защиту мозельских виноделов. Тучи над газетой сгущались.

Невзирая на «ужаснейшие цензурные мучительства», вопли акционеров, обвинения в лапидате, жалобы обер-президента области, Маркс оставался на посту, считая своим долгом, насколько это было в его силах, «не дать насилью осуществить свои планы».

Маркс готов был идти на некоторые компромиссы, если они позволяли газете сохранить свое лицо и достоинство и вести прежнюю линию, но, когда владельцы газеты настаивали на том, чтобы она проповедовала «умеренное» отношение к властям, Маркс запротестовал и вынужден был выйти из состава редакции. Из тактических соображений он мог

поступиться частностями ради спасения главного, ио никогда не поступался принципами.

Даже злейший враг газеты, ее цензор Сеи-Поль, терзавший редакцию самым бессовестным образом, не мог не признать высокого благородства, цельности характера и глубокой убежденности редактора Маркса. Донося правительству о выходе из газеты доктора Маркса, «ультрадемократические взгляды которого не совпадают с принципами прусского государства», Сеи-Поль отмечал, что «в Кёльне поистине не осталось ни одной личности, способной сохранить газету с ее прежним едиозным достоинством и энергично отстаивать ее направление».

Сам Маркс вздохнул с облегчением, покинув газету: он признавался Ариольду Руге, что стал задыхаться в этой атмосфере. «Противно быть под ярмом — даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того, чтобы драться дубинками. Мне надоело лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, считаться с каждой мелочной придиркой. Словом, правительство вернуло мне свободу».

Возможно, именно об этом периоде своей жизни вспомнил Маркс в 1865 году, когда в аикете, предложением дочери, на вопрос: «Ваше представление о несчастье?» — ответил: «Подчинение».

Уход из газеты означал для Маркса потерю последней возможности участвовать в политической борьбе на своей родине. А без этого дальнейшего пребывания в филистерской Германии, облизывавшей ботфорты кайзера, которыми он крепко придавил нарождающийся буржуазный либерализм, было совершенно бессмысленно.

Вот почему Маркс без колебаний и, пожалуй, да- 153

Прикованный Прометей. Аллегория на запрещение «Рейнской газеты».

же с радостью принимает решение покинуть Германию, где «люди сами себя портят», ибо «здешний воздух делает человека крепостным».

Имелось и еще одно очень веское основание для приподнятого настроения Маркса. Он твердо решил начать новый период своей жизни за пределами Германии вместе с Женни, которая самоотверженно ждала его все годы учения в университетах и работы в «Рейнской газете».

Сообщая о своих личных планах А. Руге в марте 1843 года, Маркс признавался ему: «Могу Вас уверить без тени романтики, что я влюблен от головы до

пят, притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже больше семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти — с ее пниетистски-аристократическими родственниками, для которых в одинаковой степени являются предметами культа и «владыка на небе» и «владыка в Берлине», отчасти — с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов».

19 июня 1843 года был подписан брачный контракт «между господином Карлом Марксом, доктором философии, проживающим в Кёльне, и фрейлейн Иоганной Бертой Юлией Женин фон Вестфален, без занятий, проживающей в Крейцнахе».

С этого дня Маркс обрел верного спутника всей своей жизни. Женин, по словам Энгельса, «...не только разделяла участь, труды, борьбу своего мужа, но и сама принимала в них участие с величайшей сознательностью и с пламеннейшей страстью».

Пробыв несколько месяцев в Крейцнахе, молодая чета отправилась в Париж, где Маркс вместе с А. Руге намеревались издавать журнал «Немецко-французский ежегодник».

«Итак, в Париж, в этот старый университет философии — *alsit omen!* (да не будет это дурным предзнаменованием!) — и новую столицу нового мира!»

КОММУНИЗМ КАК ЗАВЕРШЕННЫЙ ГУМАНИЗМ

... У входа в науку, как и у входа в ад,
должно быть выставлено требование:
*Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета*¹.

Карл Маркс

Париж 40-х годов прошлого века был политическим и культурным центром Европы. Сюда стекались революционеры и политические изгнанные из Польши, Италии, России, Германии. В отличие от Германии здесь все дышало революцией — как великими событиями недавнего прошлого, так и предчувствием новых социальных боев.

О Париже того времени молодой Энгельс писал так: «Одна лишь Франция имеет Париж — город, в котором европейская цивилизация достигла своего высшего расцвета, в котором сходятся нервные нити всей европейской истории и из которого через определенные промежутки

---

¹Данте. Божественная комедия.

времени исходят электрические разряды, потрясающие весь мир; город, население которого сочетает в себе, как никакой другой народ, страсть к наслаждениям со страстью к историческому действию, жители которого умеют жить, как самые уточенные эпикурейцы Афии, и умереть, как самые бесстрашные спартаицы. . .»

Пожалуй, нигде недовольство буржуазным порядком, поставившим своекорыстный чистоган на место высоких идеалов свободы, равенства и братства, не ощущалось так остро, как в Париже.

Не случайно именно здесь социальная мысль устремилась к теоретическому предвосхищению того общества, которое шло на смену капитализму. Вслед за Сен-Симоном и Фурье со своими утопиями выступили Кабе, Дезамы, Блаки, Прудон, Леру, которые пользовались большой популярностью как в среде передовой интеллигенции, так и в рабочих кружках и союзах. Пролетариат Франции оформился уже как могучая социальная сила, способная противостоять буржуазии.

Из Парижа открывались несравненно более широкие и более далекие горизонты исторического развития, чем это имело место в Германии. Естественно поэтому, что именно в Париже Маркс, если можно так выразиться, стал марксистом, здесь впервые были найдены и сформулированы решающие идеи научного коммунизма.

Чтобы создать революционную теорию, найти подлинный лозунг борьбы, нужно было обобщить опыт классовых боев прошлого. Этот опыт Маркс начал изучать еще в Германии, в Крейцнахе, но во Франции он получил для выполнения этой цели несравненно лучшие условия. Он штудировал труды 157

буржуазных историков — Тьерри, Минье, Гизо, Тьера и других, которые, как потом признавал Маркс, открыли существование классов и классовую борьбу в современном обществе. Он изучает также социальные теории Монтескье, Макиавелли, Руссо.

Если вся история есть история борьбы классов, то закономерно возникали вопросы: какой класс в современных условиях является носителем революционной энергии? За каким классом будущее? Каково это будущее?

Маркс вновь обращается к критическому изучению французского утопического социализма и коммунизма, который вел свое происхождение непосредственно от французского материализма. Уже Сен-Симон и Фурье подвергли основательной критике буржуазное общество как несоответствующее принципам гуманизма. Уже они обратили внимание на пролетариат, но видели, однако, в нем лишь угнетенное и страждущее сословие, достойное лишь жалости и благотворительности со стороны имеющих могущество и власть.

Так же как для Гегеля весь мир был выражением абсолютного духа, так для утопистов социализм был выражением абсолютной истины человеческих отношений. Так же как у Гегеля его превратный исходный пункт привел к созданию догматической системы, в которой абсолютный дух осознал себя, так же для утопистов в лице самых выдающихся из них (особенно для Фурье) все дело свелось к конструированию идеальных схем развития общества, которые остается только осознать, чтобы разрешить противоречия.

Преодоление Гегеля и преодоление социального утопизма отнюдь не были двумя рядом положенными 158 задачами: это была одна задача, решение которой,

в свою очередь, упиралось в поиски ведущего фактора развития человеческого общества.

Конструирование «готовых систем», «догматических абстракций», с которыми должна сообразовываться действительность, не устранило Маркса как в учении Гегеля, так и в социальных утопиях. Оба эти величайшие достижения человеческой мысли не были пригодны для того, чтобы стать орудием изменения мира. Оба они несли в себе свое собственное отрицание. У Гегеля этим отрицанием служил диалектический метод мышления, у социальных утопистов — их критика буржуазных отношений собственности как отношений, уродующих человека, не соответствующих его сущности.

Чтобы уяснить природу этих отношений не только с юридической, но и с экономической стороны, Маркс углубился в изучение буржуазной политической экономии: он анализирует работы Адама Смита, Рикардо, Мак-Куллоха, Джеймса Милля, Жана-Батиста Сэя, Скарбека, Дестют де Траси, Буагильбера. Добавочным толчком к занятиям политической экономией для Маркса послужила, очевидно, опубликованная в «Немецко-французских ежегодниках» статья молодого Фридриха Энгельса «Наброски к критике политической экономии», которую Маркс назвал гениальной.

В Париже Маркс получает возможность завязать личное знакомство с виднейшими деятелями политической оппозиции, с революционными демократами и социалистами — Л. Бланом, П. Леру, Г. Гейне, Ж. Прудоном, М. Бакунным.

Верный своему стремлению соотнести теоретическую критику с действительной, реальной борьбой классов, Маркс устанавливает связи с революцион-

ными кружками немецких ремесленников и французских рабочих. Полция в своих донесениях сообщала, что Маркс присутствовал на собраниях революционных рабочих у одной из парижских застав, недалеко от Венсеннского замка.

Революционные рабочие с большой симпатией относились к Марксу, чувствуя в нем решимость и последовательность настоящего политического борца, который знает, за что и как надо бороться. Один из руководителей парижских общин Союза справедливых, Август Герман Эвербек, писал: «Карл Маркс... без сомнения, по меньшей мере так же значителен и гениален, как Г. Э. Лессинг. Одаренный исключительным интеллектом, железным характером и острым 160 уверенным умом, обладая широкой эрудицией, Карл

Давид Рикардо
(1772—1823).

Маркс посвятил себя изучению экономических, политических, правовых и социальных вопросов».

Непосредственно знакомясь с жизнью рабочих, Маркс все сильнее проникался подлинным восхищением нравственной энергией, неутомимым стремлением к знанию и человеческим благородством рабочих-революционеров. В письме к Людвигу Фейербаху от 11 августа 1844 года он пишет: «Вам бы следовало присутствовать на одном из собраний французских рабочих, чтобы убедиться в девственной свежести и благородстве этих изнуренных трудом людей. Английский пролетарий тоже делает гигантские успехи, но ему недостает культуры, присущей французам. Однако я не могу также не отметить теоретических заслуг немецких ремесленников в 161

Швейцарии, Лондоне и Париже. Только немецкий ремесленник все еще чересчур ремесленник.

Но, во всяком случае, история готовит из этих «варваров» нашего цивилизованного общества практический элемент для эмансипации человека».

Маркс в отличие от утопистов видит в пролетариате отнюдь не предмет для сентиментальных излияний, а силу, способную на активное революционное действие.

Пролетариат — вот связующее звено между теорией и практикой, между философией и миром! Это открытие Маркс сформулировал в своей статье «К критике гегелевской философии права. Введение» — подлинном шедевре научной публицистики как по содержанию, так и по форме. Она, как и тесно примыкающая к ней по мысли статья «К еврейскому вопросу», была опубликована в начале 1844 года в «Немецко-французских ежегодниках».

Подлинно человеческое освобождение, утверждает Маркс в этих статьях, невозможно без уничтожения «всякого рабства», а пролетариат — это как раз тот класс, который находится в самом бесправном и угнетенном состоянии. Пролетариат не может эмансипировать себя, не освобождая все сферы общества.

Голова человеческой эмансипации — философия, ее сердце — пролетариат.

В этих статьях Маркс делает решающий шаг вперед — он находит и истинный лозунг борьбы, и ту «материальную» силу, которая способна претворить его в действительность, способна реализовать гуманистические идеалы человечества. В. И. Ленин оценил этот шаг Маркса как окончательный переход от идеализма и революционного демократизма к материализму и коммунизму.

Двадцатилетний Маркс поднялся к вершинам нового взгляда на мир. Это стало возможным после беспрецедентной теоретической работы мысли. Все наследие европейской культуры в области философии и общественной мысли было усвоено и критически переработано им. Маркс не оставил без внимания ни одного сколько-нибудь самостоятельного философа, начиная от Фалеса и кончая Фейербахом и Мозесом Гессом. Он усвоил все крупные исторические труды — от Геродота и Плутарха до Гизо и Тьера, он познакомился с социальными утопиями — от Платона до Леру и Вейтлинга. Он изучил важнейшие работы по политической экономии — от Адама Смита до Фридриха Энгельса. Маркс, наконец, охватил разностороннее богатство художественной культуры — от поэмы Лукреция Кара до поэзии Генриха Гейне, от трагедий Эсхила до драматургии Шекспира и от диалогов Платона до прозы Бальзака. Но одного этого усвоения оказалось бы недостаточно для выработки нового мировоззрения. Во все времена было немало кабинетных схоластов, до краев напичканных знаниями обо всем и вся, но не способных выдать ни единой собственной мысли. Маркс не только усвоил величайшие достижения человеческого гения, но сделал их орудием и методом творческого мышления, не знающего страха перед истиной и неутомимо стремящегося к ней.

И главное, Маркс сознательно встал на позиции сначала угнетенных крестьянских масс в Германии, а затем пролетариата, самого революционного и самого действенного из революционных классов всех времен.

Научный социализм (или, что то же самое, научный коммунизм) возник не только как обобщение и прак-

тическое осмысление духовных достижений человечества, но и (это обстоятельство в конечном счете оказалось решающим) как выражение определенных экономических и социально-политических тенденций в самой действительности буржуазного общества.

Имея в виду это обстоятельство, Ф. Энгельс писал: «Как всякая новая теория, социализм должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала, хотя его корни лежали глубоко в материальных экономических фактах».

Переход Маркса к решительной поддержке революционного пролетарского движения привел к разрыву с буржуазными демократами, и прежде всего с Ариольдом Руге. По остроумному замечанию Георга Гегеля, Руге остался «швейцаром гегелевской школы», представителем той «паутинообразной берлинской диалектики», которая не способна убить даже кошку.

При всем своем энергичном радикализме Руге был только филистером, который не прочь помечтать о свободе, но не желает платить за это из собственного кошелька. Путем продажи «Немецко-французских ежегодников» Руге надеялся извлечь немалый доход, а когда эти надежды рухнули, он впал в уныние, стал подозрителем, как лавочник, и в каждой издательской инициативе Маркса видел посягательство на свой бумажник.

При этом Руге не стеснялся использовать «величественное равнодушие Маркса к денежным вопросам» (Меринг) и, несмотря на крайнюю нужду Маркса, семейство которого росло (в мае 1844 года появилась на свет дочь Жени), не стеснялся выплачивать ему жалованье экземплярами «Ежегодников».

Главное же заключалось в том, что коммунизм Маркса вызывал в Руге панический ужас мещанина.

Освободившись от редакторских обязанностей в «Ежегодниках», Маркс с еще большим жаром отдается научным занятиям. Казалось бы, главное уже достигнуто — основы нового мировоззрения выработаны. Но для Маркса это только начало. Он стремится с новой точки зрения переосмыслить все прошлое, настоящее и будущее человечества. Он много читает, один план в его голове сменяется другим. Сначала он хочет вернуться к незаконченной рукописи о гегелевской философии права и осмыслить ее теперь уже с коммунистической точки зрения. Потом его целиком захватывает история Французской революции и он горит желанием написать историю Конвента. Наконец, он обращается к критике социалистов-утопистов и к критике политэкономов.

Его мысль работает столь интенсивно, что обгоняет только что написанное им. Он никогда не удовлетворен сделанным; чем больше он постигает, тем безбрежнее оказывается океан еще неизведанного. Чем больше вопросов он решает сам для себя, тем больше новых вопросов и проблем возникает в его голове.

Рукописи остаются незаконченными, мысль движется дальше, рождая новые идеи. Демон самокритики не позволяет Марксу выпустить в свет что-либо, если он не изучил вопрос досконально, во всех тонкостях.

А. Руге пишет об этом периоде занятий Маркса следующее: «Он читает очень много; он работает с необыкновенной интенсивностью и обладает критическим талантом, который подчас переходит в чрезмерный задор диалектики, но он ничего не заканчивает, он все обрывает на середине и всякий раз снова погружается в безбрежное море книг».

Это состояние необыкновенной напряженности 165

Карл Маркс читает лекцию в лондонском Просветительном обществе немецких рабочих (начало 50-х годов). Рис. Н. Н. Жукова.

научного поиска и постоянной неудовлетворенности сделанным и достигнутым угнетает Маркса, но он ничего не может с собой поделать. Он находит выход только в том, что работает с еще большей интенсивностью, проводя по нескольку ночей без сна. «Маркс сейчас так вспыльчив и раздражителен, — отмечает Руге, — что дальше некуда, в особенности после того, как дорабатывается до болезни и по три, даже по четыре ночи не ложится в постель».

Важнейшим результатом этих поисков явилась большая незавершенная работа, получившая название «Экономическо-философские рукописи 1844 года».

Эта работа еще несет на себе следы тех «родовых мук», в которых складывался марксизм, что проявилось, в частности, в терминологии, заимствованной у Гегеля и Фейербаха. Но сквозь ссохшуюся оболочку некоторых старых философских понятий явственно пробиваются побегι принципно нового взгляда на общество, такой интерпретации мира, которой мир еще не знал.

Здесь впервые осуществлен грандиозный синтез экономического, философского и социально-политического подходов к анализу общества. Здесь человек поставлен в центр всего рассмотрения и предстает в сплетении всей совокупности своих сложных отношений как с природой, так и с обществом. Здесь ярко обрисованы нечеловеческие условия жизни человека в буржуазном обществе с точки зрения подлинного и последовательного гуманизма. Здесь гнев и страстность политического борца выступают в сплаве с аналитической зрелостью великого мыслителя.

Здесь реальный подход к конкретной действительности сочетается с охватом далеких горизонтов общественного развития. В этой работе поставлены такие

глубинные проблемы, которые сохраняют свое значение и через века.

Этим объясняется тот неослабеваемый интерес к «Экономическо-философским рукописям 1844 года», который имеет место в наше время среди философов, экономистов и социологов всех стран.

Богатство идей, заключенных в «Рукописях», таково, что не укладывается ни в самые подробные изложения, ни в самые объективные толкования: нужно самому прочесть это произведение (и не один раз!), чтобы насладиться смелостью, широтой и художественной красотой теоретической мысли, раздвинувшей и сломавшей барьеры односторонних представлений, узость застывших схем, скинувшей последние путы идеализма не только с толкования законов природы, но и с объяснения социального развития.

Маркс в этой работе исходит из уже достигнутого им взгляда, что объяснение всей истории человеческой жизни надо искать в материальных отношениях. Он конкретизирует его следующим образом: «...Все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике».

Производственная жизнь человека, его труд — вот что является пружиной социального прогресса. Труд человека осуществляется в различных формах, при разных социальных условиях. И наконец, «в общем и целом остается уже только два класса населения: рабочий класс и класс капиталистов».

На место абстрактного человека Фейербаха Маркс ставит пролетария. На место феербаховского отношения человека к человеку Маркс ставит отношения рабочего и капиталиста, отношения живого труда и накопленного труда (капитала).

В мире, где все продается и покупается, где власть денег верховна и абсолютна, рабочий сам является товаром. Он не обладает ни капиталом, ни земельной рентой, он обладает лишь трудом, и труд производит все богатство общества.

И вот этот реальный факт буржуазного общества Маркс и делает отправным пунктом своего анализа.

Рабочий производит материальное богатство. Но оно не принадлежит ему. Более того — это богатство не только отчуждено от рабочего, но и противостоит ему как чуждая, господствующая над рабочим сила, как капитал. Маркс называет этот факт отчуждением труда.

Чем больше рабочий трудится, тем больше становится созданный им мир богатства, но вместе с тем увеличивается и господство этого богатства над рабочим. Капиталист становится все могущественнее, рабочий — беднее и бесправнее.

Рабочий превращается в раба созданного им предмета труда. Его накопленный труд, выступая в виде капитала, денежного богатства, инаимает рабочего, дает ему средства к жизни, распоряжается его живым трудом и самой его жизнью.

Труд рабочего производит чудесные вещи, но он же производит унижение рабочего. Он создает дворцы, но также и трущобы для рабочих. Он творит красоту, но уродует самого рабочего. Он замещает ручной труд машиной для того, чтобы превратить самих рабочих в механически функционирующую машину. Чем замысловатее становится выполняемая им работа, тем большему умственному опустошению он подвергается.

Этот превратный мир, где вещь господствует над своим творцом, где отношения людей выступают

в форме отношений вещей, Маркс подвергнет впоследствии детальному анализу в «Капитале» и подготовительных к нему работах. Образ, родившийся в «Экономическо-философских рукописях», приобретет там еще более яркие и зловещие очертания: накопленный труд рабочего — мертвый труд — как вампир высасывает кровь живого труда...

Но обратимся к «Рукописям» и последуем вслед за мыслью Маркса. Отчуждение от рабочего результатов его труда есть лишь одна сторона дела. Другая, не менее важная, — в том, что сам живой процесс деятельности рабочего носит отчужденный характер, предстает как самоотчуждение его человеческой сущности.

Что это значит? Это значит — рабочий трудится не по собственному желанию, и его деятельность — это принудительный и вынужденный труд, в процессе которого рабочий принадлежит не себе, а своему работодателю.

В таком подневольном труде рабочий не развертывает свободно свою физическую и духовную энергию, а изнуряет себя, разрушает свое тело и свой дух. Он должен был бы по логике вещей удовлетворять в труде свою самую подлинно человеческую потребность — потребность к творчеству. Но труд служит для него лишь средством к удовлетворению самых элементарных потребностей.

Отчужденный характер труда наиболее ярко проявляется в том, что к нему относятся как к проклятию, его исполняют с отвращением, от него бегут, как от чумы.

В процессе труда — этой самой человеческой из потребностей — рабочий не чувствует себя человеком, он выступает здесь лишь как подневольное животное,

как живая машина. И напротив, вне труда, при выполнении своих элементарных, по существу животных функций — в еде, в питье, сне и т. д., — рабочий ощущает себя самым собой, свободно действующим человеком. «То, что присуще животному, становится уделом человека, а человеческое превращается в то, что присуще животному».

Так происходит самоотчуждение рабочего в процессе труда. А непосредственным следствием его служит отчуждение человека от человека, противоположность позиций рабочего и капиталиста.

Обычно проблему отчуждения и самоотчуждения труда у Маркса оценивают только с негативной стороны, как уничтожающую критику экономической действительности. Но в самой этой критике со всей определенностью проступают у Маркса те позитивные принципы, с которых он анализирует существующее, его представление о том, каким должен быть свободный человеческий труд и подлинно человеческие отношения, то есть его представление о коммунистическом обществе.

Труд должен быть, по мнению Маркса, не самоотчуждением, а самоутверждением человеческой личности. Он должен быть не средством к жизни, а ее сущностью, процессом, в котором человек полностью и всесторонне развивает свои способности. Не внешнее принуждение должно быть стимулом к труду, а глубокая внутренняя потребность к творчеству.

В конспекте книги Джеймса Милля «Основы политической экономии» — работе, которая непосредственно примыкает к «Экономическо-философским рукописям 1844 года», Маркс характеризует этот мир отчужденного человека лишь как карикатуру на подлинную сущность человека.

О том, как представлял себе молодой Маркс эту настоящую жизнь в мире, организованном «по-человечески», то есть в коммунистическом обществе, говорит следующий отрывок из «Выписок».

«Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства *двояким образом* утверждал бы и самого себя и другого: 1) ... во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным *проявлением жизни*, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость... 2) В твоём пользовании моим продуктом или в твоём потреблении его я бы *непосредственно* испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена человеческая потребность... другого человеческого существа. 3) Я был для тебя *посредником* между тобой и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобой как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твоё жизненное проявление и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно *утверждал бы и осуществлял бы* мою истинную сущность, мою человеческую, мою общественную сущность...

Мой труд был бы свободным проявлением жизни и поэтому наслаждением жизнью. При предпосылке частной собственности он является отчуждением жизни, ибо я тружусь для того, чтобы жить, чтобы добывать себе средства к жизни. Мой труд не есть моя жизнь».

Буржуазная политэкономия рассматривает как богатство лишь мир вещных материальных ценностей.

172 Для нее рабочий лишь средство для приращения бо-

гатства. Она увещевает рабочего смирять свои потребности, отказываться от жизненных удовольствий ради сбережения и накопления денег и вещей.

Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ходишь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты думаешь, любишь, теоретизируешь, поешь, фехтуешь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем больше становится твоё сокровище, твой капитал, приобретенные тобой вещи.

Без денег, без вещей человек, с этой точки зрения, ничто. Вещи и деньги придают ему вес и значение в обществе, они делают его значительным даже в собственных глазах.

Все то, чего не можешь ты, могут твои деньги. Они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть.

Маркс цитирует в своих «Экономическо-философских рукописях 1844 года» монолог Тимона Афинского, в уста которому Шекспир вложил слова о всемогуществе «желтого дьявола»:

Да, этот плут сверкающий начнет
И связывать и расторгать обеты,
Благословлять проклятое, людей
Ниц повергать пред застарелой язвой,
Разбойников почетом окружать,
Отличьями, коленопреклонением,
Сажая их высоко, на скамьи
Сенаторов. . .

Шекспир, по мнению Маркса, «превосходно изображает сущность денег», особенно подчеркивая два свойства:

деньги — это «видимое божество, превращение всех человеческих и природных свойств в их противоположность, всеобщее смешение и извращение вещей»;

деньги — это «наложница, всеветная, всеобщий сводник людей и народов... Они — отчужденная *мощь человечества*».

Эти идеи, навеянные поэзией Шекспира и Гёте, Маркс затем развил в работе «К критике политической экономии» и в «Капитале».

В мире, вывороченном наизуанку, в мире отчуждения приобретательство, как показал молодой Маркс, становится целью жизни, утилитарно потребительское отношение к вещам выступает вместо развития истинно человеческих потребностей.

Вещь становится мерой человека, а не человек мерой вещи. Вещное богатство замещает богатство человеческих способностей.

Мир отчуждения — мир грубых, примитивных потребностей, которые сводятся к обладанию. «Частная собственность сделала нас настолько глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является *нашим* лишь тогда, когда мы им обладаем», то есть едим, пьем, носим на своем теле и т. д.

На место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств — чувство обладания.

В результате не только в процессе труда вещи господствуют над человеком, они господствуют над ним и дома. Сосредоточивая свои интересы на вещах, человек не замечает, что становится их слугой, что они диктуют ему не только характер и темп труда, но и характер и стиль его отдыха, характер и стиль его личных отношений с людьми.

Снятие¹ отчуждения в мире, организованном по-человечески, будет означать не только изменение характера отношений человека с человеком, но и изменение всего содержания его жизни.

«Предположи теперь, — пишет Маркс, — человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д. Если ты хочешь наслаждаться искусством, то ты должен быть художественно образованным человеком. Если ты хочешь оказывать влияние на других людей, то ты должен быть человеком, действительно стимулирующим идвигающим вперед других людей. Каждое из твоих отношений к человеку и к природе должно быть *определенным*, соответствующим объекту твоей воли *проявлением* твоей *действительной индивидуальной* жизни. Если ты любишь, не вызывая взаимности, т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя человеком любимым, то твоя любовь бессильна и она — несчастие».

Буржуазную политическую экономию с ее самодовлеющим принципом стоимостного богатства Маркс заклеймил как последовательное проведение «отрицания человека».

В коммунистическом обществе вещное богатство становится тем, чем оно и должно быть, — не целью жизни человека, а лишь средством для полнокров-

---

¹ Снятие — гегелевский диалектический термин, в котором сочетается и отрицание и сохранение положительного содержания, переход его в новое качество.

ной человеческой жизнедеятельности. «... На место политико-экономического *богатства* и политико-экономической *нищеты* становятся *богатый человек* и *богатая человеческая потребность*».

К этой мысли Маркс потом будет не раз возвращаться в «Капитале» и подготовительных к нему работах. Высшей ценностью, высшим капиталом общества Маркс провозгласит не то, что человек производит, а самого человека, универсальность потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил индивидов. В коммунистическом обществе человек — самоцель всего общественного производства, а материальные ценности лишь средство, условие, базис для осуществления этой цели.

Раскрыв исходный пункт (самоотчуждение) и цель, Маркс намечает пути движения к этой цели, пути снятия отчуждения. Именно этот вопрос до сих пор служит предметом наиболее острых дискуссий среди социологов и марксологов разных стран.

Маркс совершенно ясно и недвусмысленно исходит из того, что снятие отчуждения прежде всего упирается в упразднение частной собственности. Частная собственность выступает как «материальное резюмирующее выражение отчужденного труда», как экономическое отчуждение.

Все нюансы и аспекты отчуждения в его различных формах (политическое, религиозное, философское, нравственное и т. д. отчуждения) аккумулируются в экономическом отчуждении. Вся кабала человечества находит свое выражение в кабале рабочего, в его отношении к производству. «Все кабальные отношения суть лишь видоизменения и следствия этого отношения».

Здесь Маркс, по существу, формулирует идею о ведущей роли производственных отношений в жизни общества.

Если для Гегеля все отчуждение сводилось к отчуждению идеи от природы, то и преодоление такого рода отчуждения возможно в «сознании» субъекта. Но оттого, что человек осознает кабальный характер своих отношений с миром, его отчуждение не исчезает, а только увеличивается.

Чтобы научиться плавать, недостаточно представлять себя плавающим; чтобы стать свободным, мало осознать себя свободным. «Для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие».

Маркс не сомневается, что «история принесет с собой это коммунистическое действие», но он не тешит себя иллюзиями, которые были столь свойственны утопикам, что упразднение частной собственности произойдет быстро и безболезненно. Историческое чутье безошибочно подсказывает ему, что это будет «весьма трудный и длительный процесс».

Частная собственность не возникла сразу, по мановению волшебной палочки, она прошла многовековой путь развития, принимая различные формы. Ее прогрессирующее развитие еще не закончилось. Она приняла теперь форму промышленного капитала, и в этом виде ей еще предстоит разрастаться, пока она не проникнет во все поры общества и не подчинит их себе, пока она не станет «всемирно-исторической силой в своей наиболее всеобщей форме».

В этом развитом виде, полная жизнь, частная собственность порождает свою смерть, свою противо-

положиость — угнетенный, отчужденный труд промышленных рабочих.

С этого момента она движется к своему упразднению, но путь к смерти для нее аналогичен пути к зрелости: он выступает в различных формах, стадиях, ступенях становления коммунизма.

В своей первой форме коммунизм, как показывает Маркс, имея в виду, очевидно, первые опыты создания общин (коммун) бедняков в Америке и в Англии, выступает в качестве уравнительного. Протест против варварства частной собственности этот коммунизм выражает варварскими средствами. Он настолько еще находится «под впечатлением» частной собственности с порожденным ею неравенством, что хочет уравнивать и нивелировать всех (вплоть до общности жен!). Он стремится уничтожить все то, что отличает одного человека от другого, чем не могут обладать все.

Поэтому грубый казарменный коммунизм абстрагируется от таланта, от личности человека, он жаждет не упразднить отчужденный труд рабочего, а всех превратить в рабочих.

Такой коммунизм, «отрицающий» повсюду личность человека, является вместе с тем отрицанием «всего мира культуры и цивилизации». Его идеал — неестественная простота бедного человека, не имеющего потребностей. Этот идеал свидетельствует о «простоте», которая не только не возвысилась над уровнем частной собственности, но даже и не доросла до нее.

Противоположность труда и капитала при такого рода коммунизме не упраздняется. Труд (в своей самой элементарной форме) выступает как предназначение каждого, а капитал — как «всеобщий капитал», как «сила всего общества».

За работой. Рис. Н. Н. Жукова.

Маркс заклеил этот «грубый коммунизм» как проявление «гиусности частной собственности». Нетрудно понять, что и по сей день эта критика отнюдь не потеряла своей теоретической и практической значимости, что она помогает бороться против опошления и дискредитации великих идей коммунизма любителями ультрареволюционной демагогии и казарменных методов осчастливливания человечества.

Вторая форма, о которой говорит Маркс, — это коммунизм, еще не потерявший своего политического характера. Он не «постиг еще человеческой природы потребности», все еще находится в плену у частной собственности и заражен ею.

Наконец, третья форма предполагает «положительное» упразднение частной собственности, как подлинное снятие отчуждения во всех его формах — на основе сохранения и развития всего богатства человеческой культуры и цивилизации. Такой коммунизм равен завершению гуманизма, он есть «подлинное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком».

Все движение истории есть действительный акт порождения этого коммунизма. Разрешение этой задачи «отнюдь не является задачей только познания, а представляет собой действительную жизненную задачу, которую философия не могла разрешить именно потому, что она видела в ней только теоретическую задачу».

Пройдет год, и Маркс сформулирует эту мысль в своем знаменитом афоризме: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

180 Пройдет полтора-два десятилетия, и Маркс в своих

экономических работах со всей глубиной и обстоятельностью разовьет те идеи, которые он высказал в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Это идеи о противоположности труда и капитала, о рабочем как товаре, о товарном фетишизме, о превращении рабочего в живую машину, в часть частичной машины. Это идеи об отчуждении человеческой личности в мире товарных отношений, где предприниматель выступает как олицетворенный капитал, а пролетарий — как олицетворенная рабочая сила.

Вместо философского понятия «отчуждение» Маркс все чаще будет употреблять четкие и однозначные категории экономической науки. Но это скорее вопрос терминологии, а не принципа.

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» — гениальный набросок нового мировоззрения, набросок программы, разработка которой станет делом всей последующей жизни Карла Маркса.

У этой работы Маркса особая судьба. Мир узнал о ней почти через девяносто лет после ее создания и почти через пятьдесят лет после смерти автора.

Но она привлекла к себе сразу же такое внимание, как будто была написана только что на самую животрепещущую тему современности. С тех пор в разных странах вышли горы книг, посвященных «Рукописям», и поток литературы о них все увеличивается, споры становятся все ожесточеннее. Кажется, что чем дальше мы удаляемся от момента написания этой работы, тем современнее она становится.

Проблемы, поднятые в ней, стали ареной, где сталкиваются самые различные взгляды на марксизм — от вульгарно-догматических до вульгарно-ревизионистских.

И вот что интересно: и та и другая «крайности» имеют нечто общее. Обе противопоставляют друг другу двух Марксов: молодого и зрелого. Только делают это по-разному: одни считают «истинным» молодого, другие же — зрелого.

И тот и другой подходы демонстрируют извращенное, примитивное понимание марксизма. Здесь сказалось то обстоятельство, что марксизм по инерции мышления измеряется застарелыми мерками. Но «Рукописи» и «Капитал» не противостоят друг другу, как две завершенные системы мировоззрения, где в центре одной стоит «гуманизм», а в центре второй — «экономизм».

Если они и противостоят друг другу, то лишь как исток и вершина, как произведение, где новый метод анализа общественных явлений нащупывается, — произведению, где он находится в действии, как произведение философско-экономическое — произведению экономическо-философскому.

Марксизм не доктрина, а метод, как любили подчеркивать его основоположники. Поэтому нельзя его понять, толкуя «готовые» формулировки из разных произведений. Живая душа марксизма может быть понята только в движении, в процессе образования идей, в непрестанном совершенствовании метода.

Доктринерская узость мышления не видит в «Капитале» «гуманизма», так как не понимает места этой работы Маркса во всем его наследии, не понимает, во имя каких человеческих идеалов ведет он кропотливое исследование «экономического человека». Она не видит Марксова гуманизма, так как привыкла почитать за «гуманизм» сентиментальную благотворительность философствующих маниловых.

182 С другой стороны, критики молодого Маркса,

страдающие той же узостью, не в силах оценить великое значение «Рукописей» в формировании марксизма. Они подозрительно морщат нос, когда слышат об «отчуждении» и «гуманизме», — достаточно ли марксистские эти понятия? Они не могут втиснуть богатство Марксовых идей в прокрустово ложе той примитивно-схематической интерпретации марксизма, которую только и способны понять, а потому склонны отделить «чистого» Маркса от «нечистого», «зрелого» от «незрелого».

Гуманизм Маркса не временное теоретическое увлечение, как желали бы думать вольные или невольные идеологи заклеянного Марксом «грубого коммунизма».

Гуманизм — это не привесок к марксизму, а само сердце марксизма, тот внутренний родник, который дает ему силу и жизнеспособность, который делает его мировоззрением миллионов, борющихся за счастье человечества.

Марксов гуманизм, как он предстает уже в «Рукописях», — это не фейербаховское обожествление любви. Это учение, продиктованное ненавистью ко всяческим формам угнетения и подавления личности, это учение, несущее в себе могучий заряд социальных преобразований.

«Экономическо-философские рукописи 1844 года» (и примыкающие к ним статьи в «Немецко-французских ежегодниках») означают важнейший узловый пункт в духовном развитии Маркса. Если работы, написанные до этого, характеризовали его путь к марксизму, то последующие работы характеризуют развитие, конкретизацию, разработку марксизма во всех своих частях и прежде всего в области политической экономии.

В. И. Ленин считал, что в 1844 году переход Маркса от идеализма к материализму и от революционного демократизма к коммунизму «совершается окончательно». Следовательно, 1844 год можно назвать годом рождения научного мировоззрения. Но мы не можем назвать года, когда развитие этого мировоззрения было завершено. Оно продолжалось во всех произведениях Маркса и Энгельса вплоть до их смерти. Оно продолжается и по сей день и будет продолжаться до тех пор, пока существует человеческое общество.

ГЕНИЙ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ

В о п р о с: Ваша отличительная черта?

К а р л М а р к с: Единство цели.

В о п р о с: Ваше любимое изречение?

К а р л М а р к с: Ничто человеческое мне
не чуждо.

В тому времени, как сложилось в основных чертах мировоззрение Маркса, сложилась и его личность — личность человека, в котором ученый и революционер были слиты воедино. Маркс был величайшим революционером в науке и первым ученым в революции. Он совершил поистине коперниковский переворот в философии и взглядах на общество, «заставил» революционную теорию и практику вращаться по орбитам строгой науки.

Маркс являл собой образец человека, который, проникнув глубже современников в культурное наследие прошлого и в достижения современной ему культуры, критически

переработав их, обогнал свое время значительно, чем кто-либо из его великих предшественников.

Будучи сам универсально развитой личностью, Маркс и в творческом отношении проявлял себя универсально. Трудно назвать такую область человеческой деятельности, которой не коснулась бы его ищущая мысль. Мы с полным правом говорим о Марксе как о философе и экономисте, социологе и историке, революционере и организаторе, публицисте и журналисте, лингвисте и литературоведе.

Мы знаем, что Маркс собирался, окончив работу над «Капиталом», написать «Логiku», работу по истории философии, книгу о творчестве Бальзака, драму, посвященную братьям Гракхам. Он оставил после себя оригинальные исследования в области математики, истории техники и технологии, он интересовался достижениями физики, химии, биологии, эволюционной теории.

Свои энциклопедические познания, универсально развитые способности Маркс с присущей ему целеустремленностью сфокусировал на решении экономических проблем, что стало главным содержанием его научных занятий. Но узкий специалист-профессионал никогда не смог бы создать нечто подобное «Капиталу».

Личность его была и внешне замечательна, что не могли не отметить люди, даже мимоходом знавшие Маркса и чуждые марксизму.

Русский либеральный литератор П. Анисимов в марте 1846 года встретился с Марксом в Брюсселе и так описал его: «Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения, — тип крайне замечательный и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове,

с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел, однако же, вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были угловаты, но смелы и самонадеянны, все приемы шли наперекор с принятыми обрядами в людских отношениях, но были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучащий как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые произносил...»

Двадцативосьмилетний Маркс произвел на Аниенкова сильное впечатление человека, убежденного в своем призвании властвовать над умами и вести их за собой, человека, который резко нетерпим к претенциозному невежеству различных «лжепророков» и «спасителей человечества».

Аниенков описывает заседание коммунистического корреспондентского комитета, на котором произошла стычка Маркса с Вильгельмом Вейтлингом — одним из теоретиков утопического коммунизма. Вейтлинг наделал много шума в Германии своими путаными, но яркими проповедями и вел за собой некоторую часть рабочих.

Отвечая на резкий вопрос Маркса, какими теоретическими основами он думает руководствоваться в своей деятельности, Вейтлинг начал сбивчиво объяснять, что целью его было не создать новые экономические теории, а открыть рабочим глаза на ужас их положения, научить их объединяться в демократические и коммунистические общины.

Внезапно Маркс с гневом стиснутыми бровями прервал Вейтлинга и саркастически заметил, что возбуждать население, не давая ему никаких твердых, продуманных оснований для деятельности, значило

просто обманывать его. Обращаться к рабочему без строго научной идеи и положительного учения равносильно пустой и бесчестной игре в проповедники, при которой, с одной стороны, полагается вдохновенный пророк, а с другой — допускаются только ослы, слушающие его, разинув рот.

Краска выступила на бледных щеках Вейтлинга, он начал напыщенно говорить о своих заслугах и заметил, в частности, что, может быть, скромная подготовительная его работа важнее для общего дела, чем критика и кабинетные анализы доктрин вдали от страдающего света и бедствий народа.

При последних словах взбешенный Маркс ударил кулаком по столу так сильно, что зазвенела и зашаталась лампа на столе, и вскочил с места, проговорив: «Никогда еще невежество никому не помогло!»

Многих людей, встречавшихся с Марксом, шокировала та резкость, с которой он произносил «приговоры» над лицами и доктринами. Мемуаристы и биографы Маркса из числа филистеров часто сетовали по поводу нетерпимой суровости его характера, «диктаторских» замашек, «мефистофельского» презрения к инакомыслящим и т. д.

Споры, которые вел Маркс со своими оппонентами, действительно довольно часто получали сильную эмоциональную окраску. Для Маркса — прирожденного политика и революционера — общественная наука была областью, где столкновения мнений выступали как столкновения различных социально-классовых позиций, а не академически-бесстрастные и фарисейски-вежливые диспуты приват-доцентов, которые стремятся в совершенстве овладеть искусством строить хорошую мину при плохой игре.

188 В вопросах, касающихся принципа, суд Маркса не

был снисходительным, даже если речь шла о людях, с которыми его связывали давние товарищеские отношения. Будучи сам исключительно цельной натурой, Маркс не пользовался двумя мерками для оценки чужих поступков: одной — в «человеческом» плане, а другой — в научном, «деловом». Человек, который «оступался» в вопросах научной теории либо революционной практики, тем самым в глазах Маркса совершал и нравственный проступок, терял его уважение не только как мыслитель или революционный деятель, но и как личность.

Нечестность кого-либо в личных отношениях служила Марксу веским основанием для того, чтобы не доверять такому человеку также в научном и политическом отношении.

Древняя максима: «Платон мне друг, но истина дороже» — нашла свое полное воплощение в отношениях Маркса с его приятелями. Измену истине он не прощал никому. Расхождения в научных вопросах вели у него в конце концов к разрыву приятельских отношений, а затем и к острой полемической борьбе.

Так было с Б. Бауэром, А. Рутенбергом, А. Руге, П. Прудоном, М. Бакуниным, М. Гессом, В. Вейтлингом, Г. Гервегом.

Молодой Маркс шел вперед в своем духовном развитии так быстро, что его вчерашние единомышленники сегодня оказывались уже позади. Но не этот факт сам по себе вызывал его полемический гнев: он отнюдь не был человеком, который кичится своими знаниями и способностями, он всегда мог понять и извинить невежество незнания, но никогда не прощал самодовольной и воинствующей амбиции ученых невежд, претендующих на то, чтобы поучать и вести за собой других. В таком случае невежество переставало

Пьер Жозеф Прудон
(1809—1865).

быть личным недостатком и представляло опасность социальную. Для его разоблачения Маркс не жалел никаких усилий.

Он обладал почти безошибочной интуицией в оценке того или иного лица. Он отчетливо видел не только социальную позицию, которую это лицо занимает в данный момент, но предвидел, куда эта позиция заведет человека в будущем. Его критические выпады могли показаться поначалу незаслуженными, но проходило время, и оказывалось, что Маркс был прав.

«Террорист» мысли Бруно Бауэр сделался впоследствии сотрудником реакционной «Крестовой газеты», Адольф Рутенберг, начавший свою карьеру как политический мученик, докатился до редактора «Прусского государственного вестника», Ариольд Руге, который в начале сороковых годов на страницах своих изданий бил в колокол политической борьбы, стал к концу жизни сторонником Бисмарка.

М. А. Бакуинин.
(1814—1876).

замечанию Меринга, на их долю выпала одинаковая слава и одинаково печальный рок. В начале их деятельности Маркс, больше чем кто-либо, осыпал их похвалами, видел в их лице пробуждающееся самосознание рабочего класса. Но Вейтлинг так и не мог переступить ограниченного кругозора немецкого ремесленника, а Прудон — кругозора французского мелкого буржуа. Волна исторического развития отнесла их на мель, и они разошлись с Марксом, который блестяще завершил то, с чего они начали.

Маркс, однако, и после разрыва с Вейтлингом продолжал оказывать ему денежную помощь, хотя сам находился в очень стесненных условиях. Гесс писал в связи с этим: «Как я и ожидал от тебя, ты, несмотря на столкновения с Вейтлингом, не закрываешь перед ним кошелька, пока у тебя есть в нем что-нибудь». 191

Однажды Марксу показалось, что интуиция ему изменила: недоверие, которое у него вызывал Михаил Бакунин, не подтверждалось фактами революционной деятельности. Маркс тотчас же раскаялся в недружественной акции, которую он предпринял против Бакунина, будучи редактором «Новой Рейнской газеты». Маркс помирился с Бакуниным и «ломал копья в его защиту».

Прошли годы, и раскольничья позиция, занятая Бакуниным в Интернационале, показала, что интуиция не обманывала Маркса.

Маркс как-то заметил: «Я вступаю в дружбу лишь с очень немногими, но зато дорожу ею». Настоящих, верных друзей у него действительно было немного. Но зато какие это были кристально чистые и бесконечно преданные делу пролетариата люди! Вильгельм Вольф, Иосиф Вейдемейер, Вильгельм Либкнехт, Георг Веерт...

Маркс потому умел так сильно ненавидеть, что был способен на самые глубокие чувства любви и дружбы. Два человека играли в его жизни совершенно исключительную роль: любовь Женни и дружба Энгельса были для Маркса самым счастливым подарком судьбы.

Женни была ему не только женой, но и ближайшим другом, советчиком и первым критиком его произведений. Маркс (как и его друг Гейне) очень ценил ее юмор, ее тонкий эстетический вкус, ее обширные познания, которые в некоторых областях не уступали даже его собственным. Он восхищался литературным талантом Женни и считал ее настоящим виртуозом в эпистолярном искусстве.

Владея великолепным литературным стилем, в котором, по выражению В. Либкнехта, «соединялась не-

Вильгельм Вольф
(1809—1864).

годующая суровость Тацнта, убийственная шутка Ювенала и священный гнев Данте», Маркс тем не менее продолжал совершенствоваться в этом искусстве с помощью Женни.

Сохранилось одно очень любопытное письмо Женни Марксу, относящееся к июню 1844 года. В нем Женни оценивает стиль Маркса и дает ему советы. «Не пишн так желчно и раздраженно. Ты знаешь, насколько сильнее воздействовали твои другие статьи. Пиши по существу, но тонко, с юмором, легко. Пожалуйста, мой дорогой, мой любимый, дай перу свободно скользить по бумаге: не беда, если оно где-нибудь споткнется или даже целая фраза будет неуклюжей. Ведь мысли твои все равно сохранятся. Они стоят в строю, как гренaдeры старой гвардии, исполненные мужества и достоинства, и могут тоже сказать: «Гвардия умнрает, но не сдается». А что, если мундир будет сидеть свободно, а не стеснять? Как естествен-

193

но и непринужденно выглядят французские солдаты в их легкой униформе. И вспомни наших неуклюжих пруссаков, разве они не виушают тебе отвращения! Пусть легче дышится — ослабь ремень, освободи ворот, сдвинь шлем, дай свободу причастным оборотам, пусть слова ложатся так, как им удобней. Армия, идущая в бой, не обязательно должна маршировать по уставу. А разве твое войско не идет в бой?! Желаю счастья полководцу...»¹

По отзывам всех знавших их близко, Маркс и Жени были счастливой и веселой парой. Никакие страдания и испытания судьбы не могли ослабить и омрачить их любви. Напротив, несчастья, казалось, лишь усиливали их чувство. В зрелом возрасте Маркс продолжал питать к своей жене такую же нежную и пламенную влюбленность «неистового Роланда», как и в студенческие годы.

В 1856 году он пишет пылкое письмо ненадолго уехавшей в Германию Жени, которая к тому времени была уже сорокадвухлетней матерью довольно многочисленного семейства. Это письмо — замечательный человеческий документ по нежности и силе чувства. Оно настолько ярко характеризует личность Маркса, его юношескую, не стареющую с годами любовь к Жени, что стоит привести из него подробные выдержки.

«Моя любимая!

Снова пишу тебе, потому что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне отве-

---

¹ Цитируется по книге: П. Виноградская. Жени Маркс. М., 1966, стр. 93.

тить... Ты вся передо мной как живая, я иошу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю: «Я вас люблю, madame!» И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр (Отелло. — Г. В.). Лживый и пустой мир составляет себе ложное и поверхностное представление о людях. Кто из моих многочисленных клеветников и злоязычных врагов попрекинул меня когда-нибудь тем, что я гожусь на роль первого любовника в каком-нибудь второразрядном театре? А ведь это так. Найдись у этих негодяев хоть капля юмора, они намалевали бы «отношения производства и обмена» на одной стороне и меня у твоих ног — на другой. Взгляните-ка на эту и на ту картину, гласила бы их подпись. Но негодяи эти глупы и останутся глупцами *in seculum seculorum* (во веки веков. — Г. В.).

...Стоит только пространству разделить нас, и я тут же убеждаюсь, что время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению — для роста. Моя любовь к тебе, стоит тебе оказаться вдали от меня, предстает такой, какова она на самом деле — в виде великана; в ней сосредоточиваются вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств. Я виювь ощущаю себя человеком в полном смысле слова, ибо испытываю огромную страсть. Ведь та разносторонность, которая навязывается нам современным образованием и воспитанием, и тот скептицизм, который заставляет нас подвергать сомнению все субъективные и объективные впечатления, только и существуют для того, чтобы сделать всех нас мелочными, слабыми, брюзжащими и нерешительными. Однако не любовь к фейербаховскому «человеку», к молешотовскому «обмену веществ», к пролетариату, а любовь

Женни Маркс-Лонге
(1844—1883).

к любимой, именно к тебе, делает человека снова человеком в полном смысле этого слова.

Ты улыбнешься, моя милая, и спросишь, почему это я вдруг впал в риторику? Но если бы я мог прижать твое нежное, чистое сердце к своему, я молчал бы и не проронил бы ни слова. Лишенный возможности целовать тебя устами, я вынужден прибегать к словам, чтобы с их помощью передать тебе свои поцелуи. В самом деле, я мог бы даже сочинять стихи...

Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждала бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои бесконечные страдания, мою невозместимую утрату (имеется в виду смерть сына Маркса — Эдгара. — Г. В.) читаю я на твоем милом лице, и я преодолеваю это страдание, когда осыпаю поцелуями твое дорогое лицо. «Погребенный в ее объятиях, воскрешенный ее поцелуя-

Лаура Маркс-Лафарг
(1845—1911).

ми», — именно, в твоих объятиях и твоими поцелуями. И не нужны мне ни брахманы, ни Пифагор с их учением о перевоплощении душ, ни христианство с его учением о воскресении».

Женни, несмотря на обремененность семейными заботами, — неутомимый и безотказный помощник Маркса в его научной и политической работе. Много лет она его незаменимый секретарь, переписчик его сочинений и даже «гонец» по партийным поручениям. Она ведет переписку со многими деятелями международного рабочего движения и принимает близко к сердцу все, что связано с этим движением. Она с гордостью считает себя работником партии. В одном из писем к Лассалю она не без юмора замечает:

«Простите мне эту беглую мазню. У меня столько в голове и на руках, и еще много беготни мне предстоит в городе, что тоже задаст работу моим ногам

Элеонора Маркс-Эвелинг
(1855—1898).

на два-три часа. Вы видите, я все еще принадлежу к партии движения, к движущейся партии, к измеряющей мили партии, и помимо всего этого я — деятельный партийный пешеход или гонец, как хотите».

В доме Марксов, несмотря на более чем скромный быт, всегда находили прибежище, помощь и утешение политические эмигранты.

Вильгельм Либкнехт вспоминал: «Госпожа Маркс господствовала над нами (молодыми эмигрантами из Германии — Г. В.), быть может, еще сильнее, чем сам Маркс. В ней жила гордость, в ней жило чувство собственного достоинства... Она была для меня то Ифигенией, укрощающей и смягчающей варваров, то Элеонорой, дающей покой человеку, раздираемому внутренней борьбой и сомнениями; она была для меня матерью, другом, доверенным лицом, советницей. Она была и осталась для меня идеалом женщины. И повторяю, если я не погиб в Лондоне морально и физически, то главным образом благодаря ей».

Всех посетителей, друзей и знакомых Маркса Женни восхищала своей необычайной красотой, изяществом, остроумием. О ней восторженно отзывались поэты Гейне, Гервег, Фрейлиграт. И даже трезвые политические деятели становились поэтами, говоря о Женни. Портной Фридрих Лесснер, один из организаторов I Интернационала, писал так: «Дом Маркса был открыт для каждого заслуживающего доверия товарища. Те часы, которые я, как и многие другие, провел в кругу его семьи, для меня незабываемы. Тут прежде всего блистала жена Маркса — высокая, очень красивая женщина, благородной внешности и при этом такая задушевная, милая, остроумная, настолько свободная от всякого чванства и чопорности, что в ее обществе казалось, будто находишься у собственной матери или сестры. Она всей душой сочувствовала делу рабочего движения, и каждый, даже самый незначительный успех в борьбе с буржуазией приносил ей величайшую радость и удовлетворение».

И конечно, Женни, как никто другой, переживала все, что касалось ее мужа. Когда в реакционной немецкой прессе началась травля революционеров 1848 года и ядовитые клеветнические стрелы полетели в Маркса, — Женни была так потрясена, что заболела. После выхода первого тома «Капитала» она тяжело переживает полное замалчивание этого эпохального труда в Германии. Она болезненно переносит тот факт, что гений Маркса не находит достойного признания и за два года до смерти как ребенок радуется небольшой заметке о нем в английском журнале. Об этом Маркс с горьким удовлетворением вспоминал в письме к Энгельсу уже после смерти жены.

Когда Женни в конце 1881 года скончалась, Энгельс обронил многих тяжело поразившую фразу: «Мавр 199

умер тоже». Он знал, что эти люди буквально не могли жить друг без друга — и дни Маркса сочтены. Энгельс оказался прав.

Человечество сохранило много поэтических сказаний, саг и легенд о любви. В их число, как одно из прекраснейших явлений человеческого духа, следовало бы вписать историю любви Маркса и Женин.

В дружбе Маркс был способен на столь же цельное, постоянное, не стареющее с годами чувство, как и в любви. Маркс и Энгельс вместе прошли через все испытания судьбы, редко расставаясь надолго и делая совместно одно дело.

Хотя с внешней стороны жизнь Маркса, быть может, показалась бы не щедрой на яркие краски и необыкновенные события, но она вся исполнена огромного духовного напряжения революционера, политического деятеля, публициста, ученого, она вся — в кипении страстей, в борьбе и дерзании, в самоотверженном служении истине, делу пролетарской борьбы.

Его жизнь — это целая историческая эпоха в становлении классового самосознания рабочего класса Европы.

Карл Маркс был организатором первой (1847 год) ячейки коммунистической партии — «Союза коммунистов» и вместе с Энгельсом автором «Манифеста Коммунистической партии» — вдохновенной и ясной программы борьбы за переустройство общества. Его публицистические статьи на страницах «Новой Рейнской газеты» были смелыми борцами на баррикадах революции 1848 года. А с осени 1864 года Маркс, оставив научные занятия, с головой окунается в дела I Интернационала. Он — душа этого общества. «Объединяя рабочее движение разных стран, стараясь, направлять в русло совместной деятельности различные

формы непролетарского, домарксистского социализма (Мадзини, Прудон, Бакунин, английский либеральный тред-юнионизм, лассальянские качания вправо в Германии и т. д.), борясь с теориями всех этих сект и школ, Маркс выковывал единую тактику пролетарской борьбы рабочего класса в различных странах» (Ленин). Маркс с энтузиазмом юноши следил за парижскими коммунарами и анализировал деятельность Коммуны.

Все это уже само по себе опровергает буржуазный миф о Марксе как о кабинетном ученом. Нисколько не умаляя значение такого великого дела, как выработка научного мировоззрения, которому Маркс посвятил большую часть своей жизни, он никогда не жалел времени для непосредственной политической и организаторской работы.

Однажды один из друзей Маркса Людвиг Кугельман попытался убедить его воздержаться от всякой политической пропаганды и прежде всего заняться третьим томом «Капитала», так как для дела революции это важнее, — Маркс был возмущен и порвал всякие отношения с Кугельманом.

Его жизнь в политике была неотделима от жизни в науке, одна сфера деятельности оплодотворяла и стимулировала другую. И в той и в другой он одинаково беспощадно боролся за чистоту целей и средств, считая преступлением всякое отступление от этого.

Демагогическое использование революционных лозунгов для прикрытия эгоистических целей Маркс считал худшим преступлением против дела пролетариата. Он смертельно ненавидел фальшивый блеск тех хвастливых политиканов, которые любят одевать свою бездарность и пошлость в пышные фразы, окрашенные в розовые и красные цвета. За всем этим

Маркс безошибочно распознавал убогое и лицемерное филистерство.

Он не прощал не только фразу, но и позу. Маркс и Энгельс подвергали жестокому осмеянию лидера немецкой социал-демократии Фердинанда Лассаля с его погоней за дешевой популярностью, павлиньим самолюбием, с манерами провинциального актера, играющего гения и аристократа, с его смесью фризовольности и сентиментальности, торгашества и рыцарских замашек. Какими только язвительными прозвищами не награждали они этого «маркиза Позу»!

Аналогичным было отношение Маркса к французскому мелкобуржуазному политику и историку Луи Блану и английскому поэту Мартину Тапперу.

«Мы оба не дадим и ломаного гроша за популярность. Вот, например, доказательство: из отвращения ко всякому культу личности я во время существования Интернационала никогда не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги и которыми мне надоедали из разных стран, — я даже никогда не отвечал на них, разве только изредка за них отчитывал. Первое вступление Энгельса и мое в тайное общество коммунистов («Союз коммунистов». — *Г. В.*) произошло под тем неперменным условием, что из устава будет выброшено все, что содействует суеверному преклонению перед авторитетами. . . »

Человек познается не только в том, что он любит, но и в том, что он ненавидит, не только в своих симпатиях, но и в антипатиях. Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты.

Один из мелкобуржуазных демократов, Карл Шурц, слышавший выступление Маркса в 1848 году в Кёльне, на конгрессе демократических союзов, до

Фердинанд Лассаль
(1825—1864).

конца жизни запомнил тот резко саркастический тон, которым Маркс произносил слово «бюргер» (буржуа, мещанин, филистер).

В своих статьях, брошюрах, книгах, письмах Маркс воздал по заслугам целой своре филистеров. Он не раздумывал, достоин ли противник его критики, и часто ничтожных людей делал объектом своего неисчерпаемого остроумия. К Марксу целиком можно отнести слова Гейне, сказанные им о Лессинге: убивая своих противников, он тем самым дарил им бессмертие, он как бы обволакивал малюсеньких писателишек остроумнейшей насмешкой, восхитительнейшим юмором, и теперь они хранятся на веки веч-

ные в его сочинениях, как насекомые, попавшие в кусок янтара.

Филистеры (от Наполеона III до газетных репортеров) на протяжении всей жизни Маркса пытались мстить ему клеветой, травлей, измышлениями, а если это не помогало, то — замалчиванием его произведений. И все же, несмотря на все тяжелые испытания, Маркс с гордостью мог сказать, что никогда не уступал филистерству ни в чем, не находился у него «под пятой» и всегда был готов дать ему бой. «Да, вопреки всему, всему, — замечал он в одном из писем, — девиз *«филистеры идут на меня»* всегда будет для нас предпочтительнее девиза *«под пятой филистера»*».

Маркс был равным образом беспощадеи как к филистерству в политике, так и к филистерству в науке.

В науке филистерство проявляет себя прежде всего трусостью и низостью мысли, которая боится делать неизбежные выводы из наблюдаемых фактов, боится без оглядки следовать самой логике вещей, невзирая ни на какие посторонние науке соображения.

Филистер в науке озабочен не поисками истины, а тем, чтобы скрыть ее и фальсифицировать. Своей бессовестной апологетикой он тшится упрочить положение господствующих классов, а тем самым и свое собственное. Он хоронит истину в вязкой тине псевдоправдивой болтовни, он надежно облекает ее в одежды наукообразности.

Филистер стремится сделать науку орудием для достижения своих целей, ничего общего с наукой не имеющих, он использует ее «применительно к подлости». Но человека, «стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а *извне*, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми

науке, *внешними* для нее интересами, — такого человека я называю *низким*».

Эти слова, хлесткие, как удар бича, как звук пощечины, Маркс адресует ученым-фальсификаторам и бесстыдным торгашам от науки вроде Мальтуса, Рошера, Бастиа. К попу Мальтусу Маркс питает безграничное презрение за то, что «этот негодяй» извлекает из добытых уже наукой (и всякий раз им *украденных*) предпосылок только такие выводы, которые «приятны» господствующим классам. Он фабрикует научные выводы «с оглядкой» на эти классы, но его выводы становятся «безоглядно-решительны, беспощадны, поскольку дело касается угнетенных классов». Тут «он не только беспощаден, но *выставляет напоказ* свою беспощадность, циничски кичится ею».

Паразитируя на ниве науки, подобный «ученый» обычно обращается к плагиату, но и тут остается верен себе. «Человек, впервые открывший какую-нибудь идею, может, добросовестно заблуждаясь, доводить ее до крайности; плагиатор же, доводящий ее до крайности, всегда делает из этого «выгодное дело»».

В этом гневном обличении ученой низости мысли Маркс обнаруживает не только свои антипатии, но и симпатии: представление об облике подлинного ученого, о его бескорыстном и самоотверженном служении истине.

Самого Маркса можно с полным правом назвать олицетворением ищущей научной мысли. Творческое мышление было для него высшим жизненным наслаждением. И он всегда невыразимо страдал, когда что-нибудь отрывало его от научной работы. Даже изнуряющие, невыносимые боли от частых карбункулов и жестоких приступов болезни печени шли не

Карл Маркс. 1866 год.

в счет с теми страданиями, которые он при этом испытывал от вынужденного безделья.

Научная добросовестность Маркса была не только безупречной, но даже, как казалось Энгельсу, чрезмерной. Энгельс, сам в высшей степени добросовестный в научной работе, не раз выходил из себя от скрупулезности Маркса, не давшего в печать ни одной фразы, которой он не мог бы доказать десятью различными способами.

Великий мыслитель сочетался в Марксе с великим критиком, а этого критика он — как в юности, так и особенно в зрелом возрасте — обращал прежде всего против себя самого. «...Мие свойствениа, — признавался Маркс, — еще та особенность, что если я вижу что-нибудь уже написанное мною месяц спустя, то оно меня уже не удовлетворяет, и я снова все полностью перерабатываю».

Подготовительные рукописи к «Капиталу» показывают, что основные идеи первого тома (да и последующих) были найдены и изложены Марксом уже в 1857—1858 годах, но прошло десять лет напряженной работы, прежде чем этот том был наконец отослан в издательство.

К тому времени (1867 год) остальные тома, включая «историческую часть», то есть «Теорию прибавочной стоимости», были в такой степени готовности, что сам Маркс рассчитывал завершить всю работу максимум в течение года. Он так и не смог завершить ее до самой смерти (подготовка к печати второго и третьего томов «Капитала» пала на плечи Энгельса): оказалось прежде всего, что для одного из разделов необходимо познакомиться с русскими материалами, и Маркс занялся изучением русского языка.

Маркс вообще не считал себя вправе высказываться 207

по какому-нибудь вопросу, пока не проштудировал досконально всю относящуюся сюда литературу, независимо от «кальбра» авторов. В своем «Капитале» он поистине «творил суд истории», и каждому экономисту, как бы ни был мал его вклад, воздавал по заслугам.

«Капитал» — беспримерный труд, титанический уже только по широте охвата материала, ибо в нем синтезирована вся история экономической (и не только экономической) мысли во всех формах и проявлениях. В нем синтезирован весь путь предшествующего духовного развития Маркса, пройденный им в течение целой жизни, — все культурное наследие прошлого.

Этот труд является беспримерным и потому, что в нем впервые была вскрыта логика движения капиталистического способа производства к своей неизбежной гибели.

«Капитал» — это не только экономическое произведение. В нем проанализированы все отношения и стороны жизни буржуазного общества в единстве. В нем содержится прочная научная основа для политической борьбы рабочего класса за свое освобождение, для стратегии и тактики мирового коммунистического движения. Вот почему, по выражению самого Маркса, это «самый страшный снаряд», выпущенный по буржуазии, это вынесенный ей «смертный приговор», который не подлежит обжалованию.

«Капитал» представляет собой также шедевр в литературном и стилистическом отношении. Чтение «Капитала» доставляет глубокое эстетическое наслаждение. Сам Маркс назвал «Капитал» «художественным целым». И это верно не только в смысле композиции, стройности и строгой логичности изложения.

Это верно также и буквально, ибо Маркс проявил себя здесь мастером слова.

Маркс придавал большое значение литературной форме изложения своих мыслей. Он издевался над теми учеными, которые непременным атрибутом научности считают унылую сухость и казенность речи. Вместе с Вольтером он любил повторять, что все жанры хороши, кроме скучного.

В предисловии ко второму изданию «Капитала» Маркс привел оценки его литературного стиля в печати того времени. Даже явно враждебная его взглядам английская пресса отмечала, что в «Капитале» манера изложения придает самым сухим экономическим вопросам своеобразный шарм. В «Санкт-Петербургских ведомостях» говорилось, что стиль изложения Маркса отличается ясностью и необыкновенной живостью и что в этом отношении его работа «далеко не походит» на сочинения немецких ученых, написанных таким темным и сухим языком, от которого у обыкновенных смертных трещит голова.

Но если даже столь сложный предмет, с которым Маркс имел дело в «Капитале», он сумел изложить с завидной ясностью и образностью, если даже анализ форм стоимости, товарного фетишизма и всеобщего закона капиталистического накопления он умудрялся сдабривать юмором и иронией, то с каким ослепительным блеском обнаруживался его литературный талант в полемических и публицистических работах!

Маркс в совершенстве владел искусством строить сильную, динамичную и необычайно емкую фразу. Он с наслаждением отдавался игре слов, фейерверку каламбуров. Даже смертельно больной, он в одном из писем к дочери замечает, что не может в разговоре с ней обойтись без каламбура.

Учителями Маркса в области слова были Лессинг, Гёте, Шекспир, Данте, Сервантес, Гейне, которых он постоянно перечитывал. Но он был не просто послушным учеником: кое в чем он пошел дальше своих великих учителей.

Маркс, как никто из мастеров слова, умел «сделать чувства теоретиками», пронзять художественный образ глубокой мыслью. Как никто, умел обнажить напряжение диалектики уже в строении самого предложения. Он не изучает ситуацию сначала «с одной стороны», а затем — «с другой», а потом — в их «синтезе». Он в одном предложении, в одном образе стремится дать и «сшибку» сторон и их синтез. Он смело сталкивает как антиподы подлежащее и сказуемое, субъект и предикат, он заставляет их вступить в конфликт друг с другом и тут же превращаться в собственную противоположность.

В диалектическом салто-мортале понятий, в их выворачивании наизнанку — непревзойденная прелесть и непревзойденное своеобразие Марковского стиля.

«Религия — это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она — дух бездушных порядков».

«...Критика является не страстью разума, она — разум страсти. Она не анатомический нож, она — оружие».

«Делать идею предметом культа — еще не значит культивировать их».

«Цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель».

«Сапожник Яков Беме был большой философ. Некоторые именитые философы — только большие сапожники».

210 «Глупость и суеверие также титаны». Кажется, что

сама сокровенная суть общественных явлений в их возникновении и смерти, в их становлении и отрицании двигала рукою Маркса при написании этих и многих других подобных фраз, что сама Диалектика Жизни нашла свое наиболее адекватное и наиболее лаконичное выражение в диалектике понятий.

Здесь каждая фраза заключает в себе стремительно разворачивающуюся пружину мысли. Каждая фраза настолько емка, заключает в себе столько «снятого» содержания, рождающегося в столкновении образа и мысли, что приобретает афористичное звучание. Из афоризмов Маркса можно было бы составить целую книгу.

С той же афористичной лаконичностью, глубиной и иронией, переходящей нередко в сарказм, Маркс описывал и человеческие характеры. Его умению в нескольких штрихах дать глубокий психологический и социальный портрет личности мог бы позавидовать профессиональный литератор высокого класса.

К сожалению, художественное, стилистическое мастерство Маркса у нас еще очень плохо изучено. А изучение его помогло бы глубже проинкинуть в творческую лабораторию одного из величайших гениев человечества.

Маркс долго и тщательно «вылизывал» «Капитал», добиваясь максимальной полноты в охвате предмета и безукоризненной формы изложения. И все же не был вполне удовлетворен своим детищем. Он продолжал работу над совершенствованием первого тома «Капитала» и после его выхода в свет. Он один видел в нем такие недостатки, которые ускользали от глаз даже самых подготовленных и самых придирчивых читателей. «Демоны» сомнения и неудовлетворенности продолжал преследовать его до самой смерти, мешая вы-

пустить в свет уже готовый второй том и не давая закончить работу над третьим и четвертым томами.

Работа над «Капиталом» была настоящим человеческим и научным подвигом, особенно если принять во внимание те жизненные условия, в которых она велась.

Эмигрировав после подавления революции 1848 года в Англию, семья Маркса оказалась без средств к существованию. Нужда была настолько страшной, что когда в 1852 году умерла маленькая дочка Маркса, ее не на что было даже похоронить.

Одну из этих страшных дней лондонской эмиграции Женин «без прикрас» описала И. Вейдемейеру.

«Так как кормилицы здесь недоступны, я решила сама кормить своего ребенка, несмотря на постоянные ужасные боли в груди и спине. Но мой бедный малютка высасывал у меня с молоком столько забот и скрытого горя, что сам постоянно хворал, днем и ночью страдал от острых болей. С тех пор как он родился, он еще ни одну ночь не спал больше двух-трех часов. В последнее время к этому прибавились еще сильные судороги, и ребенок все время был между жизнью и смертью. Из-за этих мучений он так сильно сосал, что у меня заболела грудь, появились трещины на груди; часто кровь текла в его открытый, дрожащий ротик. Так сидела я с ним однажды, как вдруг появилась хозяйка нашего дома. Мы заплатили ей в течение зимы свыше 250 талеров, а остальные деньги, по контракту, должны были уплатить не ей, а ее лендлорду, который еще раньше описал ее имущество. Она отказывается от контракта и требует 5 фунтов стерлингов, которые мы ей еще были должны. Так как денег у нас не оказывается (письмо Наута пришло

слишком поздно), являются два судебных пристава и описывают все мое небольшое имущество — кровати, белье, платье, — все, даже колыбель моего бедного ребенка и лучшие игрушки девочек, которые стояли тут же, обливаясь слезами. Они угрожали через два часа забрать все имущество. — Я, с моей больной грудью, осталась бы тогда на голом полу с моими дрожащими от холода детьми. Наш друг Шрамм спешит в город за помощью. Но едва он сел в кабриолет, как лошади понесли, он на ходу выскакивает из экипажа, и его, окровавленного, приносят к нам в дом, где я сидела в слезах с моими бедными дрожащими детьми.

На следующий день мы должны были оставить квартиру. Было холодно, пасмурно и дождливо. Мой муж ищет для нас помещение, но с четырьмя детьми никто не хочет нас пускать. Наконец нам оказывает помощь один друг, мы уплачиваем за квартиру, и я быстро продаю все свои кровати, чтобы заплатить аптекарю, булочнику, мяснику и молочнику, напуганным скандалом с описью имущества и внезапно набросившимся на меня со своими счетами. Проданные кровати выносят из дома, погружают на тележку — и что же происходит? Было уже поздно, после захода солнца, вывозить вещи в такое время запрещается английским законом, и вот появляется хозяин в сопровождении полицейских и заявляет, что среди моих могут быть и его вещи и что мы хотим сбежать за границу. Не прошло и пяти минут, как перед нашей квартирой собралось не менее двухсот—трехсот зевак, весь сброд из Челси. Кровати вносят обратно; отдать их покупателю можно было лишь на следующее утро, после восхода солнца. Когда наконец, продав все наши пожитки, мы оказались в состоянии уплатить

все до последнего гроша, я переехала с моими милыми малышами в иашн теперешние две комиаткн. . .»

Отложив иаучиые зайянтя, Маркс был вынужден искать заработок. В течение многих лет он как подеищик, не разгибая спины, трудился иад статьями для американской газеты «Нью-Йорк дейли трибюн» (две статьи еженедельно!). Но и этот скромный заработок был иерегулярным, так как редактор печатал далеко не все статьи и часто бессовестию урезал и без того скромные гонорары. Маркс имел поэтому все основания сетовать, что газетная работа кормит его хуже, чем любого иачинающего стрококопателя.

Лишь урывками он мог заниматься иаукой, мечтая как о недостижимом счастье посвятить ей хотя бы целиком несколько месяцев.

Шли годы, но нужда продолжала преследовать Маркса и его семью. В 1861 году Маркс потерял свою работу в газете — главный источник заработка. Ииогда Маркс иеделями не выходил иа улицу, так как одежда была заложена в ломбард. Оставляя в стороне экоиомические расчеты для «Капитала», он составлял бесконечные расчеты долгов — булочинку, мясиину, домовладельцу. . . «Грозный» глава I Иитериационала вынужден был частеиько прятаться от преследования кредиторов, которые представлялись ему чудовищами.

Порой казалось, что положение уже безвыходное. И даже Маркс при всей своей душевной стойкости, удивительной способности юмористически оцеинивать самые печальные ситуации, который разыгрывал у себя дома «молчаливого стойка, чтобы уравновесить буриые взрывы с другой стороны» (то есть со стороны жены), даже он времяиамн терял терпение. «Словом,

дьявол сорвался с цепи», — с горечью восклицал он, описывая несчастья, обрушившиеся на его семью: нищету, долги, болезнь жены, его собственное нездоровье. «Этому поджариванию на медленном огне, — сжигающему голову и сердце, поглощающему сверх того драгоценное время. . . должен быть положен конец!»

Конца, однако, не было видно.

Маркса, нежного, любящего отца, особенно удручало, что нищета болезненно сказывается на его дочерях: иногда им не в чем было идти в школу. «Жена говорит мне каждый день, — сообщает Маркс Энгельсу в 1862 году, — что лучше бы ей с детьми лежать в могиле, и я, право, не могу осуждать ее за это, ибо унижения, мучения и страхи, которые нам приходится переносить в этом положении, в самом деле не поддаются описанию».

Было бы несправедливо, однако, рисовать весь лондонский период жизни Маркса одной черной краской. Маркс умел не только стоически переносить жизненные невзгоды, но и от всей души предаваться веселью, когда к этому представлялся хоть малейший случай. В кругу семьи и друзей он меньше всего походил на угрюмого, мрачного и желчного «метателя молний», которым его часто изображали буржуазные авторы.

В зрелые годы, как и в юности, он любил и ценил хорошую шутку, и юмор был для него лучшим лекарством от физических и духовных недугов. Побывав во время поездки в Германию в гостях у Лассаля, Маркс замечает в письме к нему: «Ты знаешь ведь, что голова у меня была полна забот, и кроме того я страдаю болезнью печени. Но всего важнее то, что мы вместе много посмеялись. *Simia non ridet* 215

(обезьяна не смеется. — Г. В.), следовательно, мы выказали себя всесовершеннейшими Буддами».

Даже самые отчаянные письма Энгельсу Маркс начиняет юмористическими подробностями. Вся переписка Маркса и Энгельса полна сверкающего юмора, когда искры фейерверком сыплются с обеих сторон. И однажды, отвечая на филистерские шпильки по поводу «мрачности» характера Маркса, Энгельс написал Э. Бернштейну: «Если бы этим болванам довелось прочесть переписку между Мавром и мной, они бы просто остолбенели. Поэзия Гейне — детская игрушка по сравнению с нашей дерзкой, веселой прозой. Мавр мог приходить в ярость, но — унывать никогда! Я хохотал до упаду, когда перечитывал старые рукописи».

Настроение в семье Марксов особенно поднималось тогда, когда приходили известия о революционных событиях, о победах рабочих, о кризисах капиталистической системы. Так было, например, когда разразился американский кризис 1857 года. Несмотря на то что он почти совсем лишил Маркса его единственного заработка в газете, он ликовал. К нему вернулась его прежняя работоспособность, и он трудился с удвоенной энергией: днем — чтобы обеспечить хлеб насущный, ночью — чтобы завершить свою политическую экономию.

Так было и в 1861 году, когда начался новый финансовый кризис. «Если бы я, — восклицал Маркс, — мог избавиться от всех этих мелочных дряг и избавиться свою семью от гнета жалкой нищеты, — как бы я торжествовал по поводу крушения декабрьской финансовой системы, неминуемое фиаско которой я так давно и так часто предсказывал в

Конечно, при своих блестящих познаниях Маркс легко мог бы обеспечить своей семье ту комфортабельную жизнь, которую вели ученые прислужники буржуазии. Но превратить науку в средство добывания денег Маркс считал столь же низким, как и фальсифицирование ее. Он готов был погибнуть, чем сделать такой шаг.

Скорее он мог сделать источником заработка деятельностью, не связанную с наукой. Но попытки Маркса обеспечить заработок этим путем также оказались безуспешными. Когда он решил поступить служащим в одну из железнодорожных контор, то его не приняли из-за плохого почерка.

Несмотря на все испытания судьбы, Маркс упорно добивался намеченной цели. Приходится удивляться не тому, что «Капитал» Маркс писал так долго, а что он вообще был написан в таких условиях.

Часто говорят, что гений — это терпение. Сказать это применительно к Марксу — значило бы сказать слишком мало. Маркс должен был проявлять железную, почти нечеловеческую волю в течение многих лет, чтобы все же продолжать научные занятия, продолжать с величайшим напряжением всех сил, подрывая свое здоровье так, что все время чувствовал себя на краю могилы.

Но никакие невзгоды не могли сломить этого человека.

С гордо поднятой головой он шел путем, избранным еще в юности, мученическим путем Прометея, который решил добыть людям огонь познания, пренебрегая жестокой расплатой. Подобно Прометею, Маркс отвергал все компромиссы, которые ему предлагали прислужники «земных богов».

О том, какой ценой далась ему первая книга «Капи- 217

тала», сам Маркс с потрясающей силой и откровенностью рассказал в своем письме к немецкому демократу Зигфриду Мейеру. Мейер писал Марксу дружеские письма, которые доставляли ему большую радость и были настоящим утешением на протяжении «мучительного периода». Маркс замечает, что, ведя жесточайшую борьбу с официальным миром, он менее всего был способен недооценивать это.

«Итак, — продолжает Маркс, — почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подход, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи».

Это признание, сделанное поистине кровью сердца, заставляет нас вспомнить о работе Маркса, которой он начал свой жизненный путь, — выпускном сочинении о выборе профессии.

Именно там, как мы помним, юный Маркс писал о стремлении трудиться для человечества, принося личное благополучие в жертву общественному долгу.

Эта юношеская идея оказалась не просто красивой фразой, она руководила всей жизнью Маркса, она была лейтмотивом всех его произведений. И через тридцать два года после школьного сочинения, выпуская

218 в свет «Капитал», он с удовлетворением и гордо-

стью мог бы повторить слова, сказанные им в ту далекую пору розовой юности:

«Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно — жертва во имя всех».

РЯДОМ С ГЕНИЕМ — ГЕНИЙ

Я все еще «влюблен» в Маркса и Энгельса, и никакой хулы на них выносить не могу спокойно. Нет, это — настоящие люди! У них надо учиться. С этой почвы мы не должны сходить.

В. И. Ленин

В начале восьмидесятых годов прошлого века Западная Европа еще бурлила от революционной встряски, совершенной парижскими коммунарами. Российская империя, понгравши в либерализм, вступала в один из самых мрачных и реакционных десятилетий своего существования. Это было время, когда заговорили об очищении страны от «смутьянов» и «либералов» и о крепостнической реставрации, когда отчаяние и безнадежность закрадывались в душу передовой русской интеллигенции:

В те годы, дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл...

Именно в этот период нашелся в Европе человек, который утверждал, что центр революционного движения перемещается в Россию, что с ней связаны отныне надежды на новый подъем революционного движения, надежды на социалистическое переустройство. Этим человеком был Фридрих Энгельс. В марте 1883 года в Лондоне Энгельс, беседуя с активным русским революционером и социалистом Германом Лопатиным, сказал следующее:

«Все зависит теперь от того, что будет сделано в ближайшем будущем в Петербурге, на который устремлены ныне глаза всех мыслящих, дальновидных и проицательных людей целой Европы».

А затем он высказался еще более определенно:

«Россия — это Франция нынешнего века. Ей законно и правомерно принадлежит революционная инициатива нового социалистического переустройства...»

Прозорливой оказалась и его характеристика последнего русского царя Николая II, судеб его царствования: «Он почти идиот, слаб духом и телом и обещает как раз то неустойчивое царствование человека, который будет простой игрушкой в руках людей с их взаимопротиворечащими интригами, а это и нужно, чтобы окончательно уничтожить российский деспотический строй».

Каким бы ни показалось удивительным это предвидение Энгельса, в нем не было ничего исключительного, если, конечно, иметь в виду исключительность и необыкновенность его личности.

Прозорливость Энгельса не раз поражала окру- 221

жающих. Во время революции 1848 года в «Новой Рейнской газете», издававшейся Марксом, время от времени появлялись статьи о революционной войне в Венгрии, которые приписывались одному из крупных командиров венгерской армии: настолько они были богаты информацией и настолько точно оправдывались сделанные в них прогнозы о развитии военных действий. Между тем статьи эти писались в Германии молодым автором, который никогда и не бывал в Венгрии. Им оказался Фридрих Энгельс.

В 1870 году, во время франко-прусской войны, статьи Энгельса обратили на себя внимание профессиональных военных тем, что он предсказал в них битву при Седане и разгром французской армии. С тех пор в семье Маркса за ним утвердилось полушутливое прозвище «генерал».

Этому способствовала, очевидно, и военная выправка, которая бросалась в глаза знавшим его даже на склоне лет. Фридрих Лесснер описывал его так: «Энгельс был высок и строен, его движения быстры и уверенны, его речь лаконична и решительна; он держался очень прямо, что придавало ему сходство с военным».

И тем не менее, несмотря на глубинную многих исследований, военная стратегия оставалась для него лишь одним из увлечений, на которое была способна и которое могла позволить себе столь многосторонне одаренная личность.

Именно эта поразительная многосторонность интересов, универсальность познаний и дарований составляют, пожалуй, наиболее характерную его особенность. XIX век породил титанов мысли и духа во всех областях культуры. Но и на таком блистательном фоне энциклопедичность Энгельса, как и

Фридрих Энгельс в трущобах Манчестера (1842 год). Рис.
Н. Н. Жукова.

Маркса, выглядит уникальной. В этом отношении его можно сравнить с Аристотелем, Леонардо да Винчи, Гёте, Гегелем. Судите сами: Энгельс был философом, политекономистом, историком, филологом, литературным критиком, переводчиком, политическим публицистом. Его можно назвать основоположником конкретно-социологических исследований, блестящим образцом которых является его «Положение рабочего класса в Англии». Он великолепно ориентировался в физике, механике, химии, биологии, математике, астрономии, в ряде технических дисциплин. Это позволило ему подвести философский итог всему развитию естествознания в «Диалектике природы». Что касается знания языков, то Энгельс был настоящим полиглотом и в совершенстве знал даже многие местные диалекты и наречия.

«Энгельс знает на двадцать языках», — сказал один из социалистов, шутя по поводу свойства Энгельса слегка занкаться в моменты волнения. Вместе с тем Энгельс меньше всего походил на кабинетного ученого, такого засушенного книжного червя. Он был спортсменом, наездником, охотником. Жизнь заставляла его также выполнять обязанности приказчика, купца, коммивояжера, промышленника, финансиста. Не было буквально ни одной области знания, которая не интересовала бы Энгельса.

В юности Энгельс начал пробовать свои силы в поэзии, всерьез готовился к литературно-художественному поприщу. Его перу принадлежат крупные поэтические произведения, публиковавшиеся в печати и в свое время обратившие на себя внимание личностью, фантазией, остроумием и сатирическим даром.

В начале сороковых годов Энгельс служил вольно-
224 определяющимся в гвардейском полку, затем лично

принял участие в баденском восстании, участвовал в трех сражениях. И все, кто видел его под огнем, вспоминали о его храбрости и исключительном хладнокровии.

С начала 40-х годов Фридрих Энгельс уже слышан о ярком таланте, неукротимой энергии и вызывающем монтаньярстве своего будущего друга. Первая их встреча произошла в ноябре 1842 года в Кёльне, когда Энгельс, направляясь в Англию, нанес визит в «Рейнскую газету», редактором которой был Маркс. Тогда по ряду внешних причин настоящего знакомства не получилось. Но когда через два года они вновь встретились в Париже, то с радостью обнаружили, что оба разными путями пришли к одинаковым в принципе взглядам на развитие общества.

Однажды пересекшись, их пути с тех пор шли рядом вплоть до самой смерти Маркса. Марксизм хотя и носит имя одного человека, но это неразделимый труд двоих. Сам Маркс однажды рекомендовал Энгельса как «alter ego» — свое «второе я».

Ленин как-то заметил, что отношения Маркса и Энгельса превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе. Очевидно, он имел в виду, в частности, прекрасную легенду о Касторе и Полидевке. Полидевк был сыном Зевса и Леды и обладал бессмертием в отличие от своего неразлучного друга Кастора. Они не были похожи друг на друга, обладали разными талантами. Если Кастор мастерски управлял колесницей, то Полидевк был непревзойденным борцом. Вместе они были непобедимы и не раз обращали врагов в бегство.

Но однажды все же случилось так, что Кастор пал в битве. Полидевк — безутешен. Он отправляется к Зевсу и умоляет отца, чтобы тот лишил его бессмер-

тия и позволил соединиться с другом в царстве тений — Аиде. Многомудрый Зевс решил проблему иначе. Он разделил бессмертие поровну между друзьями, так что каждый из них одну часть времени должен пребывать в Аиде, а другую — на Олимпе.

Боги были тронуты и восхищены такой самоотверженной дружбой и вознесли Кастора и Полидевка на небеса, где они сияют в созвездии Близнецов. Утренняя звезда и вечерняя: одна сходит в мрак Аида, другая поднимается над Олимпом. Теперь их звали одним именем — Диоскуры.

Как и Диоскуры, Маркс и Энгельс не были сходными натурами по складу ума и характеру, но именно поэтому прекрасно дополняли друг друга.

Обычно приводят слова Энгельса, что он всегда играл «вторую скрипку» после Маркса. И это было действительно так. Но следует принять во внимание также и свидетельство Маркса, который как-то признался в письме своему другу: «Ты знаешь, что, во-первых, у меня все приходит поздно и что, во-вторых, я всегда следую по твоим стопам».

Энгельс, несмотря на все свои недюжинные таланты, конечно, не мог сравниться с Марксом по творческой мощи интеллекта, основательности и глубине его неуспокаивающейся исследовательской мысли, по несравненному диалектическому изяществу стиля, афористической меткости обобщений. Но в определенных отношениях Энгельс обладал преимуществами: он легче схватывал и перерабатывал новое, не застревал так надолго на изучении одного предмета, свободнее синтезировал материал из самых различных областей науки и культуры.

По верному сравнению видного советского энгельсоведа М. Серебрякова, легко вооруженный воин,

Энгельс двигался быстрее, маневрировал свободнее и нападал на вражеские крепости раньше. Это обнаружилось уже на первых этапах духовного развития основоположников научного коммунизма.

Энгельс, несмотря на то что был на два года моложе Маркса, раньше стал выступать в печати — вначале со стихами, а затем и в качестве публициста. Он быстрее стал в оппозицию по отношению к существующим социальным порядкам и раньше Маркса стал революционным демократом и республиканцем. Он первым из них двоих обратился к утопическому социализму и коммунизму в его тогдашней форме, первым занялся критикой политической экономии. «По стопам» Энгельса Маркс стал интересоваться достижениями естественных наук.

Фактом является, однако, и то, что там, где Энгельс оставлял гениальные наброски, Маркс вынашивал труды, составлявшие эпоху. У каждого из них был свой стиль, свое неповторимое своеобразие дарования, свой круг научных интересов. Но это лишь усиливало их тяготение друг к другу. «Он — настоящая энциклопедия, — в восхищении отзывался об Энгельсе Маркс. — Способен работать во всякий час дня и ночи, после еды или натошак, быстро пишет и сообразителен, как черт».

Что касается занятий политической экономией, то об этом стоит сказать подробнее. В 1844 году в «Немецко-французском ежегоднике» была опубликована статья Энгельса под названием «Наброски к критике политической экономии». Ее автору было всего двадцать четыре года. Но в ней так смело и свежо ставились коренные вопросы жизни и современного общества, подвергались такой основательной критике догмы классической политэкономии, которые до этого

ни у кого не вызывали сомнения, что Энгельс сразу стал признанным авторитетом в этой области. Статья содержала ряд принципиально новых идей, развитых в «Капитале» Марксом. Она явилась, по существу, первым экономическим очерком, написанным с позиций нового мировоззрения. И сам Маркс, неоднократно ссылавшийся на нее в «Капитале», считал эту статью «гениальным эскизом».

Прошел год, и Энгельс выпустил свою книгу «Положение рабочего класса в Англии». В ней на огромном фактическом материале был сделан вывод не только тот, что пролетариат — страдающий класс, но и обоснована его революционная роль в обществе. Много лет спустя Маркс писал Энгельсу по поводу этой работы: «Когда я вновь перечитывал твою книгу, то с сожалением заметил, что мы старимся. Как свежо, как страстно, с каким смелым предвидением, без ученических и научных сомнений написана эта вещь! И сама иллюзия, что завтра или послезавтра можно будет воочию увидеть исторический результат, придает всему так много теплоты и жизнерадостности, по сравнению с которыми наша более поздняя манера писать в «мрачных тонах» порождает чувство чертовской досады».

В. И. Ленин также очень высоко ценил книгу Энгельса. Он считал, что ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркого и правдивого изображения бедствий рабочего класса.

Следующая крупная работа столь блестяще начавшего исследователя вышла в 1878 году. Разрыв между двумя книгами Энгельса составил тридцать три года. Правда, эти годы не были периодами полного литературного молчания: Энгельс публиковал многочисленные статьи в газетах, брошюры, но взяться

за большой труд у него, к сожалению, не было возможности. Это, быть может, одна из самых трагических сторон его биографии.

В конце 1849 года, после революционных событий в Германии, в которых Маркс и Энгельс принимали самое деятельное и непосредственное участие, они, как уже говорилось, эмигрировали в Англию. Желая помочь Марксу и его семейству, которое осталось почти без всяких средств к существованию, Энгельс поселяется в Манчестере и занимается «собачьей коммерцией». Он занял место служащего в конторе хлопчатобумажной фабрики, где его отец был компаньоном. Этому «деловому рабству» он отдал двадцать лет! И все эти годы между Марксом и Энгельсом шла оживленная переписка, и чуть ли не в каждом письме Энгельс, который сам отнюдь не купался в роскоши, сообщал о высылаемом им чеке на скромную сумму. Ф. Меринг справедливо заметил, что для того, чтобы предложить, и для того, чтобы принять такую жертву, нужен был одинаково высокий дух. Дело было не только в материальной помощи.

А когда Марксу было предложено писать статьи для газеты «Нью-Йорк дейли трибюн», то Энгельс переводил эти статьи на английский, так как его друг еще не вполне свободно владел языком, а порой и сам писал их за него.

С Энгельсом Маркс обсуждал все трудные проблемы, встававшие в ходе работы над «Капиталом». При этом мнение Энгельса было для него, как он сам признавал, «важнее всего того, что может сказать весь свет по этому поводу». Без совета со своим другом Маркс не сделал в лондонский период своей жизни ни одного практического шага, не опубликовал ни одной работы.

К. Маркс и Ф. Энгельс в Манчестере (60-е годы). Рис.
Н. Н. Жукова.

Их дружба, выросшая из творческого дуэта в работе над «Святым семейством» и «Немецкой идеологией» и скрепленная активной революционной деятельностью, с годами становится все крепче. Их духовная общность выросла настолько, что они совершенно не могли обходиться друг без друга.

Критику в адрес Энгельса Маркс при всем своем раиином самолюбии воспринимал болезненно, чем критику в собственный адрес. Маркс мог с философским спокойствием сносить злобные нападки на него продажных писаков, не утомляя их ответом. Но если дело касалось чести Энгельса, то от Маркса нельзя уже было ожидать ни снисхождения, ни пощады. Он тотчас же бросался в бой. Когда некий Э. Мюллер-Теллеринг посмел в 1850 году написать письмо Обществу рабочих с клеветой на Энгельса, Маркс взорвался.

Со сдержанной яростью он отхлестал жалкого клеветника в следующих строках:

«Я вызвал бы Вас на дуэль за Ваше вчерашнее письмо Обществу рабочих, если бы Вы были еще достойны этого после Ваших бесчестных клеветнических выпадов против Энгельса... Я жду встречи с Вами на ином поле, чтобы сорвать с Вас лицемерную маску революционного фанатизма, под которой Вам до сих пор удавалось ловко скрывать свои мелочные интересы, свою зависть, свое ущемленное самолюбие, свое недовольство и досаду на то, что мир не признает величия Вашего гения...»

И аналогичным образом поступал Энгельс, когда речь шла о защите чести своего друга. Он дает гневную отповедь А. Лориа, вульгарному экономисту, специализировавшемуся на фальсификации и извращении идей «Капитала»: «Я получил Вашу статью

о Карле Марксе. Вы вольны подвергать его учение самой суровой критике и даже толковать его превратно; Вы вольны написать биографию Маркса, представляющую плод чистейшей фантазии. Но чего Вы не смеете делать и чего я никому никогда не позволю, — это возводить клевету на моего покойного друга...

Какую нужно иметь мелкую душонку, чтобы вообразить, будто такой человек, как Маркс, «постоянно угрожал своим противникам» вторым томом («Капитала». — Г. В.), написать который «ему и в голову не приходило»... Имею честь выразить Вам все те чувства, каких Вы заслуживаете.

Когда Энгельсу случалось выбираться в Лондон и друзья наконец встречались лично, то в семье Маркса воцарялся настоящий праздник. Дочери Маркса называли его вторым отцом. Трудно сказать, что стало бы с Марксом и его семьей, если бы не самоотверженная многолетняя помощь Энгельса. Он сознательно отодвинул в сторону собственные научные интересы, принеся их в жертву научным занятиям своего друга. Это всегда камнем лежало на сердце Маркса.

16 августа 1867 года в два часа ночи, закончив корректуру последнего листа первого тома «Капитала», Маркс написал Энгельсу: «Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования ради меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу по трем томам. Обнимаю тебя, полный благодарности!»

Энгельс, однако, никогда не жаловался и не роптал на свою судьбу. Он выполнял свою работу так весело и невозмутимо, как будто ничего лучше на свете и быть не могло, чем ходить на службу и сидеть в конторе.

232 Что значило для Энгельса это на самом деле,

В гостях у Ф. Энгельса. Рис. Н. Н. Жукова.

показывает такой штрих из воспоминаний Элеоноры Маркс-Эвелинг, которая гостила у Энгельса, когда его «каторга» подходила к концу.

«Я никогда не забуду его ликующего возгласа: «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз отправиться в контору.

Несколько часов спустя мы, стоя в ожидании у ворот, увидели Энгельса, идущего по небольшому полю, которое находилось перед его домом. Он размахивал в воздухе своей тростью, пел и весь сиял от радости. Затем мы по-праздничному уселись за стол, пили шампанское и были счастливы.

Я тогда была слишком молода, чтобы все это понять. Но теперь я не могу вспомнить об этом без слез».

Своей матери Энгельс в этот день написал, что «стал совсем другим человеком и помолодел лет на десять».

Жизнерадостность, порывистость, энергичность, какая-то особенная ясность и теплота во всем облике Энгельса привлекали к нему симпатии людей. Однажды Маркс получил письмо от своего гамбургского издателя, который сообщил ему о том, что его посетил Энгельс, что он познакомился таким образом с обаятельнейшим человеком, какого ему когда-либо приходилось встречать.

«Хотел бы я видеть человека, — с наивной гордостью воскликнул Маркс, прерывая чтение письма, — который не нашел бы Фреда столь же милым, сколь и образованным!»

Именно милым, жизнелюбивым и остроумным человеком видится Энгельс, когда читаешь его «Исповедь» — шуточные ответы на анкету дочерей

«Достоинство, которое Вы больше всего цените в людях — *Веселость*.

В мужчине — *Не вмешиваться в чужие дела*.

В женщине — *Умение класть вещи на свое место*.

Ваша отличительная черта — *Знать все наполовину*.

Ваше представление о счастье — *«Шато Марго» 1848 года* (марка вина и намек на революционные события этого года. — Г. В.).

Ваше представление о несчастье — *Визит к зубному врачу*.

Недостаток, который Вы считаете извинительным — *Излишества всякого рода*.

Недостаток, который внушает Вам наибольшее отвращение — *Ханжество*.

Ваша антипатия — *Жеманные, чопорные женщины*.

...Ваше любимое занятие — *Поддразнивать само-
му и отвечать на поддразнивания*.

Ваш любимый герой — *Нет ни одного*.

Герония — *Их слишком много, чтобы можно было
назвать только одну*.

...Ваш любимый цветок — *Колокольчик*.

Цвет — *Любой, если это не анилиновая краска*.

Ваше любимое блюдо — *Холодное — салат; горя-
чее — ирландское рагу*.

Ваше любимое житейское правило — *Не иметь
никакого*.

Ваш любимый девиз — *Относиться ко всему легко*.

У Энгельса, так же как и у Маркса, был чрезвычайно развит вкус к юмору, хорошей шутке. Это помогало им сносить тяготы эмигрантской жизни.

В одном из писем Энгельсу, рассказывая о своих страданиях из-за болезни, Маркс замечает: «Дорогой дружище, при всех этих обстоятельствах больше, чем когда-либо, чувствуешь, какое счастье — дружба, по-

добная той, какая существует между нами. Ты-то знаешь, что никакие отношения я не ценю столь высоко».

Сбросив ненавистное ярмо коммерции, Энгельс приезжает в Лондон и поселяется недалеко от дома Маркса. Друзья видятся почти ежедневно. Энгельс работает теперь запоем, реализуя накопившиеся творческие замыслы, среди которых центральное место занимает грандиозная задача диалектического синтеза достигнутых естествознания. В 1878 году выходит из печати его «Анти-Дюринг», в котором, по словам Ленина, «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук». Он изучает также историю первобытного общества, работая над книгой «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которая вышла в свет в 1884 году.

Помимо чисто научных занятий, Энгельс со всей энергией отдается организаторской партийной работе. Он избирается в состав Генерального совета Интернационала, где на него возлагают обязанности секретаря-корреспондента для ряда стран.

Свои научные интересы Энгельс всегда стремился соотносить с практическими целями революционной борьбы. Так, изучение славянских языков он начал по тому соображению, что, как он писал Марксу, «по крайней мере один из нас должен ввиду грядущей мировой драмы знать язык, историю, литературу, общественные учреждения тех народов, с которыми предстоят столкновения в самое ближайшее время».

Маркс и Энгельс смогли воочию убедиться в успехах рабочего движения. Каждый его успех они отмечали как личное торжество. Даже на склоне лет по случаю выборов в Германию Энгельс устранил у себя

К. Маркс и Ф. Энгельс за работой (70-е годы). Рис. Н. Н. Жукова.

дома настоящие празднества. Как вспоминал Эдуард Эвелинг, он закупал большой бочонок особого немецкого пива, сам готовил специальный ужин (Энгельс был «великий гастроном»), приглашал самых близких друзей. «Генерал» вскрывал каждую телеграмму и оглашал ее содержание. И если в ней сообщалось о победе, мы пили. Если же о поражении, мы тоже пили».

После смерти Маркса, в 1883 году, Энгельс становится признанным главой международного рабочего движения. Он, по выражению Элеоноры Маркс-Эвелинг, «...дирижирует оркестром, и он все так же скромн, непритязателен и прост...». А Энгельс скажет о себе: «Такова уж моя судьба, что мне приходится пожнать ту славу и тот почет, семена которых посеял человек, более великий, чем я, — Карл Маркс. Я же могу лишь торжественно обещать провести остаток своей жизни в активном служении пролетариату так, чтобы хотя бы в дальнейшем стать по возможности достойным оказанных мне почестей».

Маркс и Энгельс в последние годы своей жизни обратили свои взоры к России. Энгельс был в переписке со многими видными русскими социалистами: Плехановым, Засулич, Лопатиным и другим.

В беседах с русскими революционерами Энгельс отстаивал мысль о том, чтобы они не подбирали цитаты из Маркса и его трудов, а мыслили так, как мыслил бы Маркс на их месте. Он полагал, что только в этом случае слово «марксист» имеет право на существование. Энгельс был убежден в том, что грядущая революция в России сыграет большую роль в судьбах всего мирового коммунистического движения. И не ошибся в этом.

238 Будучи уверен в правнльности выбранного пути,

в великой будущности того дела, которому они с Марксом посвятили все свои силы, Энгельс имел полное основание для безмерного жизнелюбия. И, несмотря на все тяготы, жизнь Энгельса была такой же цельной и прекрасной, каким цельным и прекрасным был сам этот человек.

Главнейшим делом жизни Энгельса после смерти Маркса становится завершение второго и третьего томов «Капитала». Отложив собственную рукопись «Диалектики природы», которая так и осталась незавершенной, Энгельс взялся за рукопись своего друга. Эту грандиозную работу Энгельс закончил только за несколько месяцев до своей смерти; но завершил ее со всем тщанием, скрупулезностью и совершенством, которые его всегда отличали.

Грандиозное здание «Капитала» — это, таким образом, подвиг двух гениев. Человечество не знало еще произведения такой духовной мощи, оказавшего столь большое воздействие на все его дальнейшие судьбы.

* * *

Теперь, после того как мы знаем, как и в каких условиях создавался «Капитал», обратимся к самой этой удивительной книге. Оставляя в стороне собственно экономические проблемы, попробуем взглянуть на нее как на произведение, наиболее полно воплотившее новое, подлинно научное мировоззрение, философию диалектического и исторического материализма.

ФИЛОСОФИЯ „КАПИТАЛА“

Если Маркс не оставил «Логики» (с большой буквы), то он оставил логику «Капитала». . . В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания (не надо трех слов: это одно и то же) материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед.

В. И. Ленин

Многим покажется, возможно, странным сочетание слов: философия «Капитала». Известно, что «Капитал» посвящен анализу экономических отношений буржуазного общества. Какая же там может быть философия? Да и, строго говоря, философ ли Маркс? Задаваясь всерьез этим вопросом, некоторые западные марксологи отвечают на него отрицательно. По их представлениям, философ — это человек, который написал специальные философские исследования, изложив в них стройную систему своих идей.

Маркс таких книг не создал, никакой философской «доктрины» он нигде специально не изложил. И все

же он пребудет в веках величайшим из всех когда-либо живших философов. Философия его содержится так или иначе во всех написанных Марксом произведениях, и особенно в главном деле его жизни — в «Капитале». И на вопрос, в какой книге Маркса можно ознакомиться с его философией — диалектическим и историческим материализмом, — с полным основанием следует ответить: читайте «Капитал».

Именно так ответил В. И. Ленин в конце прошлого века либеральному русскому деятелю и социологу Н. К. Михайловскому. Михайловский в одной из своих полемических статей против марксизма риторически спросил: «В каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории?» И тут же с апломбом первооткрывателя заявил, что такой работы Маркса нет и ее нет во всей марксистской литературе.

«В каком сочинении Маркс не излагал своего материалистического понимания истории?» — резонно возразил на это Ленин. И показал, что буржуазные мыслители не видят у Маркса философской теории общественного развития потому, что Маркс создал нечто принципиально отличающееся от всей предшествующей социологии, то есть учений и теорий об обществе.

Респектабельным, маститым социологом в кругах буржуазии интеллигенции того времени считался человек, который рассуждает о таких, например, «высоких материях»: что такое общество вообще, какова его цель и сущность, каким должно быть общество, соответствующее «природе человека». Эти социологи могли казаться даже чуть ли не революционерами, они зарабатывали себе нравственный авторитет у просвещенной публики, выражая искреннее него-

дование тем, что существующие порядки являются ненормальными и не соответствующими «природе человека», принципам справедливости.

Домарксовым социологам, не умевшим проникнуть в глубь общественных процессов, а взиравшим на них через призму сиюминутных событий, казалось, что социальный мир управляется с помощью тех решений, которые принимаются королями и императорами, что течение событий полностью зависит от их воли и от идей мыслителей, влияющих на общественное мнение. История представляла при этом хаотическим и огромным событиям, процессам, факторам, борьбой страстей и желаний сильных личностей, в котором нельзя было отличить важные явления от неважных, более существенных от менее существенных, нельзя было увидеть каких-либо закономерностей, понять, что за механизмы движут общественным развитием и как на них можно воздействовать.

Все это и означало субъективизм, идеализм в социологии. Если идеализм в воззрениях на природу с самого своего возникновения в античной философии имел серьезных оппонентов — материалистов, то идеализм в воззрениях на общество безраздельно господствовал вплоть до Маркса.

Разумеется, такой социологии, где давались бы абстрактные понятия и говорилось бы об обществе вообще и путях его совершенствования в соответствии с принципами идеала, Михайловский найти у Маркса не мог. Маркс с ней просто не имел ничего общего.

Маркс первый сумел последовательно провести идею материализма во взглядах на развитие общества. И это, по выражению Ленина, само по себе уже было гениально. В столкновении страстей, идей, интересов

Маркс увидел не причину, а результат, следствие некоей более глубокой, независимой от сознания людей причины. Те или иные идеи или побуждения людей сами обусловлены их общественным бытием, их положением в обществе. Идеи могут оказать воздействие на развитие общества в том случае, если они выражают назревшие социальные потребности, если они выражают интересы, прежде всего материальные интересы, большинства общества, если они овладевают массами.

Почему, скажем, пала французская монархия в конце XVIII века? Не потому, конечно, что Людовик XVI совершил те или иные ошибки во внутренней и внешней политике (хотя и это имеет значение), а потому, что абсолютистская власть и феодальные общественные отношения в это время явственно мешали развитию торговли и промышленности в стране, стали препятствием на пути развития капитализма, поднимающегося класса буржуазии, обладавшего уже экономической силой, но не обладавшего политической властью.

Значит, общественные отношения, складывающиеся независимо от сознания людей, определяют в конечном счете господствующие в обществе идеологические, политические, юридические установки. Ход идей зависит в общем и целом от хода социально-экономических процессов, а не наоборот. Значит, сами общественные отношения материальны, объективны! Вот вывод, который не давался предшествующим мыслителям.

Однако общественные отношения весьма многообразны. Важнейшие среди них — это те, которые возникают в процессе производства, то есть производственные отношения. В чем они выражаются? 243

Это прежде всего отношения производителя и собственника средств производства — раба и рабовладельца, крепостного и феодала, рабочего и капиталиста.

Не трудно заметить существенную разницу между этими тремя формами эксплуататорских отношений, и, значит, речь идет о соответствующих трех общественно-экономических формациях, естественно развивающихся и переходящих одна в другую вследствие роста производительных сил.

Развитие общества предстает перед взором Маркса как **естественно-исторический процесс**, подчиняющийся закономерностям, не зависящим от сознания, но вполне познаваемым.

Все эти идеи были высказаны основоположниками марксизма еще в 40—50-е годы. Но, по выражению Ленина, до создания «Капитала» это была лишь гипотеза, хотя гипотеза научно обоснованная. Со времени создания «Капитала» материалистическое понимание истории стало доказательством научной теорией, социология впервые превратилась в науку.

Почему именно «Капитал» сыграл такую роль в формировании и утверждении исторического материализма? Потому что Маркс не ограничился умозрительными общими рассуждениями о том, как устроено общество, а изучил детально механизм его функционирования и развития на примере капиталистической формации. В результате этого изучения перед читателем зримо предстала вся эта формация как живая, со сложной диалектикой ее производительных сил и производственных отношений, с антагонизмом классов буржуа и пролетариев, с политическими, юридическими и идеологическими институтами, охраняющими право предпринимателя на эксплуатацию рабочего.

Das Kapital.

Kritik der politischen Ökonomie.

Karl Marx

Grassy Wood

Studie 1: Eine Frustrationsgruppe als Repräsentant

© 2000 Blackwell Science Ltd *Journal of Internal Medicine* 247: 161–167

Building Trust with One Member Only

© 2004 Blackwell Publishing Ltd *Journal of Internal Medicine* 255: 105–112

КАМЕНТАЛЪ.

КРПТКА НАЈИСТУПНОЌИ ЗАКОНАК

陈永平 陈永平 陈永平 陈永平

<http://www.sagepub.com>

_____

Keywords: child abuse; child sexual abuse; child sexual exploitation; child sexual abuse investigation; child sexual abuse assessment

2004, 1, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844,

[illegible]

© International
Journal of Management

LE CAPITAL

KARL MARX

Downloaded At: 11:53 11 September 2009

PARIS
 DIVISION, BUREAU LACRATRE ET
 DE L'INSTRUMENT

STATION, SOUTHERN RAILROAD OF
S. RAILROAD OF

© 2000 Blackwell Science Ltd

Издания «Капитала» на
немецком, русском и
французском языках.

С неумолимой логикой Маркс показал, что с той же самой необходимостью, с какой феодализм уступил место капитализму, последний в силу объективных законов развития движется навстречу собственной гибели, к бесклассовому обществу. «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществления труда достигает такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Маркс убедительно показывает, что коммунистическое общество — не идеал утопических мечтателей, к нему направлен весь ток экономической жизни. Сам капитал, безудержно ускоряя ход развития науки и техники, всех производительных сил, подготавливает тем самым материальные предпосылки нового общества, новой общественно-экономической формации. Объединяя пролетариат на гигантских предприятиях, превращая подавляющее большинство населения в наемных эксплуатируемых работников, капитал готовит революционную силу, способную взломать оковы старого общества и начать его переустройство.

Коммунизм — это общество, где трудящиеся сами являются хозяевами всех материальных и духовных богатств, где человек становится высшей ценностью и целью, а не средством общественного производства, где свободное всестороннее развитие каждого является условием свободного развития всех. Маркс намечает контуры этого общества без тени утопии, без каких-либо попыток произвольно рисовать идиллические картины грядущего «золотого века». Он как естество-

испытатель силой логического анализа вскрывает тенденции и закономерности, которые делают коммунизм исторически неизбежным. И он показывает реальные пути к новому обществу — через пролетарскую революцию и диктатуру рабочего класса. Так, в процессе кропотливого экономического анализа капиталистического производства реализуется Марксом материалистическое понимание истории.

И аналогичным же образом в «Капитале» воплощается диалектико-материалистический метод — сердцевина марксистской философии. Диалектико-материалистический метод не описывается в специальных терминах, он дается в действии, в практическом применении к анализу экономики капиталистического общества. Мы имеем возможность наблюдать его в движении, в развитии. Анализируя «Капитал», мы видим, как Маркс пользуется этим методом, как он его применяет. Следовательно, и читателя «Капитал» учит тому, как можно и нужно применять диалектико-материалистический метод в исследовании общества, как можно овладеть этим могучим орудием теоретической мысли.

Диалектический метод познания разрабатывался многими философами задолго до Маркса. Сам термин «диалектика» родился в Древней Греции и обозначал искусство вести спор, диалог, искусство загонять собеседника в тупик, заставить в конце концов признать его нечто прямо противоположное тому, что он сам поначалу утверждал. Со временем термин «диалектика» приобрел несколько иной смысл, стал обозначать текучесть, противоречивость самих процессов природы, общества и мышления, их развитие от простого к сложному путем единства и борьбы противоположностей.

Искусными диалектиками были первые античные философы — Гераклит, Анаксагор, Парменид, Зенон Элейский, Демокрит, Сократ, Платон. Именно они превратили диалектику в сознательно применяемый метод мышления, познания окружающего мира. Их прозорливые философские идеи не потеряли своей остроты, актуальности по сей день. Они плодотворны и для современного естествознания. Ибо древнегреческие философы дают целостное представление о мироздании, интуитивно схватывая самые существенные и всеобщие взаимосвязи. Они не углубляются в мир частных деталей — и в этом недостаток древнегреческой философии, из-за которого она должна была впоследствии уступить место другим воззрениям. Но в этом же, как подчеркивал Ф. Энгельс, и ее превосходство над некоторыми ограниченными представлениями, которые естественные науки до сих пор не совсем преодолели.

Античная философия оставила нам в наследство такую развитую, диалектически гибкую систему понятий, категорий, которая и до сих пор с успехом используется в объяснении и истолковании мира. Ее представитель сформулировал множество смелых прозорливых гипотез, которые впоследствии были доказаны строго научно, экспериментально. Вполне справедливы слова Макса Борна — одного из ведущих современных физиков: «Многое, о чем думает физик, предвидела философия».

Наряду с античной Ф. Энгельс отмечает и другую плодотворную для естествознания форму домарксовской диалектики — диалектику классической немецкой философии, которая достигла вершины своего развития у Гегеля.

248 Гегель создал изощренную систему понятий, раз-

вивающихся одно из другого, борющихся друг с другом и рождающих в этом развитии и борении все явления природы, общества и мышления. Он переворачивает действительность словно с ног на голову, и ему кажется, что идеи, понятия, логические обороты не отражают мир, а творят его. И сама гегелевская философия представляется ее автору чуть ли не венцом творения, ибо в ней достигается окончательная, абсолютная истина.

Но, несмотря на идеализм, на ограниченность, гегелевская философия явилась огромным шагом вперед в истолковании мира.

Великая заслуга Гегеля заключается в том, что он сделал грандиозную попытку энциклопедически резюмировать все достижения человеческого духа — в философии, искусстве, естествознании. Он представил весь природный, исторический, духовный мир в виде непрерывного изменения, преобразования и развития. Природа, общество и мышление оказались пронизаны едиными диалектическими принципами.

Никогда еще с тех пор, как люди мыслят, не создавалось такой всеобъемлющей, такой величественной системы.

Но самое великое его достижение — выявленный им ход и механизм развития всего сущего от простого к сложному, от части к целому, который он назвал методом восхождения от абстрактного к конкретному, в котором воплотились все аспекты, законы и моменты его диалектики.

С помощью гегелевского метода восхождения от абстрактного к конкретному объект воспроизводился не только как взаимодействующий, но и как исторически развивающийся, становящийся, растущий, про-

грессирующий. «Чистое» выведение категорий друг из друга поразительным образом шло у Гегеля «параллельно развитию всемирной истории» (Энгельс). И хотя действительное положение дел мистически перевертывалось так, что сотворение мыслию-целого выступало у него актом творения действительной истории, но тем не менее в самом этом способе мышления содержалась предпосылка материалистического понимания истории, научного подхода к изучению общественных процессов и явлений, к их теоретическому моделированию.

Что же отсюда следовало? Казалось, стоило только этот метод усвоить, взять на вооружение, чтобы получить могучий инструмент познания, с помощью которого можно решать сложнейшие теоретические проблемы науки в ее конкретных областях. Не так ли?

Но странным образом величайшее достижение гегелевской философии — диалектика — оставалось втуне, без всякого применения как при жизни философа, так и долгие годы после его смерти. Гегелевский диалектический метод никто даже не пытался применить, он не подвергался критике и был просто забыт: гегелевские «диадохи» (так иронически называл Энгельс официальных представителей школы Гегеля в немецких университетах), как и преемники Александра Македонского, ведя между собой мелочную борьбу, решительно не знали, что делать с оставшимся им грандиозным наследием.

В чем же тут было дело? Причина крылась, очевидно, прежде всего в несовершенстве самого метода. Он не был жизнеспособен в том виде, в каком был завещан потомству. Он был выращен в искусственной, ирреальной среде метафизических отвлеченностей и пригоден лишь для надобностей идеалистической

философской системы, завершающей свое развитие в самой себе.

Все, что надлежало совершить, философия уже совершила, явив гегелевскую систему абсолютного идеализма. Все, на что она была способна, она уже познала. Все, что имела сказать, — сказала. Абсолютная истина постигнута. Далее двигаться некуда!

Что ж, это было, пожалуй, даже резонно. Если Гегель поставил в своей философии весь мир с ног на голову, то в таком деликатном положении можно было только стоять, а не идти вперед. Развиваться на этой шаткой основе диалектический метод не мог.

Земля могла остановить свой бег вокруг Солнца. Звезды — перестать мерцать. Человечество — оставить войны и революции, страсти и интересы и застыть в вечном восхищении содеянным дерзостью немецкой мысли. Больше познать нечего. Гегелевская философия — венец и цель всего исторического движения природы и общества и мышления.

Остановись, мгновение, — ты прекрасно! Вопрос о каком-то реальном применении диалектического метода в других областях знания звучал просто кощунственно для правоверных гегельянцев.

Тут мало было просто отбросить идеалистическую оболочку. Идеализм не являлся чем-то лишь внешним для возвращенной в его лоно диалектики. Он наложил на нее свою канючую печать, и она была больна его болезнями, его немощью.

Диалектика, как уже говорилось, была бесцеремонно поприщена претензиям гегелевской философии на абсолютную, окончательную истину. Ее права были ограничены только областью мышления. В отношении же природы и общества допускался в лучшем случае намек на диалектику, в той примерно мере, в какой

он содержался и в достижениях частных наук того времени.

В этом была своя логика. Раз материя — лишь инобытие познания, познание же материи в начале XIX века до диалектики не доросло, то, значит, материя в принципе чужда развернутой диалектике, и нечего там ее искать. Тем самым по существу закрывался путь к дальнейшим теоретическим исследованиям, мысль самоуспокаивалась, удовлетворяясь достигнутым. За пределами философской системы Гегеля диалектике просто нечего было делать, она лишалась какой бы то ни было потенции.

Да и в сфере «чистого мышления» издержки идеализма сказывались на диалектическом методе Гегеля. Триады его категорий носили нередко произвольный характер, не отвечающий действительной логике и содержанию понятий. В угоду намеченной схеме множились надуманные переходы от одного периода к другому, пустые словесные упражнения и ухищрения, отдававшие явной схоластикой и мистикой. Гегель не гнушался действовать в соответствии с ехидным замечанием Мефистофеля в «Фаусте» Гете:

Коль скоро недочет в понятиях случится,
Их можно словом заменить.

Но если тем не менее Гегель произвел в сфере чистого мышления грандиозные завоевания, словно играючи покоичил со всей прежней логикой и метафизикой, выявил, хотя и в идеалистической форме, развитие и внутреннюю связь всемирной истории, оставил «целую эпоху» (Энгельс) в любой из отраслей знаний, которой касался, то, значит, крылись же в его диалектическом методе богатейшие и еще не раскрытые возможности?

Значит, дело было за человеком, которому окажется по плечу задача вытащить меч диалектики из ножен системы, очистить его от ржавчины идеализма, перековать таким образом, чтобы он мог повергать не только бесплотные тении понятий, но и стать боевым оружием познания материальной действительности: сложнейших социальных и природных процессов.

Этим человеком был Карл Генрих Маркс.

Энгельс, сам проделавший путь от гегельянства к марксизму, имел все основания сказать следующее: «Маркс был и остается единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области, и восстановить диалектический метод, освобожденный от его идеалистических оболочек, в том простом виде, в котором он становится единственно правильной формой развития мысли. Выработку метода, который лежит в основе Марксовой критики политической экономии, мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению».

Что значило — применить диалектический метод в конкретном научном исследовании? Взять готовые, разработанные диалектические формы и вложить в них эмпирическое содержание частных наук? Проследить все узлы и перипетии восхождения от абстрактного к конкретному у Гегеля и в строгом соответствии с этим изложить материал физики, химии, биологии, социологии, политической экономии? Усвоить терминологию, категории, понятия «Энциклопедии философских наук» и попытаться заставить разговаривать на этом языке явления и закономерности исследуемой реальности? Заучить

законы и черты диалектики и подыскивать к ним всё новые и новые иллюстрации и подтверждения из области естествознания? Не отсюда ли до сих пор сохранившаяся наивная уверенность, что стоит только ученому изучить трактаты по диалектике, и это подвинет его на эпохальные открытия в конкретных областях наук?

Маркс подошел к проблеме использования диалектического метода в экономическом исследовании совершенно иначе. Он отказался от какого бы то ни было навязывания действительности диалектических форм. Он не подгонял действительность под готовые диалектические схемы, как это делал Гегель, а непосредственно исследовал сами экономические процессы в их становлении и движении, в их тенденциях, выявляя внутреннюю логику движения экономического организма путем развития противоречий и их перехода в собственную противоположность, то есть диалектику самого предмета исследования. Вот почему Маркс говорил, что его метод прямо противоположен гегелевскому.

Его конечной целью являлось, по его собственным словам, открытие экономического закона движения капиталистического общества. Но какое конкретное общество изображено в «Капитале»? Это не Германия, не Франция, не Англия даже (хотя на нее Маркс чаще всего ссылается). Это — капитализм в его, так сказать, чистом виде. Это — теоретическая модель капиталистической экономики, которая предстает не как нечто мертвое и неизменное, а как «организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения».

254 Как отобразить этот организм в понятиях? Как выразить в мышлении всю его необыкновенную

Карл Маркс (конец 70-х годов). Рис. Н. Н. Жукова.

сложность, многогранность? Как постичь внутреннюю взаимосвязь сторон, то есть структуру, схватить ее не только в процессе функционирования, но и в историческом развитии? Как уловить связь между тем, что предстает как открытая взору поверхность капиталистических отношений, и тем, что составляет их скрытую сущность? Как отразить все хитросплетения капиталистической экономики в системе категорий?

Эту беспрецедентную по своей трудности задачу Маркс решил с помощью диалектико-материалистического метода восхождения от абстрактного к конкретному, который хотя и ведет свое происхождение непосредственно от метода Гегеля, но столь же разнится от него, как разнится, например, естественно-исторический процесс эволюции живых форм, веичающийся человеком, от описанного Гёте в «Фаусте» мистико-алхимического сотворения Гомукула в стеклянной колбе.

Как и перед Гегелем в свое время, перед Марксом встал вопрос: с чего начинать теоретическое воспроизведение системы капиталистического хозяйствования? От решения его зависело многое, ибо неверная исходная посылка ведет и к неверным выводам, ибо на непрочном фундаменте стройного здания теории не построишь. Кажется, что естественнее всего начинать политическую экономию с чего-нибудь реального и конкретного, например, с населения, нации, государства. Так и поступали экономисты XVIII века.

Однако государство — сложное понятие. В нем не разберешься без осознания того, из чего состоит государственный механизм, как он работает, какими политическими, экономическими факторами определяется его деятельность.

И если бы исследователь начал с государства, населения, то это было бы весьма смутное хаотическое представление о целом, и только путем более детальных определений можно было бы прийти к пониманию различных частных аспектов этих понятий. Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь и снова прийти к населению, государству, но на этот раз не как к хаотическому представлению, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений. Гегель справедливо называл такой ход исследования «взнуздыванием клячи с хвоста».

Поэтому начать следует с частного, элементарного, простого, то есть абстрактного понятия. Но какого именно? Где та исходная клеточка, тот зародыш, из которого естественно развивается весь цельный организм капиталистического производства?

Маркс останавливает свое внимание на товаре. Первый абзац «Капитала» гласит: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров», а отдельный товар — как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара».

Маркс начинает «Капитал» с элементарнейшего бытия экономики — с товара, с обмена товаров. И это отнюдь не мысленный фантом, это — нечто чувственно осязаемое, грубо-материальное, с чем каждый повседневно имеет дело, что пронизывает весь организм экономики во всех его частях и частностях, что составляет его исторический исходный пункт.

В то же время обмен товаров — это «самое простое, обычное, ...миллиарды раз встречающееся, отношение буржуазного (товарного) общества» (Ленин). Это абстракция, но абстракция, рожденная самим ма-

териальным существованием капитализма и в процессе его возникновения, и в его развитом виде. Она, в противоположность Гегелю, не результат деятельности мышления самого по себе. Она дана материально, как сторона материально существующей системы, и потому может, должна получить соответствующее — исходное — место в модели этой системы.

Что такое отношение товаров? На чем оно зиждется? На противоречии потребительной и меновой стоимости. Маркс рассматривает борьбу этих противоположностей и вытекающую из них противоположность абстрактного и конкретного труда и приходит к более сложному понятию всеобщей формы стоимости, а от нее — к денежной форме стоимости. Движение его мысли совершается не согласно кем-то предписанным законам, а согласно логике, диалектике самого предмета исследования. Он ни на йоту не отвлекается от анализа реального процесса товарного производства и обращения. И именно потому и приходит к положительным результатам.

Энгельс, характеризуя метод Маркса в «Капитале», пишет: «Кто хочет иметь яркий пример того, что немецкий диалектический метод на своей теперешней ступени развития по меньшей мере настолько же превосходит старый, пошло-болтливый метафизический метод, насколько железные дороги превосходят транспортные средства средневековья, тот пусть прочтет у Адама Смита или у какого-либо другого официального экономиста с именем, какие мучения причиняет этим господам меновая стоимость и потребительная стоимость, как трудно им четко отделить одну от другой и понять каждую в ее своеобразной определенности, а затем сопоставит все это с ясным простым изложением данного вопроса у Маркса».

Карл Маркс. Художник Геллерт.

От понятия к понятию, от категории к категории в строгом соответствии со структурой капиталистического производства возводится стройное здание Марксовой теории. Каждая последующая категория здесь с необходимостью выводится из предшествующей, обогащаясь новым содержанием, охватывая все более широкий круг явлений, то есть — конкретизируясь. Анализ исходного противоречия, заложенного в товарном отношении, приводит к выявлению развитых противоречий капиталистического общества в их конкретном проявлении, а следовательно, и к революционному выводу о неизбежном отрицании этого общества.

Пролетариат получает могучее теоретическое оружие в борьбе с буржуазией. Наука обогащается диалектико-материалистическим методом восхождения от абстрактного к конкретному.

В научном познании диалектическому методу еще предстоит показать, на что он способен. Естественные науки ощущают настоятельную потребность обобщить, упорядочить накопленный материал, диалектически его обработать, интегрировать разрозненные достижения наук на разных флангах с помощью нового понятийного и методологического аппарата.

На этом пути естествознание вступает в самые высокие сферы теоретического мышления. Оно неизбежно встает перед задачей привести в определенную систему все достигнутые результаты, изложить их в рамках единой теории. Такая задача уже в повестке дня современной физики, биологии, экологии. Для решения же ее не существует другого способа, кроме метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Диалектико-материалистический метод в руках исследователя — могучее оружие. Он помогает ему

выбрать правильный ориентир, не сбиться с пути, не зайти в тупик. Помогает увидеть проблему там, где ее еще не могут обнаружить эксперимент и математический анализ. Но все это при том непеременимом условии, что исследователь не просто знает философские положения, а в совершенстве владеет этим методом.

Марксистско-ленинская философия призвана разрабатывать методы творческого, поискового, неформализуемого мышления, протекающего на высшем уровне обобщений. Она призвана открывать новые способы движения теоретической мысли, новые формы мышления, соответствующие все более глубокому проникновению в сущностные и всеобщие связи мироздания. Материалистическая диалектика, как и марксизм в целом, говоря словами Энгельса и Ленина, — не догма, а руководство к действию.

* * *

Конечно, все сказанное о философии «Капитала» — лишь несколько беглых штрихов. Этим я хотел лишь показать, что здесь захватывающее и интереснейшее поле интеллектуальной деятельности. Здесь — бездонная глубина, в которую стоит проникнуть, которая способна обогатить нас духовно тем больше, чем глубже мы в нее погружаемся. По древнему изречению, которым любил пользоваться сам Маркс: здесь Родос, здесь — прыгай.

Бессмертие

И имя его и дело переживут века.

Фридрих Энгельс

Когда перестало биться сердце Карла Маркса — он умер 14 марта 1883 года, через год после кончины своей жены, — Фридрих Энгельс писал, что человечество стало ниже на одну голову.

Смерть Маркса была невосполнимой утратой. Его дело, его идеи явились для человечества величайшим приобретением, которое трудно переоценить.

В истории человеческой культуры не было явления, хоть в какой-то мере аналогичного марксизму. Прежние философы создавали теории, которые оставались достоянием лишь узкого круга «посвященных». Эти теории претендовали либо на объяс-

нение отдельных сторон действительности, либо на идеальное конструирование мира, либо на реконструкцию его недостижимого идеала.

Они создавали системы, которые должны были, по их фанатичному убеждению, объяснить все сущее раз и навсегда. Они провозглашали абсолютные догматы истолкования мира и требовали безусловного поклонения им. Какие бы оттенки ни принимали спекулятивные построения у разных философов, их всех объединяло одно: неисторичность мышления.

Трагедия этих мыслителей заключалась в том, что их теории никак не могли угнаться за действительностью. Жизнь, повинаясь скрытым диалектическим законам, неумолимо шла вперед, а доктрины, которым надлежало покорить мир, безнадежно устаревали, едва появившись на свет. Что поделаешь: теория сера, но вечно зелено дерево жизни!

Этот афоризм Гёте оказался несостоятельным, когда Маркс соединил теорию с жизнью, с практикой, когда появилась теория, отражающая не факты действительности сами по себе, не те или иные ее преходящие явления, а само развитие этой действительности, самое ее вечное и непрестанное движение и изменение. Все шоры были сорваны, все предрассудки догматического мышления опрокинуты; мир впервые предстал в теории таким, каков он есть: во всей сложности и противоречивости бесконечного развития в пространстве и времени. Человеческое общество в этом понимании представляет венец развития природы и движется, повинаясь вполне определенным и познаваемым естественно-историческим законам.

Если попытаться коротко определить самое существо марксистского мировоззрения, то это его по-

последовательный антидогматизм и последовательный историзм.

Люди, не понимающие этого существа марксизма, обычно удивляются, что Маркс и Энгельс не оставили произведения, где бы была «во всей полноте» изложена система их взглядов на природу, общество и мышление, — не оставили «катехизиса марксизма». Пытаясь восполнить этот «пробел», некоторые из них принялись за изготовление подобных «катехизисов», но, разумеется, ничего, кроме вульгаризации марксизма, из этой затеи не получилось. Ибо марксизм — это не собрание готовых ответов на все случаи жизни, это не теоретическая модель мироздания, это не «общеобязательная» историческая схема; марксизм — это метод познания существующего в его непрестанном движении и изменении, программа революционного переустройства общественных отношений и орудие борьбы за такое переустройство.

Человеческий гений еще до Маркса научно истолковал многие явления и закономерности природы, но в области общественных отношений мыслители прошлого блуждали в потемках. Марксизм отбросил пустые претензии дать окончательное объяснение всех социальных явлений, но он дал надежный и верный ключ к их изучению. Тем самым исследование общества впервые было поставлено на строго научную почву.

История человечества и ранее изобиловала революционными потрясениями, но до Маркса она не знала подлинно революционного мировоззрения. Развитие общества пошло иными путями, когда революционное движение масс и революционная мысль объединились. Марксизм стал фактором, ускоряющим ход истории, теорией, преобразующей мир.

264 Можно только поражаться тому, как стремительно

распространялись идеи марксизма. Когда был написан «Коммунистический манифест», «Союз коммунистов» объединял всего несколько сотен человек. В 1864 году возникло Международное Товарищество Рабочих — первая массовая и боевая организация мирового пролетариата. Коммунизм начал превращаться в интернациональное движение рабочего класса. А в 1871 году пролетариат Франции предпринял первую героическую попытку претворить идеи коммунизма в жизнь путем революционной борьбы за власть и организации Парижской коммуны, которая просуществовала три месяца.

Обобщая опыт Парижской коммуны, этого детища Первого Интернационала, Маркс увидел в ней государство нового типа, пролетарскую диктатуру, политическую форму, при которой только и могло начаться экономическое освобождение труда. При этом Маркс подчеркивал, что пролетарское государство призвано осуществить подлинный демократизм. Он приветствовал тот факт, что Коммуна выкорчевывала самый дух бюрократизма, открыто поставила под контроль масс действия всех государственных организаций, пыталась опереться на активность самых широких масс трудящихся.

Как уже говорилось, к концу своей жизни Маркс и Энгельс все чаще обращали свои взоры к России, куда перемещался центр мирового революционного движения. Россия являлась первой страной, где был переведен «Капитал» Маркса. Ей суждено было стать первой страной победившего пролетариата.

В 1877 году Маркс писал Зорге о том, что новый поворотный пункт в истории Европы будет связан с событиями в России. «Россия, положение которой я изучил по русским оригинальным источникам, не-

официальным и неофициальным (последние доступны лишь ограниченному числу лиц, мне же были доставлены моими друзьями в Петербурге), давно уже стоит на пороге переворота, и все необходимые для этого элементы уже созрели... Переворот начнется *secundum artem* (по всем правилам искусства. — Г. В.) с конституционных заговоров, и буча выйдет отменная».

Отмечая, что все слоны русского официального общества находятся в экономическом и интеллектуальном отношении в состоянии полного разложения, Маркс утверждал: «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор исторической цитаделью и резервной армией контрреволюции».

Маркс надеялся «при благосклонности матушки природы» дожить до русской революции. Он с Энгельсом иногда ошибался в определении сроков завоевания победы пролетариатом. Но эти ошибки не были продиктованы стремлением «подтолкнуть» революцию. Такой бланкистский подход был им глубоко чужд. И В. И. Ленин был безусловно прав, когда писал, что «такие ошибки гигантов революционной мысли... в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма».

В тот год, когда умер Маркс, гимназисту из далекого русского города Симбирска Владимиру Ульянову исполнилось тринадцать лет, и он уже начал изучать революционно-демократическую литературу. В пятнадцать лет он был знаком с «Капиталом» Маркса, а вскоре стал страстным пропагандистом марксизма и организатором революционной рабочей партии в России.

266 С именем Владимира Ильича Ленина связана новая

В. И. Ленин на открытии временного памятника Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу в Москве 7 ноября 1918 года.

эпоха в творческом развитии марксистских идей и их реализации. А вместе с тем новая эпоха в борьбе рабочего класса за свое освобождение и построение того мира, контуры которого были обрисованы еще в «Коммунистическом манифесте».

Если XIX век был веком рождения теории научного коммунизма, то XX век стал веком нового общества, веком рождения целого содружества наций, строящих «коммунизм как завершенный гуманизм».

Ныне марксизм овладел умами и сердцами миллионов трудящихся. Он стал политическим, идеологическим, философским, культурным центром всей жизни современного общества. И даже самые реакционные буржуазные теории вынуждены доказывать свое право на существование только своей борьбой с марксизмом.

Ученые прислужники буржуазии, которых Маркс называл «духовными вонючками», по-прежнему из всех сил «опровергают» и «уничтожают» марксизм, пытаются заменить его более приемлемым для современных филистеров «измами», выхолостить из него живую душу, заменить научный социализм тем «бараньим социализмом», который так зло высмеивали в свое время Маркс и Энгельс.

Мы видим, что эти потуги тщетны. «Крот истории» неумолимо роет именно в том направлении, которое было определено Марксом. Мировое коммунистическое движение крепнет и набирает силы.

В наш динамический век социальный и научно-технический прогресс идет особенно бурными темпами. Почти каждый день приносит нам сообщения о новых политических событиях большой важности и о новых научных открытиях. Вместе с прогрессом общества непрерывно развивается и марксистская теория, обоб-

щая новые факты и открывая миру новые горизонты. Если философская и общественная исследовательская мысль успокаивается на достигнутом и ограничивается лишь популяризацией, то она неизбежно перерождается в свою противоположность: в догматизм и доктринерство.

Марксизм-ленинизм органически чужд застою. Он не отгораживается от жизни в замкнутые рамки сектантского учения. Возникнув исторически на основе обобщения и критической переработки всего культурного наследия человечества, марксизм продолжает развиваться, впитывая в себя лучшие достижения человеческого гения.

«Сила марксизма-ленинизма,—подчеркивалось в Отчетном докладе на XXV съезде КПСС,—в постоянном творческом развитии. Этому учил Маркс. Этому учил Ленин».

Смелая, творческая, ищущая мысль Маркса живет и борется на нашей планете. Она участвует в работе крестьянина, рабочего, ученого, философа, политика. Она помогает каждому осознать свое место в жизни и в социальной борьбе. Она помогает избавить мир от всей социальной скверны и напasti, избавить человечество от войн, страданий, нищеты, голода, несправедливости.

Она помогает сделать жизнь на всей Земле достойной Человека.

СОДЕРЖАНИЕ

К МОЕМУ МОЛОДОМУ ЧИТАТЕЛЮ	5
ГЕРМАНИЯ В «СВИНЦОВОЙ СПЯЧКЕ»	11
РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИЗВАНИИ	30
«НЕИСТОВСТВО ИРОНИИ» И «ЖАЖДА СМЕЛОГО ПОЛЕТА»	45
«ПО ПРАВДЕ, ВСЕХ БОГОВ Я НЕНАВИЖУ»	65
«БЕЗ ФИЛОСОФИИ МНЕ НЕ ПРОБИТЬСЯ ВПЕРЕД»	87
БЕСПОЩАДНАЯ КРИТИКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОИСКАХ «ИСТИННОГО ЛОЗУНГА БОРЬБЫ»	111
КОММУНИЗМ КАК ЗАВЕРШЕННЫЙ ГУМАНИЗМ	156
ГЕНИЯ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ	185
РЯДОМ С ГЕНИЕМ — ГЕНИЯ	220
ФИЛОСОФИЯ «КАПИТАЛА»	240
БЕССМЕРТИЕ	262

Для старшего возраста

Генрих Николаевич Волков

ПУТЬ ГЕНИЯ

Ответственный редактор *Э. П. Микоян*.
Художественный редактор *А. Е. Цветков*.
Технический редактор *А. П. Костинова*.
Корректоры *А. А. Рогова* и *Е. И. Щербакова*.

Сдано в набор 26/IV 1976 г. Подписано к печати 15/IX 1976 г. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бум. офс. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 10,36. Тираж 100 000 экз. А08627. Заказ № 217. Цена 57 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавополиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Волков Г. Н.

В 67   **Путь гения. Становление личности и мировоззрения Карла Маркса. Оформл. Л. Зусмана. М., «Дет. лит.», 1976.**

270 с. с ил.

Книга о великом мыслителе, философе, революционере Карле Марксе, о становлении его личности и мировоззрения.

ЗК16

70803—558

В—————50Р—76

М101(03)76

Цена 57 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

X	0
Z	O
A	Y
I	5
W	O
L	0

X	0
Z	O
A	Y
I	5
W	O
L	0

X	0
Z	O
A	Y
I	5
W	O
L	0

X	0
Z	O
A	Y
I	5
W	O
L	0

X	0
Z	O
A	Y
I	5
W	O
L	0